2Б.89(5)
Н73
50339

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

26.89(5)
91
Н 73
Новицкий.
По странам полуденным.
590
1965

Отъ автора.

Инв. 50339

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ командированъ въ Индію для ознакомленія съ англо-индійской арміей. По пути я посѣтилъ Египетъ и Цейлонъ, а обратно вернулся въ Россію сухимъ путемъ черезъ горныя страны Центральной Азіи. Свои впечатлѣнія по обозрѣнію англо-индійскихъ войскъ я изложилъ въ своей книгѣ „Военные очерки Индіи“, вышедшей двумя изданіями въ 1899 и 1901 гг. Свое обратное путешествіе въ Россію я описалъ въ книгѣ „Изъ Индіи въ Фергану“, изданной въ 1903 году Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Однако, за обработкой и изданіемъ военныхъ и географическихъ наблюденій, въ моихъ дневникахъ осталось не мало другихъ впечатлѣній общаго характера, которыя, въ часы досуга, обрабатывались мною постепенно въ рядъ путевыхъ очерковъ, большая часть которыхъ печаталась въ фельетонахъ „Русскаго Инвалида“.

Издавая въ настоящее время эти очерки отдѣльной книгой, я дѣлаю это въ увѣренности, что, несмотря на протекшіе со времени моего путешествія годы, эти впечатлѣнія, впечатлѣнія обыкновеннаго европейскаго туриста, не могли потерять своего интереса въ отношеніи страны, столь постоянной въ своихъ бытовыхъ условіяхъ, какъ Индія.

В. Новицкій.

I. На пути въ Египетъ.

Морозный, январьскій вечеръ... На платформѣ громаднаго, шумнаго вокзала—група лицъ, собравшихся сюда проводить меня и пожелать мнѣ счастливой дороги. Поѣздъ уже поданъ, публика толпится около вагоновъ, носильщики мечутся съ чемоданами, ручныя багажныя телѣжки съ визгомъ проносятся въ обѣ стороны, а величественныя и серьезныя фигуры станціонныхъ жандармовъ уже приближаются къ вагонамъ...

Вотъ и второй звонокъ. Я снимаю шляпу и начинаю прощаться; нѣкоторые изъ провожающихъ съ такимъ участіемъ и сожалѣніемъ глядятъ на меня, что мнѣ на минуту кажется, что я собираюсь предпринять что-то чрезвычайно опасное. Да и то сказать, вѣдь я покидалъ Петербургъ, чтобы отправиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Индію! Чума, голодающіе индусы, разбои горцевъ на сѣверо-западной границѣ, тропическая жара, москиты, змѣи и, наконецъ, подозрительность англичанъ. Сколько серьезныхъ причинъ для всевозможныхъ тревогъ и опасеній!

Еще 2—3 минуты и я нахожусь уже въ вагонѣ; стоя у обсыпаннаго снѣгомъ окна, я киваю провожающимъ меня, которые тѣсной группой придвинулись къ вагону. До свиданья, до свиданья! Поѣздъ начинаетъ двигаться, быстро ускоряя свой ходъ; мимо меня проносятся освѣщенныя окна вокзала, мелькаютъ фигуры жандармовъ, желѣзнодорожныхъ агентовъ и публики, провожающей поѣздъ. Затѣмъ видны по сторонамъ дороги многочисленные огни городскихъ предмѣстій, мелькаютъ цвѣтные фонари на рельсовыхъ путяхъ, но, наконецъ, все это исчезаетъ и поѣздъ погружается во мракъ, сквозь который едва можно различить безбрежную равнину, покрытую снѣгомъ.

Вагонъ, въ которомъ я находился, былъ прямого сообщенія отъ Петербурга до Одессы и такъ какъ мнѣ пред-

стояло провести въ немъ двое сутокъ, то я и старался устроиться здѣсь съ возможнымъ удобствомъ.

Переѣздъ до Одессы прошелъ для меня весьма скучно; общество въ нашемъ вагонѣ состояло изъ какихъ-то мрачныхъ пасажировъ, не поддававшихся на разговоры и если-бы не офицеръ, возвращавшійся изъ отпуска въ полкъ въ Винницу, да не акцизный чиновникъ, ѣхавшій куда-то въ Волынскую губернію, то пришлось-бы всю дорогу спать, что, конечно, тяжело даже въ путешествіи. Офицеръ съ акцизнымъ чиновникомъ составляли мнѣ компанію въ вылазкахъ въ станціонные буфеты, и время отъ времени мы вели между собой бесѣды, направленныя къ осужденію установившихся на желѣзныхъ дорогахъ порядковъ; но когда я разстался съ офицеромъ въ Винницѣ, а съ акцизнымъ чиновникомъ въ Жмеринкѣ, то мнѣ стало еще скучнѣе и я почувствовалъ, что теперь обреченъ на молчаніе уже вплоть до Одессы.

Чѣмъ дальше спускались мы къ югу, тѣмъ становилось все холоднѣе и холоднѣе; отъ Ровно толщина снѣжнаго покрова стала сильно увеличиваться и здѣсь-же закрутила метель, сопровождавшая насъ почти цѣлый день; однако, около Одессы вѣтеръ утихъ, снѣгъ на поляхъ лежалъ уже тонкимъ слоемъ, сквозь который мѣстами просвѣчивала черная земля и небо подавало надежды на прояснѣніе.

Наконецъ и Одесса. Грязный, шумный вокзалъ, комисіонеры гостиницъ, выкрикивающіе съ сильнымъ еврейскимъ произношеніемъ ихъ названія, давка, толкотня...

Розыскиваю комисіонера гостиницы, рекомендованной мнѣ еще въ Петербургѣ, получаю вещи изъ багажа и уѣзжаю съ вокзала. Черезъ четверть часа я сижу въ чистомъ номерѣ возлѣ самовара, выбрасывающаго съ шипѣніемъ большіе клубы горячаго пара и отдыхаю отъ двухсуточной тряски въ вагонѣ.

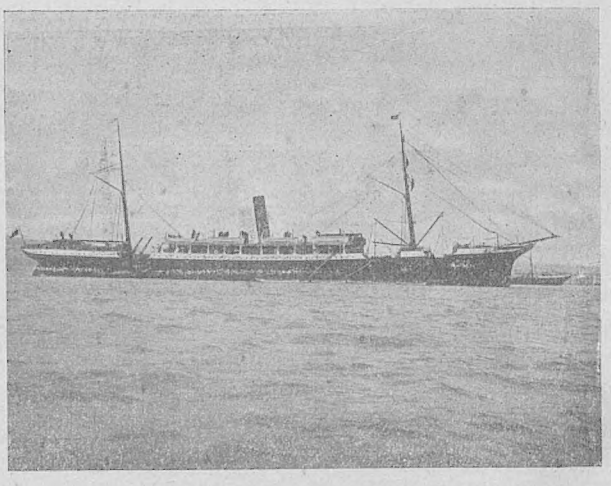
Весь слѣдующій день послѣ моего пріѣзда былъ посвященъ мною на приготовленія къ отъѣзду заграницу. Я побывалъ въ турецкомъ консульствѣ, гдѣ визировалъ свой заграничный паспортъ, и заѣзжалъ въ великобританское, но здѣсь мнѣ отвѣтили, что въ британскихъ владѣніяхъ не

существуетъ паспортовъ, а потому нѣтъ надобности визировать и русскаго. Съѣздивши въ Карантинную гавань въ агентство русскаго общества пароходства и торговли, я запасся билетомъ до Александріи. Общество это поддерживаетъ постоянныя сообщенія между Одессой и Египтомъ, отправляя еженедѣльно по одному пасажирско-грузовому пароходу съ обоихъ концовъ. Пароходы слѣдуютъ на Константинополь, Смирну и Пирей въ Александрію. Иногда они заходятъ и на островъ Критъ.

Хотя въ Одессѣ имѣется очень много банкирскихъ конторъ, какъ приличествуетъ городу съ крупной торговлей и большимъ количествомъ евреевъ, но къ моему удивленію ни въ одной изъ нихъ не оказалось англійскихъ денегъ. Впрочемъ, я былъ настолько предусмотрителенъ, что почти всѣ свои деньги обмѣнялъ на англійскія бумаги еще въ Петербургѣ, почему въ Одессѣ у меня оставалось русскихъ денегъ лишь рублей на 200, которые удалось обмѣнять на британское золото у какого-то мѣнялы еврейско-армянскаго вида, расположившагося со своимъ столикомъ на бойкомъ мѣстѣ, на углу Дерибасовской и Ришельевской улицъ.

18 января, рано утромъ, я отправился на пристань и доѣхалъ до парохода „Императоръ Николай II“, уже совершенно готоваго къ отплытію. Какіе-то два оборванца, изображавшіе изъ себя носильщиковъ, схватили мои вещи и понесли ихъ къ пароходу, но здѣсь ихъ прогналъ какой-то третій субъектъ, болѣе приличнаго вида и, завладѣвъ моими чемоданами, снесъ ихъ въ каюту. Важный и суровый на видъ жандармъ, ходившій по палубѣ парохода, приглашалъ пасажировъ предъявлять свои паспорты, которые осматривались, штемпелевались и записывались въ книгу тремя жандармами, сидѣвшими въ небольшой будкѣ на берегу. Пасажиры быстро прибывали одинъ за другимъ, распредѣляясь по каютамъ, закрытый уже люкъ необъятнаго трюма, скрывавшаго въ своихъ нѣдрахъ несмѣтные грузы, покрывался темнымъ брезентомъ, по палубѣ пробѣгали матросы, суетясь въ послѣднихъ приготовленіяхъ къ отъѣзду, а жандармы въ послѣдній разъ обходили каюты, провѣряя паспорты, какъ будто бы стараясь предупредить отъѣздъ заграницу какихъ либо важныхъ преступниковъ.

Послѣ третьяго свистка машина зашумѣла, пароходъ слегка дрогнулъ, качнулся въ одну, въ другую сторону, но остался на мѣстѣ; машина замолкла. Спустя минуту она опять пошла въ ходъ, но мы попрежнему стояли неподвижно. Капитанъ что-то кричалъ съ мостика, матросы бѣгали по палубѣ; оказалось, что пароходъ не можетъ тронуться съ мѣста, будучи скованъ льдомъ, сплошь покрывавшимъ воду на большомъ пространствѣ вокругъ парохода. Пришлось прибѣгнуть къ помощи легкаго буксирнаго пароходика „Полезный“, который пыхтѣлъ около часа, стараясь сдвинуть насъ съ мѣста. Наконецъ, въ 11 часовъ утра пароходъ тронулся и началъ медленно пробиваться въ льдинахъ къ открытому морю. Еще полчаса, и заполненная льдами гавань осталась уже позади, а за нею и городъ, быстро удалявшійся на горизонтѣ.



1. Пароходъ „Императоръ Николай II“.

Пароходъ „Императоръ Николай II“ принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ пароходовъ русскаго общества пароходства и торговли, онъ имѣетъ 7,885 тоннъ водоизмѣщенія, одну машину въ 3,400 индикаторныхъ лошадиныхъ силъ и одинъ винтъ. На немъ имѣется 103 пасажирскихъ мѣста,—менѣе чѣмъ на большихъ пароходахъ того-же об-

щества, совершающихъ рейсы по крымско-кавказской линіи, но зато онъ приспособленъ къ перевозкѣ весьма большихъ грузовъ. Каюты I-го класа обставлены роскошно, II-го хорошо, а для палубныхъ пасажировъ имѣется крытое помѣщеніе. Класныхъ пасажировъ было всего человѣкъ 12, изъ коихъ 4 оказались иностранцами; одинъ изъ послѣднихъ — блѣдный, больного вида французъ—былъ моимъ сожителемъ по каютѣ. Спустя съ часъ, послѣ выѣзда изъ Одессы, мы перезнакомились, но съ иностранцами не надолго, потому что въ Константинополѣ всѣ они оставили пароходъ. Зато изъ числа русскихъ пасажировъ я встрѣтилъ одного, съ которымъ судьба свела меня на болѣе продолжительное время. Это былъ К. М. Ив—ій, бывшій офицеръ, ѣхавшій въ Египетъ, а оттуда — въ Малую Азію для энтомологическихъ экскурсій. Мы разговорились, ознакомили другъ друга со своими предположеніями и рѣшили, пріѣхавши въ Александрію, совершить совмѣстно нѣсколько поѣздокъ въ странѣ фараоновъ. Я былъ очень обрадованъ этой встрѣчей, благодаря которой избѣгалъ скучнаго одиночества, что особенно важно въ первое время по выѣздѣ изъ отечества.

Свѣжій вѣтеръ, дувшій еще съ утра, покрѣпчалъ къ вечеру, разведя довольно большое волненіе въ морѣ; съ наступленіемъ темноты закачало; пассажиры разошлись по каютамъ очень рано, а мой сосѣдъ-французъ уже давно лежалъ на своей койкѣ, страдая отъ качки.

Къ утру волненіе не только не уменьшилось, но усилилось и пассажиры весьма вяло принимались за утренній чай, уже съ 7 часовъ утра поданный въ столовой. Французъ страдалъ еще больше вчерашняго и своимъ болѣзненнымъ видомъ вызывалъ всеобщее участіе.

Послѣ полудня вѣтеръ утихъ, волненіе на морѣ улеглось и мы одинъ за другимъ начали выходить на палубу, чтобы не пропустить Босфора, въ который должны были войти около 2 часовъ дня. Однако, вслѣдствіе вѣтряной погоды, нашъ пароходъ сильно запоздалъ и лишь въ 6-мъ часу вечера мы были въ Босфорѣ.

Высокіе берега, покрытые турецкими деревушками, старыми укрѣпленіями, башнями и казармами тянулись по сторонамъ, постепенно погружаясь въ сумерки. Но вотъ

ближе къ Константинополю начали встрѣчаться и новыя укрѣпленія: земляные брустверы отчетливо обрисовывались на темномъ фонѣ береговъ, а за ними были видны каменныя постройки, мрачныя и суровыя; орудія крупныхъ калибровъ взглядывали своими дулами изъ амбразуръ, какъ бы высматривая—не идутъ-ли изъ Чернаго моря враги? Вотъ слѣва на азіятскомъ берегу въ сумеркахъ обрисовалась земляная батарея, а рядомъ съ ней—карантинъ. Здѣсь пароходъ замедлилъ свой ходъ и спустилъ шлюпку съ помощникомъ капитана и 4 матросами, которые поѣхали на карантинъ прописывать судовой паспортъ для свободнаго пропуска.

Уже стемнѣло, когда мы подошли къ Константинополю, вошли въ бухту Золотого Рога и при помощи греческаго буксира стали на якорь. Такъ какъ турецкая таможня была уже закрыта, то пришлось дожидаться слѣдующаго утра, чтобы имѣть возможность сойти на берегъ.

По случаю мусульманскаго праздника Рамазана городъ былъ залитъ огнями, среди которыхъ особенно рѣзко выдѣлялись ярко-освѣщенная набережная передъ однимъ изъ султанскихъ дворцовъ—Дольма-Бахче и круговые балкончики высокихъ минаретовъ мечетей. На азіятскомъ берегу блестѣло многочисленными огнями Скутари, а у выхода изъ Босфора въ Мраморное море возвышалась прямо изъ воды, построенная на небольшой подводной скалѣ, башня Леандра, а рядомъ съ ней—маякъ, освѣщенный двумя красными фонарями.

Съ башней Леандра связана турецкая легенда о султанской дочери, укрывавшейся въ ней отъ предсказанной ей смерти отъ укушенія змѣи и тѣмъ не менѣе скончавшейся именно отъ этого: змѣя оказалась въ корзинѣ цвѣтовъ, присланныхъ ей отъ какого то влюбленнаго въ нее принца.

Около 9 часовъ вечера луна пыталась выглянуть изъза тучъ, густо покрывавшихъ небо, на минуту освѣтила своимъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ Константинополь и бухту, но тотчасъ же скрылась. Огни въ городѣ постепенно гасли, все кругомъ утихало и лишь слышенъ былъ пѣстовый лай собакъ, отчетливо доносившійся къ намъ изъ Стамбула.

Весь день 20-го января мы съ Пв-мъ рѣшили посвятить на ознакомленіе съ Константинополемъ. Рано утромъ, спустившись по трапу къ многочисленнымъ лодкамъ, шнырявшимъ уже съ восходомъ солнца вокругъ парохода, мы сѣли въ турецкую шлюпку, которая за 5 піастровъ (40 коп., свезла насъ къ таможенной пристани. Здѣсь насъ немедленно же принялъ въ свое вѣдѣніе какой-то пожилой господинъ еврейскаго типа, говорившій по русски и указалъ намъ куда и кому слѣдуетъ предъявлять свои паспорты). Прямо съ пристани мы вошли въ деревянный сарай со сквознымъ проходомъ, въ которомъ сидѣли два турецкіе чиновника, принимавшіе паспорты и дѣлавшіе въ нихъ отмѣтки. Когда мы вышли на набережную Золотого Рога господинъ еврейскаго типа вручилъ намъ свою визитную карточку, на которой было прописано по англійски, что онъ, Joseph Jacob, говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ и затѣмъ предложилъ сопровождать насъ по городу, обѣщая за 4 рубля показать намъ всѣ достопримѣчательности столицы Падишаха. Мы согласились и тотчасъ же направились въ мѣстное агентство русскаго общества пароходства и торговли, находящееся по сосѣдству съ таможенной пристанью, чтобы отправить свои письма въ Россію.

Русское общество пароходства и торговли имѣетъ на своихъ заграничныхъ линіяхъ собственныя почтовыя учрежденія при своихъ агентствахъ; корреспонденція, отправляемая черезъ эти учрежденія, оплачивается особыми марками 10 копѣечнаго достоинства съ надписью „восточная корреспонденція“.

Не знаю исправна-ли вообще доставка этой „восточной“ корреспонденціи, но могу лишь сказать, что единственныя письма не полученныя моими родственниками и знакомыми за время моихъ восьмимѣсячныхъ скитаній по Архипелагу, Египту, Индіи, Кашмиру, Ладаку и Кашгаріи, были именно письма, отправленныя мною изъ Константинополя въ почтовомъ отдѣленіи мѣстнаго агентства.

Приступая къ осмотру Константинополя, мы первымъ дѣломъ направились въ турецкую часть города, въ Стамбулъ, гдѣ только и можно получить настоящее представленіе о столицѣ Османовъ. Здѣсь находится центръ тяжести жизни

турецкаго населенія, здѣсь ощущается біеніе ея пульса, здѣсь имѣются въ изобиліи краснорѣчивыя свидѣтельства мусульманскаго владычества къ Царьградѣ—многочисленныя мечети, среди коихъ древняя византійская Софія господствуетъ надъ всѣми.

Мы прошли по набережной къ мосту, соединяющему Стамбулъ съ сосѣднимъ кварталомъ Константинополя, называемымъ Галатой. Мостъ перекинутъ черезъ узкую часть Золотого Рога, онъ деревянный, разводной для прохода судовъ, довольно ветхій и содержится весьма плохо. За переходъ черезъ мостъ взимается съ каждаго проходящаго или проѣзжающаго по 10 паръ ($^1/_4$ часть турецкаго піастра или 2 коп.) (1), что вслѣдствіе весьма оживленнаго на немъ движенія, даетъ, говорятъ, весьма солидную сумму въ теченіе года.

Прямо противъ моста, по другую его сторону, возвышается построенная матерью султана Магомета IV, мечеть Султанъ-Валидэ, первое, что встрѣчаетъ человѣкъ, вступая на землю Стамбула; за ней видна величественная Софія, высокіе минареты которой, возвышаясь по угламъ, сторожатъ этотъ древній памятникъ христіанства. Уже на мосту мы были охвачены уличной жизнью Стамбула; въ обѣ стороны двигалась пестрая, шумная толпа пѣшеходовъ, поминутно встрѣчались нагруженные мѣшками, ящиками и тюками лошади и ослы, подгоняемые крикливыми погонщиками, въ толпѣ лавировали разнощики, громко выкрикивая по-турецки названія и цѣнность своихъ товаровъ, нарѣдка проѣзжали въ ту или другую сторону парныя извощичьи коляски, заставляя толпу разступаться и приводя въ смятеніе вереницы вьючныхъ животныхъ.

Вступая въ Стамбулъ, попадаешь въ чисто азіятскій, грязный и непривѣтливый городъ. Ничто не напоминаетъ здѣсь о томъ, что находишься въ Европѣ; глубоко пропитанные фанатизмомъ Ислама, турки принесли сюда, на развалины Византіи, духъ и оригинальную обстановку востока, ничего не измѣнивъ въ послѣдней въ теченіе нѣсколькихъ

(1) Турецкій меджидіе—серебряная монета величиной съ нашъ рубль—дѣлится на 20 піастровъ (серебряная монета), піастръ дѣлится на 40 паръ (мѣдная монета); піастръ равенъ 8 коп.

вѣковъ непосредственнаго сосѣдства съ европейской культурой.

Стамбулъ состоитъ изъ многочисленныхъ, кривыхъ, узкихъ и грязныхъ улицъ, застроенныхъ невысокими, частью каменными, а частью деревянными домами азіятской архитектуры; улицы пересѣкаются подъ всевозможными углами, образуя мѣстами небольшія площади, плохо мощены и то поднимаются, то опускаются, сильно утомляя обозрѣвающаго городъ. Какъ во всѣхъ азіятскихъ городахъ, на нихъ сосредоточивается жизнь городского населенія, проводящаго весь день на улицахъ, чему способствуетъ и мягкій климатъ благодатнаго юга. Всѣ торговыя заведенія, мастерскія, съѣстныя лавки—все здѣсь на воздухѣ, заполняя своими произведеніями, товарами и рабочими узкія панели, трудно проходимыя для пѣшеходовъ. Все это открыто настежь, плохо, а иногда и совсѣмъ не приспособлено къ запиранію и все это смѣшивается съ уличной толпой и съ торгующими по улицѣ разнощиками. Вотъ большая мясная лавка: торговецъ развѣсилъ кровавыя мясныя туши на палкахъ, далеко выступающихъ на улицу и нужно проходить здѣсь съ особенной осторожностью, чтобы не задѣть плечомъ или тряпой за сине-красные куски мяса; нѣсколько дальше турокъ-цирульникъ брѣетъ соотечественника на порогѣ своего заведенія, еще дальше по обѣ стороны улицы разложили свои инструменты и произведенія лудильщики, сапожники, корзинщики и многіе другіе ремесленники. Все это шумитъ, разговариваетъ, перекликается, торгуется и ругается...

Характерной особенностью Стамбула является необыкновенное обиліе собакъ, которыя встрѣчаются буквально у каждаго дома; въ большинствѣ случаевъ худыя, съ сѣро-желтой шестью, похожія на волковъ, онѣ или лежатъ свернувшись клубкомъ на панеляхъ передъ домами, или копаются въ мусорныхъ ямахъ, отыскивая себѣ пропитаніе, котораго, вѣроятно, не получаютъ другимъ путемъ. Несомнѣнно, что онѣ единственные санитары Стамбула. Любопытно смотрѣть на нихъ, когда по сосѣдству появляется уличный разнощикъ съ мясными продуктами, который несетъ на длинномъ шестѣ, перекинутомъ подобно коромыслу черезъ плечо, свѣшивающіяся внизъ внутренности, сбываемыя бѣднѣйшему

населенію. Какъ только разнощикъ остановится на минуту передъ домомъ, чтобы предложить кому нибудь свой дешевый товаръ, отъ всѣхъ сосѣднихъ домовъ быстро сбѣгаются собаки и, ставши вокругъ торговца, умильно посматриваютъ на свѣжіе потрохи, поднявши свои острыя морды. Однако, эти четвероногіе жители Стамбула отличаются весьма добрымъ нравомъ и даже по отношенію къ уличнымъ разнощикамъ мяса не проявляютъ грабительскихъ наклонностей, которыхъ легко можно-бы было ожидать отъ нихъ, принявши во вниманіе скудость ихъ пищи.

Колесное движеніе въ Стамбулѣ весьма незначительно; какихъ либо мѣстныхъ, туземныхъ повозокъ я здѣсь не видѣлъ, а городскіе извозчики имѣютъ европейскія парныя коляски, запряженныя малорослыми, но крѣпкими лошадьми. По нѣкоторымъ улицамъ проходитъ городской трамвай съ конной тягой, вагоны котораго не привлекаютъ къ себѣ своимъ неопрятнымъ, неряшливымъ видомъ.

Осмотръ достопримѣчательностей Стамбула мы начали съ оттоманскаго имперскаго музея (Musée Imperial Ottoman), извѣстнаго своими древностями, вывезенными изъ Малой Азіи и Египта. По узкимъ грязнымъ улицамъ турецкаго города мы добрались до его наиболѣе возвышеннаго мѣста, гдѣ среди небольшого запущеннаго сада стоитъ музей, состоящій изъ двухъ зданій—стараго и новаго. Рядомъ съ музеемъ находится археологическая школа.

Для того, чтобы попасть въ музей, нужно пройти ворота въ каменной стѣнѣ, окружающей ту возвышенность, на которой онъ расположенъ. У воротъ находится будка, а въ будкѣ находился въ то время турецкій часовой въ тулупѣ, мало напоминавшій своимъ видомъ солдата; подобная же будка съ часовымъ находится и у зданія музея. Хотя турецкіе часовые стояли и съ ружьями, но сильно напоминали мнѣ нашихъ петербургскихъ дворниковъ, дежурящихъ у воротъ.

Заплативши нѣсколько піастровъ за входъ молодому турку, выдававшему билеты, мы вступили въ музей. Я не стану описывать всѣхъ этихъ египетскихъ, ассирійскихъ, вавилонскихъ, македонскихъ, греческихъ и прочихъ древностей, которыя наполняютъ собой огромныя залы музея,

всѣхъ этихъ царскихъ гробницъ, саркофаговъ, сосудовъ, статуй, камней съ надписями, купелей и другихъ замѣчательныхъ предметовъ, привлекающихъ къ себѣ вниманіе туристовъ, для этого у меня нѣтъ достаточныхъ археологическихъ свѣдѣній и на это потребовалось бы слишкомъ много времени. Музей, повидимому, весьма богатъ и содержится въ полномъ порядкѣ. Всѣ предметы занумерованы и внесены въ каталогъ, мелкія вещи помѣщены въ стеклянныхъ шкафахъ, а гробницы и статуи ограждены перилами.

Проведя часа 3 въ музеѣ, мы отправились осматривать другую достопримѣчательность Стамбула—знаменитую мечеть Софію.

Нѣкогда величественный византійскій храмъ св. Софіи Агія Софія (храмъ божественной мудрости), построенный въ 537 г. архитекторомъ Антеміусомъ въ царствованіе императора Іустиніана и превращенный впослѣдствіи турками въ мечеть, представляетъ собой одно изъ самыхъ древнихъ сооруженій Константинополя.

Для осмотра мечети въ часы незанятые богослуженіемъ иновѣрцы допускаются свободно, однако, не черезъ главный входъ, а въ боковыя двери. При входѣ посѣтителя встрѣчаютъ прислужники-турки, подающіе ему кожаныя туфли, безъ которыхъ посѣщеніе мечети иновѣрцами не допускается. Ходьба въ этихъ туфляхъ, имѣющихъ въ большинствѣ случаевъ огромные размѣры, весьма неудобна; снабженіе ими туристовъ составляетъ, конечно, доходную статью для служащихъ въ мечети: за это берется съ каждаго по 2 піастра (16 коп.), сверхъ 10 піастровъ (80 коп.), взимаемыхъ съ посѣтителей за право входа въ мечеть. Раньше чѣмъ войти во внутреннее помѣщеніе мечети, необходимо пройти поперекъ два широкихъ коридора, которые тянутся во всю ширину мечети паралельно ея главному входу. Въ продольныхъ ихъ стѣнахъ имѣется нѣсколько дверей, ведущихъ во внутрь и завѣшанныхъ тяжелыми циновками. Внутреннее помѣщеніе мечети велико и грандіозно но убранство ея, согласно мусульманскимъ правиламъ, мрачно и просто. Съ потолка низко спускаются черныя металическія люстры съ многочисленными стеклянными лампадами, зажигаемыми во время богослуженія, кое-гдѣ по стѣнамъ

развѣшаны огромные круглые щиты, на которыхъ крупными буквами написаны различныя изреченія изъ корана, въ южномъ углу мечети находится возвышенное мѣсто для султана, а каменный полъ ея устланъ рядами ковровъ, положенныхъ въ косвенномъ направленіи, чтобы дать возможность правовѣрнымъ во время молитвы оріентироваться по нимъ на Мекку. Вотъ и все внутреннее убранство древней Софіи. Однако, ни время, ни вандализмъ османовъ не смогли стереть съ ея стѣнъ всѣхъ слѣдовъ христіанскихъ украшеній, которыя имѣлись здѣсь, вѣроятно, въ большомъ количествѣ. Мраморныя колонны, облицовка мраморомъ нѣкоторыхъ стѣнъ и остатки мозаичныхъ и лѣпныхъ украшеній свидѣтельствуютъ о былой богатой и художественной отдѣлкѣ древняго храма. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на стѣнахъ до сихъ поръ сохранились куски лѣпныхъ изображеній ликовъ Спасителя и святыхъ, а также кресты съ отбитыми поперечинами; особенно хорошо сохранился слѣдъ отъ лѣпного лика Спасителя въ юго-восточномъ углу мечети.

На нѣкоторой высотѣ надъ поломъ мечети находятся первые хоры, а надъ ними—вторые; они представляютъ собой круговые, широкіе коридоры, выложенные огромными каменными плитами и предназначаются для женщинъ, размѣщающихся здѣсь во время богослуженія. На хорахъ находятся тѣ же простыя черныя люстры и тѣ же грубые щиты съ изреченіями изъ корана.

Обозрѣвая величественныя помѣщенія Софіи, я испытывалъ то тоскливое чувство, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ посѣщаетъ развалины. Какое обиліе историческихъ воспоминаній, какое богатое событіями прошлое и какое ничтожество въ настоящемъ! Сколько вѣковъ величія и славы протекло подъ величественными сводами этого храма! Сколько событій смѣнилось вокругъ его купола, сіяющаго подъ яркими лучами южнаго солнца! Блескъ византійской имперіи, нашествіе гунновъ, осада аваровъ, вселенскіе соборы, набѣги болгаръ и россовъ, крестоносцы отъ Петра Пустынника до Балдуина Фландрскаго, короновавшагося подъ сводами Софіи и, наконецъ, появленіе османовъ—все это чередой пронеслось мимо нея на берегахъ

Мраморнаго моря, въ тихихъ, голубыхъ водахъ котораго уже болѣе четырехъ вѣковъ отражаются ея высокіе минареты. И когда ходишь по тусклоосвѣщеннымъ, полутемнымъ хорамъ древней Софіи, вспоминая событія прошедшихъ вѣковъ, кажется будто тѣни прошлаго толпятся въ темныхъ углахъ и боязливо выглядываютъ изъ нихъ, стараясь скрыться во мракѣ. И когда смотришь на босыхъ, прислужниковъ-турокъ въ неуклюжихъ чалмахъ, расхаживающихъ подъ сводами, на которыхъ еще сохранились украшенія хрістіанскаго храма, крѣпко задумаешься надъ превратностью жизни и историческими судьбами народовъ.

По сосѣдству съ Софіей, нѣсколько южнѣе ея, находится огромная мечеть Султанъ Ахмедіе, построенная въ XVII столѣтія султаномъ Ахмедомъ I. Ея особенность заключается въ томъ, что это единственная мечеть въ Константинополѣ съ шестью минаретами.

Послѣ осмотра мечети мы прошлись по площади Ипподрома, гдѣ осмотрѣли обелискъ Феодосія I и Змѣиную колону. Обелискъ представляетъ собой высокій гранитный столбъ, привезенный при Феодосіи I изъ Египта; Змѣиная колонна состоитъ изъ перевитыхъ другъ съ другомъ безголовыхъ туловищъ трехъ змѣй, сдѣланныхъ изъ бронзы и окрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ.

Съ Ипподрома мы отправились въ Безестанъ—обширный туземный базаръ, занимающій огромную площадь въ нѣсколько кварталовъ. Въ прежнія времена это было мѣсто спеціальной торговли холстомъ, но въ настоящее время здѣсь ведется самая разнообразная торговля. Базаръ состоитъ изъ длинныхъ рядовъ неуклюжихъ сводчатыхъ построекъ, поддерживаемыхъ столбами и прорѣзается многочисленными переулками. Подъ сводами Безестана находятъ себѣ пріютъ торговцы всевозможныхъ національностей, но конечно, Азія преобладаетъ надъ всѣмъ. Повсюду тѣснота, давка, грязь, дурной запахъ, шумъ и гулъ голосовъ, говорящихъ на самыхъ разнообразныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Въ грязныхъ переулкахъ толпы прохожихъ, разсматривающихъ товары, грудами разложенные въ проходахъ, загораживаютъ путь и затрудняютъ обозрѣніе базара. Торговыя помѣщенія приноровлены къ теплому климату, наглухо не

закрываются и торговля наполовину производится на улицѣ. За нѣсколько дней до моего пріѣзда въ Константинополь, здѣсь неожиданно наступили холода, закрутила снѣжная метель и буря двое сутокъ свирѣпствовала въ морѣ. Къ моему пріѣзду на улицахъ города еще во многихъ тѣнистыхъ мѣстахъ встрѣчался не стаявшій снѣгъ, а въ узкихъ темныхъ переулкахъ Безестана онъ лежалъ еще небольшими сугробами. Не привыкшіе къ холоду турецкіе торговцы грѣлись около жаровенъ съ горящими угольями, а нѣкоторые изъ нихъ сидѣли закутавшись въ мѣховые халаты. Однако, намъ, прибывшимъ изъ далекаго сѣвера, гдѣ во время нашего отъѣзда стояли морозы въ 20—25°, температура въ Царьградѣ казалась очень пріятной.

Изъ Безестана мы направились обратно къ мосту черезъ Золотой Рогъ, отдѣляющій Стамбулъ отъ сѣверныхъ кварталовъ Константинополя. Перейдя мостъ, мы вступили въ Галату, населенную преимущественно христіанскимъ (греческимъ) населеніемъ. Слѣдующая за Галатой часть Константинополя, занимаемая европейцами и называемая Перой, находится значительно выше Галаты, потому что мѣстность отъ берега сильно повышается внутрь города. Съ цѣлью облегчить сообщеніе Перы съ Галатой, почти отъ самаго моста, ведущаго въ Стамбулъ, проведенъ къ Перѣ тунель, по которому двигается подъемная машина. Мы рѣшили не ѣхать тунелемъ, а дойти до Перы болѣе кружнымъ путемъ, поднявшись на главную улицу европейскаго квартала (Grande rue de Pera) по одному изъ многочисленныхъ узкихъ и грязныхъ переулковъ, ведущихъ наверхъ, подобно гигантскимъ каменнымъ лѣстницамъ.

Grande rue de Pera, хотя и лучшая улица Перы, но не отличается красотой. Она узка, застроена огромными, высокими, простой архитектуры домами и имѣетъ видъ длиннаго коридора. Кое-гдѣ встрѣчаются роскошные европейскіе магазины, конторы, рестораны; грязноватые зеленые вагоны городского трамвая, запряженные крѣпкими турецкими лошадьми, быстро несутся въ обѣ стороны.

По дорогѣ намъ попалось мѣстное агенство товарищества „Кукъ и сынъ“, гдѣ я запасся для дальнѣйшаго путешествія нѣкоторыми свѣдѣніями и росписаніями океан-

скихъ пароходныхъ компаній. Товарищество „Кукъ и сынъ", главная контора котораго находится въ Лондонѣ, а агентства разбросаны по всему свѣту (1), занимается посредничествомъ между туристами и желѣзнодорожными и пароходными обществами. Не ограничиваясь продажей всевозможныхъ билетовъ на проѣздъ, оно вступаетъ въ соглашеніе съ гостиницами, курортами и музеями и организуетъ поѣздки, въ теченіе которыхъ туристу, заплатившему извѣстную сумму денегъ при отправленіи въ дорогу, уже не приходится ничего платить. Предпріятіе Кука пользуется заграницей обширной извѣстностью и западно-европейскіе туристы постоянно прибѣгаютъ къ услугамъ его многочисленныхъ агентствъ, прекрасно выполняющихъ свое назначеніе.

Пройдя значительную часть Grande rue de Pera мы отпустили проводника, который успѣлъ уже надоѣсть намъ своими безтолковыми объясненіями и зашли во французскій ресторанъ, пріятно манившій насъ своими большими окнами, за которыми былъ виденъ рядъ столиковъ, покрытыхъ бѣлоснѣжными скатертями. Войдя въ большую залу ресторана, мы почувствовали себя совершенно въ Европѣ, когда-же, по требованію моего спутника, на столѣ передъ нами появилась небольшая бутылка „смирновки", мы почувствовали себя даже очень близко къ Россіи. Впрочемъ, это было послѣднее напоминаніе объ отечествѣ, потому что уже дальше къ югу началось всесильное царство коньяка и виски.

Въ ресторанѣ, конечно, говорили по французски, подавали не всегда то, что было нами отмѣчено въ карточкѣ блюдъ и взяли съ насъ цѣну, заставившую насъ раньше вынутія кошельковъ нѣсколько поморщиться. Хотя въ Константинополѣ денежные разсчеты ведутся на турецкіе піастры, но въ уплату принимаются всѣ европейскіе денежные знаки; мы платили здѣсь почти за все русскими деньгами.

Часамъ къ 6 вечера мы вернулись на пароходъ. Пасажиры уже были въ сборѣ и пользуясь прекрасной погодой, густо покрывали верхнюю палубу, любуясь Царьградомъ и заливомъ, покрытымъ всевозможными судами. Около новаго

(1) Агентствъ товарищества „Кукъ и сынъ" нѣтъ только въ Германіи и въ Россіи.

моста, соединяющаго Галату со Стамбуломъ, пыхтѣли маленькіе пароходики и переполненные пасажирами черезъ каждые 15—20 минутъ отходили въ Скутари или къ Принцевымъ островамъ. Вокругъ парохода сновали турецкіе челноки, съ какихъ-то большихъ лодокъ нагружали трюмъ парохода бочками, ящиками и тюками. На большой плоской баржѣ подвезли къ пароходу двухъ великолѣпныхъ лошадей, посылавшихся султаномъ въ подарокъ абиссинскому негусу Менелику. Красивыхъ, дрожавшихъ отъ страха животныхъ подняли блоками на пароходъ и помѣстили на нижней палубѣ въ особо приспособленномъ для нихъ помѣщеніи.

Вокругъ насъ кипѣла работа и отовсюду доносились человѣческіе голоса, порой заглушаемые свистками и гудѣніемъ пароходовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Но къ вечеру все постепенно утихало. Когда стемнѣло, на горизонтѣ всплыла луна и освѣтивши своимъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ городъ и бухту, придала картинѣ чудный фантастическій видъ.

2. Видъ на Константинополь съ бухты Золотого рога.

Я долго сидѣлъ на палубѣ, любуясь этой картиной. Впереди, на берегу, возвышалась темная громада города, горѣвшаго тысячами огней; оттуда доносился глухой шумъ,

замиравшій надъ тихимъ заливомъ. На рейдѣ уже все давно стихло и неясные силуэты кораблей неподвижно стояли, отражаясь темными пятнами на гладкой поверхности залива, освѣщеннаго лунным сіяніемъ. Кругомъ тишина; лишь изрѣдка донесется откуда-то плескъ веселъ, легко погружаемыхъ въ воду, и мимо парохода медленно проплыветъ лодка запоздавшаго рыбака или перевозчика. Пасажиры мало-по-малу расходятся. Начинаетъ дуть свѣжій вѣтеръ, вынуждающій меня крѣпче запахнуться въ пальто и спуститься къ себѣ въ каюту, гдѣ мой спутникъ уже давно покоится безмятежнымъ сномъ.

На слѣдующій день утромъ мы снялись съ якоря и ушли въ Мраморное море. Погода стояла великолѣпная: голубое, безоблачное небо, раскинувшись надъ городомъ и рейдомъ, обливало ихъ теплыми солнечными лучами, которые играли на куполахъ мечетей и въ синихъ водахъ залива. По мѣрѣ того, какъ нашъ пароходъ уходилъ все дальше и дальше въ море, панорама Константинополя раскрывалась передъ нами все шире и шире. Всѣ пасажиры сидѣли на палубѣ, любуясь чудной картиной историческаго города, раскинувшагося на нѣсколько верстъ по берегу теплаго моря. По мѣрѣ нашего удаленія, минареты мечетей выдѣлялись все яснѣе и яснѣе надъ громадой городскихъ построекъ и когда весь городъ казался намъ уже сѣрой полоской на горизонтѣ, его многочисленные минареты ясно обрисовывались на голубомъ фонѣ неба. Въ воздухѣ было тихо; море было какъ стекло, безъ волненія и зыби. Кое-гдѣ на водѣ были видны парусныя суда рыбаковъ, лѣниво качавшіяся подъ дуновеніемъ слабаго вѣтерка, пробѣгавшаго иногда по гладкой поверхности моря. Весь день стояла эта чудная, бодрящая погода.

Потерявши изъ виду Константинополь, мы въ этотъ день не видали больше берега, а въ 11 часовъ утра 22-го января стояли уже на рейдѣ города Смирны.

Смирна расположена на берегу полукруглой, глубоко врѣзывающейся въ материкъ бухты и почти вся раскинута вдоль моря. За городомъ возвышаются небольшія высоты, на которыхъ разбросаны какія-то развалины и турецкія деревушки.

За нѣсколько піастровъ грекъ-яличникъ насъ перевезъ

на набережную къ таможнѣ, гдѣ какіе-то люди осмотрѣли наши паспорты и отпустили насъ; старикъ-грекъ, изображавшій собой проводника, повелъ насъ по городу.

Возлѣ набережной находится европейская, греко-французская часть города, состоящая изъ узкихъ, чистыхъ, хорошо вымощенныхъ улицъ, застроенныхъ высокими домами съ европейскими магазинами и кофейнями; повсюду видны вывѣски на французскомъ и греческомъ языкахъ. Панели на улицахъ Смирны такъ узки, что здѣсь всѣ ходятъ прямо по улицѣ. Туземнаго, азіятскаго города мы не успѣли посѣтить, а въ европейскомъ нѣтъ рѣшительно ничего интереснаго. Заглянувши на мѣстный базаръ—нѣчто вродѣ гостиннаго двора,—гдѣ мы осмотрѣли нѣсколько турецкихъ ковровъ, довольно посредственнаго качества, да прогулявшись по двумъ-тремъ улицамъ, мы вернулись обратно на пароходъ. Черезъ полчаса мы были уже опять въ морѣ.

На слѣдующій день около полудни мы подошли къ Пирею. Нашъ пароходъ не успѣлъ еще остановиться, какъ былъ окруженъ цѣлой флотиліей всевозможныхъ лодокъ, наполненныхъ комиссіонерами, проводниками и носильщиками. Нѣкоторыя гостиницы имѣютъ здѣсь собственныя лодки, отличающіяся между собой по цвѣту флага; среди нихъ выдѣлялась большая лодка агентства Кука, на кормѣ которой развѣвался большой красный флагъ съ восьмиконечнымъ бѣло-краснымъ крестомъ и надписью „Cook & Son“. Лодочники, чтобы облегчить своимъ пасажирамъ возможно быстрый подъемъ на пароходъ, зацѣплялись за него баграми въ томъ мѣстѣ, гдѣ спускаютъ трапъ и шли такимъ образомъ на буксирѣ. Когда пароходъ остановился, то въ этой флотиліи началась ужасная суматоха; къ трапу могли подойти вплотную только два, три ялика; а остальные толпились вокругъ, стараясь пробиться поближе къ пароходу. Комиссіонеры и проводники, съ рискомъ упасть въ воду, прыгали изъ одной лодки въ другую, опрокидывали встрѣчавшихся имъ на пути и кидались на трапъ, по которому взбѣгали съ быстротой кошки. Все это сопровождалось криками и руганью, гулко разносившимися надъ рейдомъ. Скоро палуба парохода покрылась греками въ фуражкахъ съ надписью различныхъ гостиницъ, которые совали каждому пасажиру какія-то объявленія и на ломаномъ французскомъ

языкѣ приглашали въ свои отели. Комиссіонеры Кука важно расхаживали по палубѣ въ сѣрыхъ курткахъ съ вышитой на груди надписью „Cooks“ и отрывисто выкрикивали „Кукъ, Кукъ“... Всѣхъ этихъ господъ оказалось больше, чѣмъ самихъ пасажировъ и такъ какъ въ Пиреѣ никто не высаживался, то они быстро оставили насъ и уже торопились навстрѣчу какому-то другому пароходу, подходившему съ юга.

Пирей—гавань Аѳинъ, находящаяся лишь въ 7 верстахъ отъ столицы и соединенная съ ней желѣзной дорогой, переѣздъ по которой занимаетъ не болѣе 20 минутъ. Несмотря, однако, на такую близость Аѳинъ, намъ не пришлось побывать тамъ, вслѣдствіе кратковременности остановки. Мы успѣли, впрочемъ, съѣздить на берегъ и побродить по Пирею. Это чистенькій, веселый на видъ городокъ, разбросанный по берегу бухты, съ каменной набережной, нѣсколькими скверами, большими красивыми домами, хорошими магазинами и электрическимъ трамваемъ.

Бухта Пирея была наполнена всевозможными судами, присутствіе которыхъ придавало ей большое оживленіе.

Когда мы оставили гавань и вышли въ море, началась зыбь, а къ вечеру насъ сильно закачало. Нашъ пароходъ взялъ курсъ къ острову Криту. Было еще совершенно темно, когда на слѣдующее утро мы прибыли въ Суду, гдѣ въ то время находилась наша эскадра. Простоявши здѣсь не болѣе часа для сдачи груза, предназначавшагося для нашихъ судовъ, пароходъ тронулся далѣе.

Весь день 24-го января, до 5 час. вечера, мы шли вдоль острова Крита, въ небольшомъ разстояніи отъ берега, имѣющаго здѣсь весьма однообразный и унылый видъ. Но за скучнымъ, сѣро-зеленымъ берегомъ высоко вздымались три групы снѣговыхъ горъ, представлявшихъ собой въ сочетаніи съ голубымъ безоблачнымъ небомъ чудную картину природы.

Пока мы шли подъ прикрытіемъ острова, въ воздухѣ было совершенно тихо и поверхность моря рябила ничтожной зыбью, едва чувствительной для парохода. Но какъ только мы обогнули островъ и направились къ югу, съ запада сорвался такой сильный вѣтеръ, что невозможно было стоять на палубѣ. По водѣ забѣгали „зайчики“, волна все росла и росла по мѣрѣ нашего движенія къ югу и скоро

нашъ пароходъ заметался среди крупныхъ волнъ, кидавшихъ его изъ стороны въ сторону.

На слѣдующій день около трехъ часовъ дня мы увидѣли на горизонтѣ сѣверный берегъ Африки, низкій, сѣро-желтый и однообразный. Рѣдкія групы пальмъ, разбросанныя по берегу, мало разнообразили унылый ландшафтъ, которымъ встрѣчаетъ черный материкъ путешественника, прибывающаго съ сѣвера. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега насъ встрѣтила египетская парусная лодка съ лоцманомъ, предложившимъ капитану парохода свои услуги для входа въ гавань, на пути къ которой встрѣчаются подводные рифы, опасные для судовъ. Нашъ капитанъ, однако, не нуждался въ лоцманѣ и самъ повелъ пароходъ въ гавань Александріи. Египетская лодка возвращалась къ берегу рядомъ съ нами и стоявшіе на палубѣ пасажиры любовались, какъ она, съ крѣпко надутыми парусами, легко и быстро разсѣкала крупныя волны, которыя еще не улеглись послѣ вчерашняго волненія. Два араба въ чалмахъ, бѣлыхъ рубахахъ и короткихъ штанахъ стояли—одинъ у руля, а другой у парусовъ и ловко справлялись съ сильнымъ вѣтромъ и зыбью. Лодка, то погружаясь между волнами, то скользя по ихъ пѣнящимся гребнямъ, птицей неслась по волнистой поверхности моря.

Но вотъ показалась Александрія, широко раскинувшаяся по берегу: дома съ плоскими крышами, кое-гдѣ групы пальмъ, минареты мечетей, лѣтній дворецъ хедива — большое красивое зданіе европейской архитектуры и на заднемъ планѣ старая цитадель, надъ которой, для свѣдѣнія жителей, къ приходу иностранныхъ судовъ вывѣшивается флагъ соотвѣтствующей націи.

Гавань Александріи отдѣлена отъ моря длиннымъ каменнымъ моломъ, на оконечности котораго стоитъ маякъ, видный съ далекаго разстоянія.

Мы застали гавань полную судовъ, принадлежавшихъ различнымъ націямъ; они стояли длинными рядами на якоряхъ, медленно покачиваясь на водѣ и высоко вздымая свои стройныя мачты.

Около 6 час. вечера нашъ пароходъ тихо подошелъ къ пристани, на которой уже дожидалась насъ пестрая толпа комисіонеровъ, носильщиковъ и рабочихъ.

II. По Египту.

Итакъ, мы у береговъ Египта, въ Александріи. Матросы перебросили мостикъ съ парохода на пристань и къ намъ на палубу ворвалась толпа смуглыхъ, одѣтыхъ по-европейски людей въ фескахъ, назойливо пристававшихъ къ пассажирамъ съ предложеніемъ различныхъ гостинницъ. Стоило взять отъ кого либо изъ нихъ для прочтенія одну изъ печатныхъ карточекъ съ названіемъ и адресомъ отеля, какъ она тотчасъ же покрывалась нѣсколькими подобными же, которыя бросались на нее прочими комиссіонерами. Человѣкъ, вступающій въ Египетъ, начинаетъ уже здѣсь испытывать на себѣ назойливость и безцеремонность арабскихъ прислужниковъ всевозможныхъ профессій, цѣлая армія которыхъ создана въ этой странѣ многочисленностью европейскихъ туристовъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, мы отдали себя въ распоряженіе комиссіонера гостинницы „Grand Hotel du Nil“ и, захвативши при помощи носильщиковъ-арабовъ свои вещи, отправились въ сосѣднее съ пристанью зданіе, гдѣ находится египетская таможня. Здѣсь, прилично одѣтые и говорившіе по-французски, египетскіе чиновники въ фескахъ осмотрѣли наши паспорты, записали въ какую-то книгу наши фамиліи и, не осматривая нашихъ вещей, разложенныхъ на прилавкѣ, взяли съ каждаго изъ насъ, неизвѣстно за что, по пяти арабскихъ піастровъ (по 50 коп).

Изъ таможни мы уѣхали на извозчикахъ въ гостинницу, хозяиномъ которой оказался весьма любезный и обязательный итальянецъ. Намъ отвели здѣсь для ночлега за 5 франковъ (1) большую комнату, убранную коврами и уставлен-

(1) Хотя въ Египтѣ имѣется собственная монета, но здѣсь очень часто ведутъ счетъ на франки и англійскіе фунты.

ную разнообразной мебелью. На слѣдующій день утромъ мы должны были уѣхать въ Каиръ, а потому нужно было торопиться, чтобы ознакомиться съ Александріей. Наскоро пообѣдавъ въ гостинницѣ, мы отправились бродить по городу.

3. Александрія. Place de Consula съ памятникомъ хедиву Ибрагимъ-пашѣ.

Александрія произвела на меня прекрасное впечатлѣніе; это—чистый, вполнѣ европейскій городъ, съ хорошими мостовыми, большими красивыми зданіями, памятниками на площадяхъ и съ многочисленными кофейнями и барами (закусочными). На Place de Consula къ намъ привязался какой-то арабъ, говорившій по-французски, и предложилъ свести насъ въ одинъ изъ мѣстныхъ кафе-шантановъ, гдѣ поютъ арабскія пѣвицы. Мы охотно согласились, надѣясь услышать пѣсни Египта и провести этотъ вечеръ въ причудливой обстановкѣ Востока.

Скоро мы дошли до узкаго переулка, застроеннаго невысокими домами, у дверей которыхъ сидѣли нарумяненныя и разряженныя женщины. Среди этихъ домовъ рѣзко выдѣлялся одинъ съ ярко освѣщеннымъ входомъ, изъ котораго вырывались на улицу звуки какой-то странной музыки и гулъ голосовъ. Заплативши по ½ франка за входъ, мы съ Ив-мъ вошли въ большую залу, освѣщенную висячими

керосиновыми лампами и наполненную густыми облаками табачнаго дыма; большая часть залы была занята круглыми столиками, возлѣ которыхъ сидѣла разнообразная мужская публика, истреблявшая черный кофе и пиво. Здѣсь можно было увидѣть европейцевъ, арабовъ въ европейскихъ костюмахъ и босыхъ арабовъ въ туземной одеждѣ. Между столиками быстро бѣгали прислужники-арабы, босые, въ бѣлыхъ одеждахъ и разносили въ латунныхъ ковшикахъ съ деревянными ручками густой турецкій кофе; разливши его въ маленькія чашечки, они убѣгали за свѣжимъ, опять обѣгали нѣсколько столиковъ и такъ далѣе. Публика шумѣла, болтала и обращала очень мало вниманія на то, что происходило на сценѣ, занимавшей заднюю часть залы. А тамъ, около нее сидѣли въ рядъ арабы съ какими-то инструментами и бренчали на нихъ, а на сценѣ некрасивыя накрашенныя женщины въ костюмахъ смѣшаннаго европейско-арабскаго характера пѣли какія-то пѣсни, пили пиво и курили папиросы; время отъ времени онѣ сходили со сцены и прогуливались по залѣ между столиками, оглядывая сидѣвшую за ними публику. Спустя нѣкоторое время на сцену вышла блѣдная, худая женщина страннаго тѣлосложенія, въ коротенькой юбкѣ и расшитой кофтѣ, съ длинными прядями волосъ на вискахъ и, позвякивая побрякушками, начала, подъ акомпаниментъ музыки, танецъ живота, весьма популярный въ странахъ востока. Сильно выставивъ среднюю часть туловища къ сторонѣ публики, она стала двигать ею въ тактъ музыкѣ, оставляя въ неподвижномъ положеніи ноги и плечи. Движенія становились все чаще и чаще, направляясь то въ стороны, то впередъ, то назадъ, затѣмъ дѣлались рѣже, опять учащались и такъ нѣсколько разъ; послѣ этого танцовщица медленно ходила по сценѣ. Учащая свои шаги, а вмѣстѣ съ ними и движеніе живота, она внезапно остановилась, нѣсколько разъ сильно качнулась назадъ и впередъ и на секунду замерла въ неподвижности. Публика, внимательно слѣдившая за танцемъ, наградила ее шумными аплодисментами, послѣ которыхъ танцовщица обходила залу съ тарелкой, на которую щедро сыпались піастры. На насъ этотъ танецъ произвелъ непріятное впечатлѣніе; неизящныя движенія ненормально разви-

таго туловища не могли доставить намъ эстетическаго удовольствія; разсчитавшись за кофейную гущу, которая остыла въ нашихъ чашкахъ, потому что пить ее для непривычнаго человѣка невозможно, мы вышли на улицу. Стояла чудная южная ночь; луна ярко свѣтила на темномъ небѣ, было тепло и тихо, а со стороны моря глухо доносился прибой волнъ, подобно отдаленнымъ раскатамъ грома.

На слѣдующій день, рано утромъ, мы отправились на вокзалъ и въ 7 час. уѣхали со скорымъ поѣздомъ въ Каиръ.

Вокзалъ въ Александріи малъ, тѣсенъ, грязенъ и имѣетъ весьма плохой буфетъ, въ которомъ, кажется, трудно достать что либо, кромѣ кофейной гущи, столь распространенной въ кофейняхъ Египта.

Вагоны египетскихъ желѣзныхъ дорогъ содержатся весьма неряшливо; вагоны 1-го и 2-го классовъ раздѣлены на нѣсколько отдѣленій и, какъ и 3-го класса, имѣютъ продольные ходы. Въ 3-мъ классѣ скамьи деревянныя, а въ 1-мъ и 2-мъ—обиты твердыми кожаными подушками. Надписи въ вагонахъ на англійскомъ и арабскомъ языкахъ. Поѣзда двигаются здѣсь весьма быстро, на станціяхъ стоятъ мало и отходятъ безъ звонковъ. Кондуктора исключительно арабы, одѣтые въ европейское платье, но съ фесками въ качествѣ головного убора; они объясняются съ пассажирами по-французски.

Мѣстность по сторонамъ желѣзной дороги между Александріей и Каиромъ не представляетъ ничего интереснаго и если-бы не сознаніе того, что находишься въ Африкѣ, и не ожиданіе, что вотъ-вотъ увидишь что либо необычное, то не стоило-бы и смотрѣть въ окна вагона. Кругомъ до горизонта раскинулась необъятная равнина, кое-гдѣ возделанная, мѣстами пустынная, въ общемъ, сѣрая и неприглядная; и лишь изрѣдка попадающаяся на глаза одинокая пальма или апельсинное дерево напоминаютъ человѣку, что находишься въ подтропической области. На поляхъ собирали зеленый клеверъ, въ огородахъ овощи, кое-гдѣ пахали, кое-гдѣ проводили оросительную канаву, возлѣ селеній въ апельсинныхъ рощахъ снимали уже созрѣвшіе апельсины. Селенія встрѣчаются здѣсь рѣдко, имѣютъ весьма непривлекательный видъ и состоятъ изъ глинобитныхъ съ плос-

кими крышами домиковъ безъ оконъ, которые тѣсной кучей приткнулись гдѣ либо на берегу оросительной канавы; вокругъ нихъ лежатъ кучи навоза, повсемѣстно грязь, пыль и отвратительный запахъ.

Въ окрестностяхъ Александріи встрѣчается очень много болотъ, на которыхъ находятъ себѣ пріютъ безчисленныя стаи дикихъ утокъ, оживляющія унылую мѣстность и раздражающія страсть проѣзжаго охотника. Полотно желѣзной дороги сопровождается канавами, которыя доставляютъ воду изъ оросительныхъ каналовъ, выведенныхъ изъ Нила. Водой этихъ канавъ пользуются для орошенія полей и, вслѣдствіе превышенія послѣднихъ надъ первыми, во многихъ мѣстахъ устроены первобытныя водокачалки, доставляющія воду въ канавки, прорытыя на поляхъ. Въ канавѣ устанавливаютъ вертикальное, огромныхъ размѣровъ колесо, по ободу котораго укрѣплены въ наклонномъ положеніи глиняные кувшины, зачерпывающіе воду. Это колесо приводится во вращеніе сцѣпленнымъ съ нимъ горизонтальнымъ колесомъ, которое вращается буйволомъ или осломъ.

У мѣстныхъ жителей, повидимому, весьма много домашнихъ животныхъ; кромѣ крупнаго рогатаго скота имѣющаго здѣсь своими представителями буйвола и корову имѣются лошади, верблюды и ослы; всѣ эти животныя употребляются для перевозки грузовъ, какъ въ повозкахъ, такъ и вьючнымъ способомъ.

По дорогѣ мы часто встрѣчали группы сельскихъ жителей, шедшихъ пѣшкомъ или ѣхавшихъ верхомъ на лошадяхъ и ослахъ въ сторону Александріи или Каира. Возлѣ селеній мнѣ пришлось нѣсколько разъ видѣть вереницы египтянокъ, возвращавшихся отъ ближайшаго пруда или канала съ большими поставленными на головахъ кувшинами, наполненными водой. Этотъ способъ носки воды весьма характеренъ для Египта и нужно отдать справедливость египтянкамъ, что онѣ носятъ эти тяжелые кувшины весьма граціозно.

Желѣзнодорожныя станціи весьма оживлены, хотя пассажировъ въ поѣздѣ очень не много; оживленіе вноситъ шумная, подвижная толпа зѣвакъ-арабовъ, встрѣчающихъ поѣздъ и разносщики, снующіе въ этой толпѣ съ корзинами

наполненными хлѣбомъ, вареными яйцами, сыромъ, апельсинами, мандаринами и прочимъ...

Около Каира, вправо отъ дороги, въ туманной дали показались на минуту пирамиды, но вскорѣ скрылись изъ виду; скоро мы въѣхали въ предмѣстья города, а въ 11 ч. утра подъѣхали къ Каирскому вокзалу.

Въ Hôtel de Voyageurs, гдѣ мы остановились, намъ отвели за небольшую сравнительно плату (6 франковъ въ сутки) великолѣпное помѣщеніе, состоявшее изъ огромной хорошо меблированной комнаты съ двумя балконами на улицу. Устроившись и отдохнувши, мы отправились въ ближайшій книжный магазинъ, гдѣ купили за 5 піастровъ (1) планъ Каира и начали ознакомленіе съ городомъ.

Каиръ—столица Египта—расположенъ на правомъ берегу р. Нила, гдѣ раскинутъ на огромной площади между теченіемъ рѣки и цѣпью Мокатамскихъ высотъ, ограничивающихъ его съ востока. Численность его жителей доходитъ до 600,000 чел., изъ коихъ большинство—арабы. Число европейцевъ, постоянно живущихъ въ Каирѣ, невелико, но въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, привлекающихъ сюда огромное количество туристовъ, оно значительно увеличивается. Климатическія условія Каира сильно разнообразятся по временамъ года. Лучшее время—съ 1-го ноября по 1-е іюня, когда стоитъ прохладная погода, воздухъ чистъ, небо ясно и дуютъ слабые морскіе вѣтры; эти мѣсяцы считаются весьма полезными для слабогрудыхъ. Въ остальное время года преобладаетъ жара и вѣтры, дующіе съ сосѣднихъ пустынь, откуда они приносятъ пыль, порождающую глазныя болѣзни.

Каиръ распадается, въ общемъ, на двѣ части; меньшую европейскую, непосредственно примыкающую къ Нилу, и большую, туземную, охватывающую первую съ трехъ сторонъ. Въ юго-восточной части города, у подножія Мокатамскихъ высотъ, находится цитадель, занятая англійскимъ гарнизономъ. Главной частью Каира слѣдуетъ считать сѣверную половину европейскаго города, гдѣ сосредоточено большинство гостиницъ, банковъ, консульствъ и различ-

(1) Египетскій піастръ=10 коп.

ныхъ правительственныхъ учрежденій. Оріентированіе въ этой части Каира облегчается нахожденіемъ здѣсь большого сада Эзбекій, занимающаго центральное положеніе; нѣсколько улицъ расходятся отъ него по радіусамъ, почему онъ бываетъ виденъ издалека съ различныхъ мѣстъ европейскаго города. Улицы послѣдняго имѣютъ весьма привлекательный видъ, хорошо вымощены, съ гладкими широкими панелями и застроены великолѣпными домами, нижніе этажи которыхъ заняты роскошными магазинами. Обращаетъ на себя вниманіе необыкновенное обиліе баровъ или закусочныхъ, гдѣ пьютъ пиво, виски, содовую воду и ѣдятъ холодныя закуски. Бары, въ извѣстные часы дня, бываютъ переполнены самой разнообразной публикой. Многочисленны также и кофейни, гдѣ посѣтители пьютъ черный турецкій кофе съ холодной водой, сидя, въ большинствѣ случаевъ, за столиками, разставленными на панеляхъ; послѣднее придаетъ большое оживленіе улицамъ Каира. Ресторановъ здѣсь очень мало и они весьма плохи, что объясняется тѣмъ, что во всѣхъ гостиницахъ имѣются свои столовыя, съ установленными въ нихъ табль-дотами. Вслѣдствіе этого, для человѣка, не имѣющаго возможности за недостатковъ времени пользоваться табль-дотомъ, продовольствіе составляетъ

4. Каиръ. Площадь около вокзала.

здѣсь довольно серьезную заботу. Гостиницъ въ Каирѣ очень много и всѣ онѣ обставлены болѣе или менѣе комфортабельно. Лучшая изъ нихъ—„Shepheard's Hôtel“, имѣющая огромную терасу, выходящую на бульваръ Камель, одну изъ лучшихъ улицъ Каира.

Каиръ перерѣзанъ въ различныхъ направленіяхъ линіями электрическихъ трамваевъ, двигающихся по улицамъ съ весьма большой скоростью и берущихъ за проѣздъ очень дешево.

Каирскіе извозчики имѣютъ хорошія парныя коляски, запряженныя сытыми и рослыми лошадьми; они стоятъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, гдѣ на стѣнахъ или на столбахъ прибиты синія доски съ надписью числа экипажей. Кромѣ извозчиковъ къ услугамъ публики имѣются еще и верховые ослы; при каждомъ ослѣ состоитъ мальчишка-погонщикъ изъ мѣстныхъ арабовъ, снабженный бляхой съ № и обязанный возить по таксѣ. Ѣзда на ослахъ весьма распространена въ Каирѣ, особенно среди пріѣзжихъ туристовъ, а потому число этихъ животныхъ, предлагаемыхъ къ услугамъ публики, весьма велико.

Уличное движеніе въ Каирѣ весьма большое; на лучшихъ улицахъ европейскаго города, въ часы гуляній, между 3 и 7 часами пополудни, оживленіе усиливается, и здѣсь можно увидѣть десятки элегантныхъ колясокъ съ представителями каирской аристократіи и богатыми туристами, съѣзжающимися сюда зимой со всѣхъ концовъ Европы. Экипажи высокопоставленныхъ лицъ часто сопровождаются „бѣгунами“, которые бѣгутъ впереди лошадей и крикомъ расчищаютъ своему экипажу дорогу. Они бываютъ, обыкновенно, одѣты въ цвѣтныхъ курткахъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ и бѣлыхъ шароварахъ, спускающихся лишь до колѣнъ; на головахъ они носятъ чалмы различныхъ цвѣтовъ и фасоновъ.

Всѣ эти часы тротуары бываютъ запружены толпой гуляющихъ, состоящихъ частью изъ интелигентныхъ арабовъ, а больше изъ европейскихъ туристовъ; всѣ кофейни и бары въ это время наполнены посѣтителями.

5. Каиръ. Бульваръ передъ гостинницей „Khedivial".

Въ толпѣ шныряютъ во всѣ стороны продавцы туземныхъ и европейскихъ газетъ, всевозможными голосами выкрикивающіе ихъ названія, а возлѣ кофеенъ снуютъ надоѣдливые чистильщики сапогъ, мальчишки-арабы, не оставляющіе никого въ покоѣ; не успѣетъ посѣтитель сѣсть за столикъ и заказать себѣ кофе, какъ у его ногъ оказывается полуголый, черный арабченокъ съ деревянной скамеечкой и сапожными щетками и, часто не спрашивая даже разрѣшенія, хватаетъ его за ноги; иногда 2—3 чистильщика одновременно бросаются къ его ногамъ и затѣваютъ здѣсь драку. Они и арабы-ослятники причиняютъ своими приставаніями не мало непріятностей гуляющимъ по Каиру.

Выйдя изъ гостинницы впервые для осмотра города, мы, чтобы облегчить и ускорить ознакомленіе съ нимъ въ общихъ чертахъ, дошли до Place de l'Opera и здѣсь сѣли въ трамвай, прорѣзающій городъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Проѣхавши площадь Атабъ-эль-Кадра, мы долго ѣхали по широкому и длинному бульвару Магометъ-Али, пролегающему среди смѣшанныхъ европейско-арабскихъ кварталовъ, гдѣ рядомъ съ постройками европейскими встрѣчаются старинные дома туземцевъ, придающіе этой улицѣ оригиналь-

ный характеръ, не лишенный извѣстной прелести. Бульваръ упирается своимъ южнымъ концомъ въ обширную площадь, замыкаемую съ юга двумя мечетями—султана Гасана и Эль-Рифай. Послѣдняя — недавней постройки и ни въ какомъ отношеніи не заслуживаетъ вниманія, но мечеть султана Гасана—одна изъ древнѣйшихъ, наиболѣе величественныхъ и красивыхъ мечетей Каира. Она построена султаномъ Гасаномъ въ 1356—59 гг. и служитъ до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ въ Египтѣ памятниковъ мусульманской архитектуры. Размѣры ея превосходятъ размѣры всѣхъ каирскихъ мечетей. Надъ нею вздымаются два минарета неодинаковой высоты, изъ нихъ одинъ—самый высокій въ Каирѣ—достигаетъ 280 футовъ надъ землей. По преданію, постройка этой мечети продолжалась непрерывно три года и ежедневный расходъ на ея сооруженіе доходилъ до 70,000 руб. Первоначально было предположено соорудить четыре минарета. но едва былъ оконченъ третій, какъ онъ обрушился отъ неизвѣстной причины и задавилъ своими обломками 300 чел. дѣтей, обучавшихся въ школѣ рядомъ съ мечетью; это, говорятъ, произвело такое сильное впечатлѣніе на султана, что онъ рѣшилъ ограничиться двумя минаретами. Одинъ изъ нихъ спустя нѣкоторое время тоже обвалился, но затѣмъ былъ отстроенъ, хотя уже меньшей высоты.

Непосредственно за площадью находится цитадель, расположенная на западномъ склонѣ Мокатамскихъ высотъ, командующая городомъ, но превышаемая сосѣдними возвышенностями. Она построена Салахединомъ въ 1166 году. Нынѣ она занята англичанами, имѣетъ артиллерійское вооруженіе и гарнизонъ изъ нѣсколькихъ ротъ британской пѣхоты. Изъ построекъ, находящихся въ цитадели, заслуживаетъ вниманія древняя мечеть Марристанъ Каляунъ, начатая султаномъ Мансуромъ Каляуномъ и окопченная его сыномъ Эль-Насеромъ въ 1293 году. Рядомъ съ мечетью находится гробница султана Мансура и госпиталь для туземцевъ, содержащійся на счетъ доходовъ мечети.

Когда мы вышли изъ трамвая около цитадели, насъ обступила толпа арабовъ съ ослами, предлагавшихъ свои услуги для поѣздки на Мокатамскія горы. Кто не испытывалъ назойливости каирскихъ арабовъ, тотъ не въ состояніи

представить себѣ той наглости, съ которой они пристаютъ къ европейцамъ. Они тѣсно обступаютъ васъ, кричатъ, стараясь заглушить другъ друга, хватаютъ васъ за руки, за платье, загораживаютъ вамъ дорогу и такимъ образомъ сопровождаютъ васъ иногда нѣсколько сотъ шаговъ, не унимаясь ни на минуту. Нужно имѣть много хладнокровія, чтобы не пустить въ ходъ своей палки, зонтика или чего-либо другого, что можетъ оказаться въ это время у васъ подъ рукою. Съ трудомъ отбившись отъ нихъ и осмотрѣвши цитадель, мы сѣли опять въ трамвай и уѣхали въ гостинницу.

Вечера въ Каирѣ, несмотря на январь, были настолько теплые, что я ни разу не одѣвалъ пальто, даже послѣ захода солнца. Впрочемъ, ночью становилось весьма свѣжо, почему являлась необходимость запирать на ночь балконы.

27-го января, утромъ, мы посѣтили туземную, арабскую часть Каира и совершили небольшую прогулку по ея главной и наиболѣе интересной улицѣ Муски. Эта часть Каира даетъ европейскому туристу много весьма оригинальныхъ и новыхъ впечатлѣній, охватывая его шумомъ и поражая пестротой восточной толпы, наполняющей улицы и переулки туземныхъ кварталовъ. Первая треть Муски, до площади (Place de Muski), имѣетъ еще смѣшанный европейско-арабскій характеръ, но далѣе улица становится чисто восточной. Муски застроена высокими домами старинной архитектуры, нижніе этажи которыхъ почти сплошь заняты туземными лавками; окна въ домахъ небольшія, почти всегда безъ стеколъ и съ рѣшетками. Характерной особенностью домовъ являются крытые деревянные балконы, часто составляющіе нижнее продолженіе оконъ и имѣющіе видъ узкихъ, высокихъ будокъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ; въ верхней части балконовъ стѣнки рѣшетчатыя, въ средней—сплошныя, а въ нижней открываются на подобіе оконъ. Во многихъ мѣстахъ надъ тротуарами устроены деревянные, украшенные причудливой рѣзьбой, навѣсы, укрывающіе толпу отъ палящихъ лучей африканскаго солнца. Туземныя лавки торгуютъ всѣмъ, что производитъ Египетъ, и любитель восточныхъ рѣдкостей можетъ найти здѣсь много вещей, достойныхъ вниманія; однако, все, что есть въ нихъ лучшаго,

стоитъ весьма дорого, потому что обильный приливъ европейскихъ туристовъ, посѣщающихъ Муски, способствовалъ повышенію цѣнъ на многія туземныя произведенія.

6. Базарная площадь въ Каирѣ.

Цѣлый день на Муски царитъ необычайное оживленіе, всѣ лавки полны посѣтителей, шумно покупающихъ и спорящихъ; вдоль домовъ проходитъ въ обѣ стороны пестрая говорливая толпа, то скопляющаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то рѣдѣющая; арабы, греки, сирійцы, армяне, европейцы, евреи... все смѣшалось въ этой толпѣ, постоянно мѣняющей свои цвѣта, какъ въ калейдоскопѣ; на тротуарахъ, подъ навѣсами, разставлены столики и лотки съ пшеничными лепешками, съ различными туземными закусками, стеклянными ящиками мѣнялъ и принадлежностями брадобрѣевъ; мѣстами даетъ представленіе уличный паяцъ, окруженный плотной толпой любопытныхъ, повсемѣстно продавцы фруктовъ, сластей и всевозможныхъ бездѣлушекъ. На углахъ и на площади длинные ряды ословъ съ назойливыми мальчишками. Шумно, пестро и оживленно.

Изъ нѣдръ арабскаго города мы выбрались въ этотъ день довольно поздно и успѣли посѣтить лишь великолѣпный мостъ Касръ-Эль-Нилъ, связывающій Каиръ съ остро-

вомъ Гезирэ, лежащимъ противъ европейскаго города. Вотъ онъ, древній Нилъ, гордость и слава Египта! Сколько вѣковъ несешь ты свои мутныя воды изъ невѣдомыхъ дебрей Африки на просторъ необъятнаго моря! Сколько вѣковъ орошаешь ты обширную пустыню, раскинутую вдоль твоихъ береговъ, превращая ее въ житницу! Ты видѣлъ блескъ цивилизаціи древняго Египта, ты также плавно струился въ тѣ дни, когда, изнуряя непосильной работой легіоны рабовъ, фараоны создали тѣ пирамиды, которыя до сихъ поръ видны на горизонтѣ; ты пережилъ всѣ событія богатой исторіи Египта, ты былъ свидѣтелемъ его былого величія, ты видѣлъ его паденіе и въ то время, когда вокругъ тебя все мѣнялось и миръ неоднократно смѣнялся войной, ты одинъ оставался непзмѣннымъ, все тѣмъ-же величественнымъ, тихимъ, могучимъ и плодоноснымъ!

Нильскій мостъ представляетъ собой красивое сооруженіе, разсчитанное на самый высокій уровень рѣчной воды, которая, какъ извѣстно, измѣняется въ этой рѣкѣ въ весьма широкихъ предѣлахъ. Длина моста около 1,200 фут.; его высокія перила поддерживаются по концамъ двумя парами красивыхъ металлическихъ львовъ, обращенныхъ головами въ наружную сторону.

7. Каиръ. Мостъ Касръ-Эль-Нилъ.

Съ моста открывается чудный видъ на островъ Гезирэ, утопающій въ зелени пальмъ и на могучее теченіе Нила, сѣро-желтыя воды котораго испещрены мѣстами парусными лодками египтянъ.

На слѣдующій день мы собрались съѣздить къ пирамидамъ, которыя находятся верстахъ въ 15 къ юго-западу отъ Каира и избрали для этой поѣздки наиболѣе характерный для Египта способъ передвиженія—на ослахъ. Утромъ, при содѣйствіи комисіонера нашей гостиницы, мы наняли двухъ крѣпкихъ и спокойныхъ ословъ съ проводниками, за 15 піастровъ каждаго, и, наскоро напившись чаю, тронулись въ путь. Обстановка этой поѣздки во многихъ отношеніяхъ отличалась оригинальностью. Ослы, на которыхъ мы сидѣли, имѣли на себѣ весьма своеобразный сѣдельный уборъ, состоявшій изъ деревяннаго сѣдла съ большимъ горбомъ вмѣсто передней луки, покрытаго разноцвѣтнымъ тряпьемъ и различнаго рода цѣпочекъ и бляшекъ, висѣвшихъ на шеѣ и крупѣ животнаго. На ногахъ ословъ имѣлись выжженныя и раскрашенныя фигуры самыхъ причудливыхъ рисунковъ, чѣмъ любятъ арабы украшать своихъ длинноухихъ друзей. Проводники бѣгутъ за своими животными, поминутно понукая ихъ къ болѣе быстрому бѣгу ударами короткихъ палокъ и со стороны туриста было бы совершенно напраснымъ стараніемъ умѣрить ходъ своего животнаго; здѣшніе ослятники отличаются удивительной выносливостью и легкостью въ бѣгѣ и не только не обнаруживаютъ желанія отдохнуть, но постоянно ворчатъ, что движеніе производится черезчуръ медленно.

Дорога къ пирамидамъ пересѣкаетъ р. Нилъ, а далѣе слѣдуетъ, въ видѣ великолѣпнаго шоссе, среди равнинной и хорошо воздѣланной мѣстности. Шоссе обсажено по сторонамъ высокими тѣнистыми деревьями и весьма оживленно. Ежеминутно приходилось встрѣчать живописныя групы арабовъ на ослахъ, верблюдахъ и пѣшкомъ, которые везли или несли въ городъ на базаръ различные сельскіе продукты. Мимо насъ часто проносились въ обѣ стороны велосипедисты, верховые и коляски, наполненныя туристами. Недалеко отъ пирамидъ съ нами произошелъ любопытный случай, характеризующій отношеніе туземнаго населенія къ

англичанамъ. Насъ обгоняла большая компанія англійскихъ солдатъ, ѣхавшихъ верхомъ на ослахъ; наши животныя, увлеченныя обгонявшей насъ толпой, прибавили ходу и не хотѣли отставать, но проводники тотчасъ же подбѣжали къ намъ, схватили ословъ подъ уздцы и остановили ихъ. Мы, конечно, удивленные подобнымъ ихъ поведеніемъ, смотрѣли на нихъ,съ недоумѣніемъ. Когда солдаты отъѣхали на нѣкоторое разстояніе, мой арабъ, выпуская изъ рукъ поводья своего осла, сказалъ мнѣ на ломаномъ англійскомъ языкѣ: „англійскій солдатъ — нехорошій человѣкъ, арабъ не любитъ англичанъ, арабъ любитъ москововъ“.

Около полудня мы подъѣхали къ пирамидамъ. Но ранѣе, чѣмъ мы могли предаться созерцанію египетскихъ древностей, намъ пришлось выдержать небольшое сраженіе. Дѣло въ томъ, что верхомъ разрѣшается ѣхать только до ресторана, построеннаго у подножія тѣхъ песчаныхъ холмовъ, на которыхъ находятся пирамиды; и вотъ здѣсь-то, гдѣ туристу приходится спѣшиться, онъ встрѣчаетъ толпу наглыхъ арабовъ, кидающихся къ нему съ предложеніемъ различныхъ услугъ. Не сразу удалось намъ освободиться отъ назойливыхъ „гидовъ“, изъ толпы которыхъ, наконецъ, выдѣлился одинъ юркій арабъ, окончательно овладѣвшій нами; увлекая насъ въ сторону пирамидъ, онъ объявилъ намъ, что каждому изъ насъ прогулка съ нимъ обойдется по три франка. Богъ съ тобой, думали мы, веди хоть за три франка, лишь бы скорѣе выбраться изъ этой толпы. И мы шли покорно за арабомъ, который уже началъ исполненіе своихъ обязанностей проводника, что-то разсказывая намъ по-французски.

Пирамиды—ихъ три, двѣ большія, Хеопса и Хефрена, и одна маленькая, Мисеринуса*) — стоятъ на песчаныхъ холмахъ, ограничивающихъ въ этомъ мѣстѣ сѣверо-восточный уголъ Ливійской пустыни; находясь на рубежѣ культурныхъ мѣстностей Нильской долины, онѣ стоятъ здѣсь, какъ вѣковые стражи человѣческой культуры, угрожаемой близкимъ сосѣдствомъ пустыни, постепенно надвигающейся къ востоку.

*) Пирамиды построены: Хеопса около 3.730, Хефрена — около 3.660 и Мисеринуса — около 3.630 лѣтъ до Р. Х. Высота: первой—451, второй — 450 и третьей—215 футовъ.

Отъ шоссе къ пирамидамъ ведетъ пологая мощеная дорога съ низкими каменными стѣнками по сторонамъ, предохраняющими ее отъ заноса пескомъ. Пирамиды находятся недалеко одна отъ другой; онѣ сложены изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, имѣющихъ довольно правильную кубическую форму, вслѣдствіе чего съ каждой стороны пирамида образуетъ собой лѣстницу съ гигантскими ступенями. По этимъ лѣстницамъ взбираются тысячи туристовъ, хотя трудъ восхожденія и не вознаграждается видомъ на окрестности, представляющія съ одной стороны однообразную воздѣланную равнину, а съ другой—сплошные пески.

Возлѣ большихъ пирамидъ, ближе къ шоссе, лицомъ къ нему лежитъ знаменитый сфинксъ съ отбитымъ носомъ; его лѣвая лапа совершенно засыпана пескомъ, который медленно, но неудержимо надвигается на эти памятники древняго Египта. Какъ внутри пирамидъ, такъ и въ сфинксѣ находятся различныя помѣщенія, въ которыхъ туристамъ показываютъ гробницы, пещеры, сосуды и т. п. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что все наиболѣе цѣнное и интересное уже давно увезено отсюда и наполняетъ собой музеи Европы и Египта.

Пирамиды посѣщаются огромнымъ количествомъ туристовъ, среди которыхъ преобладаютъ нѣмцы и англичане. И сотни фотографическихъ камеръ наводятся на эти темносѣрыя каменныя громады, которыя хотятъ, кажется, пережить человѣчество. Около нихъ арабы медленно водятъ величавыхъ верблюдовъ, покрытыхъ красивыми пестрыми уборами и предлагаютъ ихъ туристамъ для катанія вокругъ пирамидъ.

Къ четыремъ часамъ пополудни мы уже были въ своей гостинницѣ въ Каирѣ.

Нашей любимой вечерней прогулкой было посѣщеніе расположеннаго недалеко отъ гостинницы сада Эзбекій, представляющаго собой прекрасное мѣсто для отдыха и прогулокъ. Садъ весьма великъ и изобилуетъ густыми рощами и алеями всевозможныхъ тропическихъ деревьевъ, покрытыхъ въ это время года чудной сочной листвой; въ большомъ водяномъ басейнѣ плаваютъ лебеди; въ изящномъ павильонѣ ежедневно по вечерамъ играетъ оркестръ егп-

петской гвардіи; въ огромной искусственной скалѣ сдѣланъ гротъ, въ которомъ пріютилось уютное кафэ, а на скалѣ находится башня, на вершину которой ведетъ винтовая лѣстница; оттуда открывается хорошій видъ на столицу Египта.

Однако, кто хочетъ въ полной мѣрѣ полюбоваться Каиромъ во всю его ширь, съ его предмѣстьями и Нилomъ, и охватить сразу глазомъ десятки минаретовъ и гробницъ, тотъ долженъ отправиться на Мокатамскія высоты за цитаделью. Отсюда открывается такая обширная и такая величественная панорама города съ его ближайшими окрестностями, что туристъ навѣрно не пожалѣетъ того времени, которое требуется для подъема на высшую точку Мокатама.

8. Общій видъ Каира съ Мокатамскихъ высотъ.

На огромномъ пространствѣ между высотами и р. Нилomъ раскинута громада домовъ, среди которыхъ рѣзко выдѣляются грузныя мечети съ ихъ граціозными, къ небу вздымающимися минаретами; правѣе—широко развернулась европейская часть города, окруженная съ трехъ сторонъ скученными арабскими кварталами, а по сторонамъ Мокатамскихъ высотъ тѣсными групами стоятъ надгробные памятники калифовъ и мамелюковъ; желтовато-сѣрая лента р. Нила ограничиваетъ городъ съ запада, гдѣ за узкой полосой зелени видны сѣрые пески, среди которыхъ возвышаются пирамиды. Усѣвшись на удобномъ мѣстѣ, не хо-

чется уходить съ Мокатама. Январьское солнце Африки грѣетъ такъ хорошо, разливая нѣгу по членамъ, легкій вѣтерокъ такъ нѣжно обвѣваетъ лицо, возбуждая ощущеніе прохлады, небо такъ мило ласкаетъ взоръ своей безоблачной синевой.

Одинъ изъ слѣдующихъ дней мы посвятили на ознакомленіе съ мѣстнымъ курортомъ Хелюаномъ, находящимся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Каира.

Хелюанъ расположенъ къ югу отъ столицы, среди пустыни, въ небольшомъ разстояніи отъ Нила. Онъ славится своими сѣрнистыми источниками, но больше всего—чистымъ, сухимъ воздухомъ и благотворнымъ климатомъ.

Начало процвѣтанію Хелюана положилъ покойный хедивъ Тевфикъ-паша, который, соблазнившись климатическими особенностями этого мѣста, построилъ здѣсь небольшой дворецъ, въ которомъ и проводилъ большую часть зимы; вслѣдъ за хедивомъ потянулась туда и каирская аристократія, построившая въ Хелюанѣ нѣсколько десятковъ домовъ, образовавшихъ небольшой городокъ. Эксплоатація источниковъ предоставлена египетскимъ правительствомъ одной частной компаніи, устроившей здѣсь большой отель со всѣми новѣйшими приспособленіями для больныхъ. Число послѣднихъ, преимущественно страдающихъ грудными болѣзнями, бываетъ весьма велико въ теченіе зимняго времени; въ то время въ Хелюанѣ находилось нѣсколько больныхъ и изъ Россіи.

Несмотря, однако, на благопріятныя климатическія условія и на образцовое оборудованіе курорта, Хелюанъ весьма печальное мѣсто. На песчаной равнинѣ рядами вытянулись, преимущественно одноэтажные, съ плоскими крышами, домики незатѣйливой архитектуры; возлѣ вокзала—крошечный садикъ съ тощими деревьями, 2—3 гостинницы, нѣсколько баровъ... За предѣлами садика — почти полное отсутствіе растительности и вездѣ песокъ, песокъ и песокъ. И стоитъ этотъ маленькій, скучный городокъ подъ горячимъ африканскимъ солнцемъ, ничѣмъ незащищенный отъ его палящихъ лучей и окруженный унылой песчаной пустыней.

Уже истекала недѣля нашего пребыванія въ Каирѣ и такъ какъ ранѣе чѣмъ покинуть Египетъ намъ хотѣлось

хоть «однимъ глазкомъ» взглянуть на другія мѣста страны фараоновъ, то было рѣшено, что 31-го января мы уѣдемъ, чтобы совершить небольшую экскурсію въ Верхній Египетъ. Одно время соблазняла насъ мысль посѣтить развалины древнихъ Ѳивъ, въ окрестностяхъ Луксора и Карнака, но эта поѣздка на пароходахъ англійской компаніи «Кукъ и сынъ», совершающихъ рейсы по Нилу, требовала столь продолжительнаго времени и такихъ расходовъ, что мы очень скоро отказались отъ нея. Взамѣнъ этого, мы рѣшили доѣхать до конечной южной станціи египетскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ то время еще не достигшихъ до Асуана и посѣтить по пути г. Асіутъ.

31-го января, утромъ, поѣздъ быстро уносилъ насъ на югъ отъ столицы Египта; Каиръ постепенно скрывался изъ нашихъ глазъ и скоро исчезъ за горизонтомъ. Мы мчались по безбрежной равнинѣ, которая, въ общихъ чертахъ, имѣла такой же характеръ, какъ и мѣстность между Александріей и Каиромъ. Къ западу, за полосой воздѣланныхъ земель, уже видна была желтая линія песковъ, возвѣщавшая близкое сосѣдство Ливійской пустыни, къ востоку—тихій Нилъ спокойно несъ свои мутныя воды, а за нимъ разстилалась безплодная мѣстность, убѣгавшая въ сѣро-желтую

9. Окрестности Каира.

даль, къ пескамъ Аравійской пустыни. Такимъ образомъ, воздѣланныя земли шли узкой полосой по лѣвому берегу Нила и было ясно, что только въ его ближайшемъ сосѣдствѣ куда достигала живительная влага его мутныхъ волнъ, только тамъ была жизнь, а въ прочихъ мѣстахъ царили смерть и запустѣніе.

Изъ оконъ вагона были видны часто попадавшіеся по дорогѣ оросительные каналы, выведенные изъ Нила, и различныя, иногда весьма первобытныя, приспособленія для доставки воды на поля.

Культурная площадь Египта, прорѣзываемая рѣкой и желѣзной дорогой, густо покрыта сѣтью обыкновенныхъ дорогъ; вслѣдствіе разливовъ Нила и періодическаго затопленія мѣстности по сторонамъ рѣки, дороги идутъ по высокимъ насыпямъ, виднымъ съ далекаго разстоянія и похожимъ на желѣзнодорожное полотно. Черезъ оросительные каналы переброшены простые, но прочные мостики.

10. Общій видъ маленькаго египетскаго городка.

Поѣздъ рѣдко останавливался, стоялъ по одной минутѣ возлѣ маленькихъ, каменныхъ станцій, на платформѣ которыхъ всегда можно было замѣтить нѣсколько грязныхъ

арабовъ съ красными воспаленными глазами *), и затѣмъ мчался все дальше и дальше. Однообразная картина окружавшей насъ мѣстности разнообразилась иногда встрѣчавшимися на пути городами, состоявшими изъ бѣлыхъ съ плоскими крышами домиковъ, похожихъ на кубики, скученными, бѣдными деревнями и рощами пальмъ. Трудно сказать, чтобы природа Египта представляла собой что нибудь привлекательное. Однообразіе ландшафта, сѣро-желтый фонъ мѣстности, обиліе песковъ и небогатая растительность—вотъ ея характерныя особенности. Даже сама африканская пальма, ласкающая взоръ путешественника, впервые завидѣвшаго берега Африки, скоро надоѣдаетъ ему своимъ однообразіемъ; и пальмовые лѣса, растущіе безъ подлѣска и травянистаго покрова, на желтой почвѣ, слабо затѣненной жидкой кроной пальмовыхъ листьевъ, производятъ довольно унылое впечатлѣніе.

11. Пальмовый лѣсъ въ окрестностяхъ Каира.

Путешествіе въ вагонахъ египетскихъ желѣзныхъ дорогъ весьма непріятно, вслѣдствіе ужасной пыли, подымаемой поѣздомъ при своемъ быстромъ движеніи. Эта пыль,

*) Глазныя болѣзни, вѣроятно, вслѣдствіе близкаго сосѣдства песчаныхъ пустынь, весьма распространены среди туземцевъ Египта.

проникающая сквозь неплотно пригнанныя оконныя рамы, двери и даже щели въ полу, покрываетъ густымъ слоемъ всю внутренность вагоновъ, дѣлая ихъ чрезвычайно грязными.

Приближаясь къ цѣли нашего путешествія—конечной станціи *) египетскихъ жел. дор. Нагъ-Хамади, мы стали наводить справки у кондукторовъ и на станціяхъ о томъ, есть ли тамъ какое нибудь селеніе и возможно ли около станціи найти себѣ на ночь пріютъ. Одни говорили, что въ Нагъ-Хамади есть гостинница, другіе—что ея нѣтъ, вообще же, мы съ трудомъ могли собрать объ этомъ пунктѣ какія нибудь свѣдѣнія. На станціи Гиргэ, гдѣ мы рѣшили было заночевать въ имѣющейся здѣсь гостинницѣ, чтобы не подвергать себя риску остаться въ Нагъ-Хамади подъ открытымъ небомъ, какой-то европейски одѣтый арабъ, ѣхавшій въ томъ же поѣздѣ, посовѣтовалъ намъ ѣхать далѣе, обѣщая свое содѣйствіе. Но, когда уже въ темнотѣ мы вышли изъ вагона на станціи Нагъ-Хамади и въ недоумѣніи—куда идти—расхаживали возлѣ вокзала, этотъ арабъ не появлялся болѣе и мы были предоставлены самимъ себѣ. Около насъ бродили въ потьмахъ какія-то бѣлыя фигуры, изъ коихъ двѣ быстро отозвались на мой окликъ и услыхавши слово «отель» схватили наши чемоданы и куда-то повели насъ. Мы шли можетъ быть и недолго, но вслѣдствіе темноты и незнакомства съ мѣстностью, наше движеніе казалось намъ безконечнымъ. Сначала арабы вели насъ вдоль полотна желѣзной дороги, затѣмъ вывели въ открытое поле, за которымъ мы шли вдоль какихъ-то длинныхъ садовъ и, наконецъ, вступили въ селеніе, уже безмолвное и, повидимому, спавшее глубокимъ сномъ. Послѣ продолжительнаго скитанія по узкимъ извилистымъ улицамъ селенія, мы вошли на небольшой дворъ и остановились возлѣ открытыхъ освѣщенныхъ дверей какого-то домика. Въ дверь была видна его внутренность, состоявшая изъ большой комнаты съ разставленными въ ней простыми столами и деревянными скамейками; въ одномъ углу находился прилавокъ, на которомъ стояли графинъ и нѣсколько бутылокъ; вообще, видно было, что мы стояли на порогѣ деревенской харчевни.

*) Нынѣ желѣзная дорога продолжена значительно южнѣе.

Навстрѣчу намъ вышли двое мужчинъ, оказавшихся хозяевами-итальянцами; они говорили только на своемъ родномъ языкѣ, почему намъ стоило большихъ трудовъ объясниться съ ними. Кое-какъ, то словами, то жестами, мы объяснили итальянцамъ, что хотимъ переночевать у нихъ и не прочь были бы поужинать. Насъ повели въ смежный домикъ, отвели намъ здѣсь маленькую комнатку, изъ которой предварительно былъ удаленъ находившійся уже тамъ жилецъ, уступившій намъ свое помѣщеніе безъ особенной готовности. Въ комнаткѣ, имѣвшей земляной полъ, бѣленыя известью и облупившіяся стѣны и тростниковый потолокъ, находились двѣ простыя деревянныя кровати, столъ, тазъ и кувшинъ съ водой, а въ углу стояла маленькая масляная лампочка, тускло освѣщавшая внутренность комнаты. Сложивши здѣсь свои вещи и разсчитавшись съ нашими проводниками, мы зашли поужинать въ харчевню. Намъ дали яичницу, бѣлаго сыру, хлѣба и вина. Небольшого роста черноволосый мужчина безъ пиджака, въ одномъ жилетѣ и въ мягкихъ туфляхъ прислуживалъ намъ и, садясь въ сторонѣ отъ насъ около прилавка, съ равнодушнымъ видомъ глядѣлъ на насъ. По темнымъ, когда-то бѣленымъ, но теперь закопченымъ стѣнамъ висѣли дешевыя картинки, портреты и яркія цвѣтныя рекламы. Съ этихъ стѣнъ на насъ глядѣли египетскіе хедивы, какіе-то генералы, а надъ столомъ, гдѣ мы сидѣли, красовалась большая группа безъ рамы, изображавшая собою нашу Императорскую Фамилію съ Императоромъ Александромъ III во главѣ и подписанная «Les amis de la France».

Откуда-то къ намъ доносились звуки странной музыки—смѣсь барабана со скрипкой и заунывный однообразный мотивъ иногда сливался съ человѣческимъ хохотомъ и хлопаніемъ въ ладоши; это туземцы въ ближайшемъ сосѣдствѣ харчевни справляли веселую свадьбу. Когда мы поужинали, трактирщикъ ушелъ, а мы, уставшіе отъ тряски въ пыльномъ вагонѣ, вернулись въ свою комнату и быстро заснули.

На слѣдующій день мы наводили справки о томъ, нельзя-ли отъ Нагъ-Хамади проѣхать къ развалинамъ древнихъ Ѳивъ, но такая поѣздка оказалась весьма затруднительной

и дорогой, а потому мы рѣшили въ тотъ-же день вернуться обратно.

До поѣзда оставалось еще много времени и мы успѣли хорошо погулять по берегу рѣки Нила и осмотрѣть селеніе. Нагъ - Хамади—большая арабская деревня, разбросанная вдоль рѣки, въ $1^1/_2$ верстѣ отъ желѣзнодорожной станціи. Она состоитъ изъ глинобитныхъ домиковъ съ плоскими крышами, кое-гдѣ осѣняемыми высокими, стройными пальмами. Въ деревнѣ много лавокъ, торгующихъ всевозможной дрянью и характерное для Египта обиліеословъ. Въ одномъ мѣстѣ на берегу Нила находится кафэ, передъ которымъ на песчаномъ, нѣсколько возвышенномъ берегу рѣки поставлены столики для посѣтителей. Какъ вездѣ въ Египтѣ,—здѣсь часто встрѣчаются арабы, лежащіе и сидящіе безъ всякаго дѣла, грѣющіеся на солнцѣ и съ увлеченіемъ уничтожающіе насѣкомыхъ въ своей одеждѣ. Здѣсь еще больше, чѣмъ въ Каирѣ, замѣтно обиліе у населенія глазныхъ болѣзней, изъ коихъ катаракта является преобладающей.

12. Улица въ Нагъ-Хамади.

Къ 2 часамъ дня мы вернулись на желѣзнодорожную станцію и уѣхали въ Асіутъ, куда прибыли въ тотъ же день въ 7 часовъ вечера.

Асіутъ, какъ и Нагъ-Хамади, оказался во власти итальянцевъ; содержатель отеля de l'Orient, въ которомъ мы остановились, былъ итальянецъ, хозяинъ ресторана, въ которомъ мы пытались въ тотъ вечеръ пообѣдать—тоже итальянецъ, во многихъ лавкахъ были видны итальянскія физіономіи и былъ слышенъ итальянскій говоръ. Въ ресторанѣ мы съ трудомъ добились желаемаго, и то лишь при содѣйствіи одного изъ посѣтителей, араба, немного говорившаго по французски. Поданный намъ обѣдъ далеко не заслуживалъ этого названія; «супо», какъ называли здѣсь супъ, напоминалъ своимъ видомъ и вкусомъ помои, рисъ съ какой-то странной подливкой, долженствовавшей, вѣроятно, изображать помидоровый соусъ, имѣлъ такой скверный запахъ, что лишалъ насъ всякаго апетита, а жесткое, жилистое мясо не поддавалось дѣйствію нашихъ зубовъ. Вообще, итальянская кухня, насколько она выражалась въ яствахъ ресторановъ, посѣщенныхъ мною въ Египтѣ, оставила во мнѣ весьма скверныя воспоминанія.

13. Улица въ г. Асіутѣ.

Асіутъ—небольшой и довольно скверный городишко, провинціальное захолустье, рѣшительно ничѣмъ не замѣчательное. Побродивши утромъ по городу, мы вернулись въ гостиницу и около полудня уѣхали обратно въ Каиръ, гдѣ

заняли то-же помѣщеніе, въ которомъ жили и до отъѣзда въ верхній Египетъ.

Однако, пора было уже покидать страну фараоновъ и ѣхать далѣе на востокъ, къ конечной цѣли своего путешествія. На слѣдующій же день послѣ пріѣзда въ Каиръ я пріобрѣлъ въ конторѣ «Кукъ и сынъ» билетъ на пароходъ «Ernest Simons» французской компаніи Messageries maritimes, отправлявшійся 7-го февраля изъ Суэца.

5-го февраля мы оба покинули столицу Египта, но на этотъ уже разъ поѣхали въ разныя стороны: мой спутникъ уѣхалъ обратно въ Александрію, чтобы оттуда вернуться въ Смирну, а я отправился въ Суэцъ.

Послѣ полудня я проводилъ своего товарища на вокзалъ, но такъ какъ до моего отъѣзда оставалось еще часа два, то послѣ отхода александрійскаго поѣзда я вернулся въ городъ и погулялъ по бульвару Камель, переполненному въ эти часы разнообразной публикой. Сидя за столикомъ на широкой панели у одного изъ лучшихъ баровъ, я съ интересомъ слѣдилъ за пестрой, оригинальной каирской толпой, медленно двигавшейся мимо меня въ обѣ стороны. Но, Боже мой, какъ надоѣдаютъ здѣсь разносчики, газетчики, странствующіе торговцы, и, наконецъ, хуже всего чистильщики сапогъ! Какой обильный запасъ терпѣнія необходимо имѣть, чтобы относиться равнодушно къ ихъ ежеминутнымъ приставаньямъ. Въ теченіе 45 минутъ, проведенныхъ мною за столикомъ этого бара, ко мнѣ обратились съ предложеніемъ услугъ 50 представителей этихъ уличныхъ профессій. Однако, ко всему видно можно привыкнуть, и каирская публика вырабатываетъ въ себѣ драгоцѣнную способность не обращать вниманія на этихъ людей, надоѣдливыхъ, какъ мухи въ жаркій іюльскій день.

Въ 7 часовъ вечера поѣздъ уже уносилъ меня къ востоку, къ берегамъ Чермнаго моря.

Южная ночь быстро охватила землю, окутавши мракомъ окрестности, о чемъ я, впрочемъ, мало жалѣлъ, потому что мѣстность по пути нашего движенія едва-ли чѣмъ-либо отличалась отъ обычнаго въ Египтѣ однообразнаго, унылаго ландшафта. Часовъ до 11 вечера купэ, въ которомъ я сидѣлъ, было переполнено пассажирами, но затѣмъ я остался вдвоемъ

съ англійскимъ сержантомъ, возвращавшимся изъ Англіи въ Индію и не переставая курившимъ отвратительныя сигары. Около полуночи сержантъ задремалъ, уронивши на полъ потухшій окурокъ, я открылъ на нѣсколько минутъ окно, чтобы освѣжить воздухъ, наполненный сигарнымъ дымомъ и легъ спать на свободный диванъ напротивъ сержанта, презабавно клевавшаго носомъ.

Мы пріѣхали въ Суэцъ въ началѣ шестого часа утра. Начинало свѣтать, было свѣжо; на вокзалѣ поѣздъ встрѣтили нѣсколько арабовъ съ заженными фонарями, на стеклахъ которыхъ имѣлись надписи мѣстныхъ гостиницъ. Я подозвалъ фонарь съ надписью Hôtel Victoria и приказалъ носильщику нести за нимъ мои вещи. Гостиница оказалась по сосѣдству съ вокзаломъ, но своей грязью произвела на меня сразу непріятное впечатлѣніе; однако, арабъ съ фонаремъ такъ серьезно увѣрялъ меня, что въ Суэцѣ всѣ гостиницы плохи, что чувствуя усталость и желаніе выспаться, я рѣшилъ занять здѣсь комнату. Но даже непродолжительное пребываніе въ занятой мною комнатѣ обнаружило полную невозможность оставаться въ ней, какъ вслѣдствіе непозволительной грязи, такъ и зловонія, проникавшаго сюда изъ коридора. Я вышелъ на лѣстницу, осмотрѣлъ помѣщенія другихъ этажей (домъ былъ трехъэтажный) и нашелъ вездѣ то же самое. Одѣвшись, я вышелъ на улицу, въ надеждѣ подыскать себѣ болѣе пріятное помѣщеніе. Уже разсвѣло, но улицы были еще пусты; спросить было некого и я пошелъ наугадъ, внимательно осматривая встрѣчавшіяся на домахъ вывѣски. Въ Grand Hôtel d'Orient, который мнѣ попался на той же улицѣ, оказалось очень дорого, по около мола, на морскомъ берегу, я, наконецъ, набрелъ на Hôtel Khedivial гдѣ встрѣтившій меня молодой хозяинъ-французъ въ бархатной курткѣ и вышитыхъ туфляхъ согласился отвести мнѣ весьма приличную комнату за три франка.

Вернувшись въ Hôtel Victoria за своими вещами, я нашелъ ихъ, однако, уже въ рукахъ хозяина гостиницы, который соглашался выдать ихъ мнѣ лишь послѣ уплаты трехъ франковъ за комнату. Когда я спорилъ съ нимъ, одинъ изъ служащихъ въ гостиницѣ арабовъ сталъ уговаривать меня остаться и какъ послѣдній доводъ въ пользу та-

кого рѣшенія, сообщилъ мнѣ, что въ этой же гостинницѣ живетъ «московъ», пріѣхавшій вчера изъ Александріи.

Въ концѣ концовъ, я заплатилъ потребованныя съ меня деньги и переселился въ Hôtel Khedivial, но извѣстіе о пребываніи русскаго въ Суэцѣ настолько заинтересовало меня, что, отдохнувши и напившись кофе при любезномъ содѣйствіи француза въ бархатной курткѣ и вышитыхъ туфляхъ, я зашелъ въ Hôtel Victoria и постучался къ «москову». «Московъ» оказался маленькимъ, толстенькимъ пожилымъ человѣкомъ, который сначала растерялся при моемъ внезапномъ появленіи въ его комнатѣ, но затѣмъ обнаружилъ искреннюю радость при видѣ соотечественника. Мы познакомились. Мой новый знакомый, отставной чиновникъ военнаго вѣдомства, пріѣхалъ изъ Ярославля и прибылъ въ Суэцъ лишь за день до нашей встрѣчи съ намѣреніемъ проѣхать въ Синай на богомолье. Онъ тотчасъ-же разсказалъ мнѣ про свои мытарства, вызвавшія во мнѣ самое искреннее сочувствіе. Дѣло въ томъ, что онъ прибылъ въ Египетъ не зная буквально ни одного слова ни на одномъ иностранномъ языкѣ, что ставило его часто въ невозможныя положенія. Будучи къ тому же совершенно незнакомъ съ мѣстной монетой, онъ при разсчетахъ становился легкой добычей жадныхъ, недобросовѣстныхъ арабовъ, выбиравшихъ изъ его кошелька монеты по своему собственному выбору.

Онъ обращался здѣсь за содѣйствіемъ къ нашему вице-консулу, но таковой оказался, къ сожалѣнію, грекомъ, ни слова не понимавшимъ по-русски, почему и не могъ оказать ему никакого содѣйствія. Потерявши время, деньги и терпѣніе, онъ собирался уѣхать съ утреннимъ поѣздомъ обратно въ Александрію. Я предложилъ ему свои услуги для переговоровъ съ вице-консуломъ и уговорилъ его отложить свой отъѣздъ до слѣдующаго поѣзда.

Часовъ въ 10 утра мы зашли въ наше вице-консульство, помѣщавшееся въ маленькомъ невзрачномъ домикѣ около моря; спустя нѣкоторое время пришелъ вице-консулъ и сообщилъ мнѣ свѣдѣнія, весьма неутѣшительныя для моего спутника. Путешествіе на Синай оказалось сопряженнымъ съ такими затрудненіями и расходами, что моему соотечественнику не оставалось ничего болѣе, какъ возвращаться

въ Александрію, откуда онъ собирался проѣхать въ Іерусалимъ.

Послѣ его отъѣзда въ моемъ распоряженіи оставалось еще полдня, но такъ какъ въ городѣ нечего было осматривать, то передъ обѣдомъ я пошелъ погулять на берегъ моря.

Городъ соединенъ съ гаванью длиннымъ моломъ, глубоко вдающимся въ море; по молу проложенъ желѣзнодорожный путь въ двѣ колеи и обыкновенная дорога. Поѣзда весьма часто проносятся въ обѣ стороны, придавая нѣкоторое оживленіе пустынному и тихому взморью.

Стоялъ теплый, ясный день, море тихой гладью блестѣло подъ яркими лучами солнца и далеко на горизонтѣ сливалось съ темно-синимъ небомъ, на которомъ не видно было ни одного облачка. Было время отлива и молъ, по которому я шелъ, сопровождался по сторонамъ широкими мокрыми песчаными отмелями, только что обнажившимися отъ воды. Морская вода, ушедшая съ отливомъ отъ береговъ, оставила на мокромъ пескѣ массу живыхъ существъ, не успѣвшихъ уйти съ отхлынувшей водой въ море и ютившихся въ лужицахъ, кое-гдѣ оставшихся на пескѣ. Здѣсь встрѣчались ракообразныя различныхъ видовъ, малыя рыбки, морскія звѣзды, помнутно мѣнявшія свой цвѣтъ и приспособлявшіяся то къ цвѣту воды, въ которой онѣ плескались, то къ цвѣту песка, на который онѣ временами выскакивали. Всего этого здѣсь было очень много и на обозрѣніе этой морской фауны необходимо было бы нѣсколько часовъ, но вѣдь это былъ только крохотный уголокъ жизни необъятнаго моря!

Къ заходу солнца я былъ уже у себя въ гостиницѣ и, по совѣту ея хозяина, сейчасъ же отправилъ свой багажъ на паровую лодку, которая должна была ночью доставить пассажировъ на пароходъ.

Послѣ обѣда, предвидя безсонную ночь, я заснулъ, но въ 11 часовъ ночи былъ разбуженъ арабомъ, прибѣжавшимъ за мной изъ конторы пароходнаго агентства Messageries maritimes. Я расчитался въ отелѣ и ушелъ на пристань, гдѣ сѣлъ въ небольшой паровой катеръ, тотчасъ же вышедшій на рейдъ, куда ожидалось прибытіе океанскаго парохода.

Насъ было шесть человѣкъ; изъ нихъ двѣ дамы; всѣ, кромѣ меня, англичане. Выйдя на рейдъ, въ томъ мѣстѣ

14. Пароходъ „Ernest Simons“.

гдѣ Суэцкій каналъ выходитъ въ Красное море, мы долго стояли въ темнотѣ, тихо покачиваясь на волнахъ и по временамъ подвигаясь то впередъ, то назадъ. Ночь была совершенно темная, дулъ холодный вѣтеръ; на катерѣ было тѣсно: маленькая каюта была занята дамами, а мужчины стояли и топтались на палубѣ; сѣсть было некуда. Мимо насъ въ темнотѣ прошли какія-то суда, а нашего парохода все еще не было. Наконецъ, въ 4 часа утра вдали показалась яркая точка, которая быстро росла, отбрасывая отъ себя снопъ электрическаго свѣта и скоро, слабо обрисовываясь въ полумракѣ, къ намъ подошелъ морской гигантъ, на минуту остановился, принялъ насъ на свой бортъ и тотчасъ-же тронулся далѣе. Я находился теперь на большомъ океанскомъ пароходѣ «Ernest Simons», который быстро уносилъ меня въ Красное море.

III. Въ морѣ.

Двѣнадцать сутокъ въ морѣ!... Двѣнадцать сутокъ — вода и небо, небо и вода!... Двѣнадцать дней и ночей — во власти капризной стихіи!..

„Ernest Simons“ — большой океанскій быстроходный пароходъ, одинъ изъ лучшихъ пароходовъ французскаго общества Messageries maritimes; онъ совершаетъ рейсы между Марселемъ и портами Дальняго Востока, заходя по пути на островъ Цейлонъ. Разстояніе отъ Суэца до Коломбо — около 6,000 верстъ — онъ проходитъ (съ остановкой въ Джибути) въ 12 дней, что даетъ скорость около 500 верстъ въ сутки. Пароходъ освѣщенъ электричествомъ; внутреннее устройство каютъ и общихъ пассажирскихъ помѣщеній — заурядное и, если принять во вниманіе, что пароходъ совершаетъ большіе переходы въ тропическихъ областяхъ, то многое окажется на немъ даже не вполнѣ соотвѣтствующимъ особенностямъ тропическаго климата. Каюты тѣсны, плохо вентилируются, а панки *) больше обвѣтриваютъ лицо горячимъ воздухомъ, чѣмъ охлаждаютъ его.

Мы очень любимъ порицать все отечественное и превозносить иностранное, въ особенности западно-европейское, но, походивъ на пароходахъ различныхъ націй, я положительно утверждаю, что наше пароходство, въ смыслѣ удобствъ, предоставляемыхъ пасажиру, не хуже, чѣмъ въ другихъ странахъ. Иностранцы, правда, превосходятъ насъ въ быстротѣ и точности рейсовъ, но для туриста это, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ значенія. Все-же остальное у нихъ, если не хуже, то и не лучше нашего. Что касается

*) Такъ называются широкія доски въ бѣлыхъ чехлахъ, которыя подвѣшиваются къ потолку комнатъ и приводятся въ движеніе особыми рабочими. Онѣ употребляются повсемѣстно въ тропикахъ.

продовольствія въ пути, то всѣ мы знаемъ, какъ плохо ѣдятъ иностранцы.

Въ морѣ одинъ день похожъ на другой, какъ двѣ капли воды и жизнь путешественника однообразна, какъ и поверхность океана.

Утро. Я просыпаюсь отъ шума въ каютѣ. Открывши глаза, вижу передъ собой пару чьихъ-то необутыхъ ногъ, опущенныхъ съ верхней койки. Оказывается, что мой сосѣдъ наверху одѣвается. Онъ говоритъ съ третьимъ жильцомъ нашей каюты на какомъ-то совершенно непонятномъ для меня языкѣ, въ которомъ я временами улавливаю звуки, напоминающіе не то нѣмецкій, не то англійскій языкъ. Познакомившись съ этими господами, я узнаю, что они — нѣмцы, ѣдутъ изъ Германіи по дѣламъ какихъ-то торговыхъ фирмъ на островъ Суматру и теперь, на досугѣ, упражняются въ голландскомъ языкѣ. Одинъ изъ нихъ былъ мрачнаго, флегматичнаго вида и цѣлыми днями читалъ нѣмецкія книги; другой — живой, подвижной и чрезвычайно веселый малый — проводилъ цѣлый день въ постоянномъ движеніи съ одного конца парохода на другой и, кажется, ничего не читалъ.

Одѣваться троимъ одновременно въ каютѣ совершенно невозможно: нигдѣ такъ не скупятся на свободное мѣсто, какъ на пароходахъ, гдѣ стараются использовать каждый клочекъ пространства. Одѣваемся по очереди и, наконецъ, одинъ за другимъ выходимъ въ столовую, откуда уже давно былъ слышенъ звонокъ, приглашавшій пассажировъ къ утреннему завтраку. Въ столовой предоставляется нашему выбору — чай или кофе и мы, конечно, избираемъ второй, потому что чай, приготовляемый иностранцами, довольно противный напитокъ. Послѣ кофе я выхожу на палубу. Здѣсь уже много публики. Пассажиры сидятъ въ креслахъ всевозможныхъ размѣровъ и видовъ, разставленныхъ на палубѣ въ живописномъ безпорядкѣ; одни читаютъ, другіе разговариваютъ, нѣкоторые глядятъ въ море, любуясь природой.

Сначала нѣсколько теряешься въ этой разноплеменной и разноязычной толпѣ; здѣсь и французы, и нѣмцы, и англичане, и голландцы, и японцы... Кругомъ себя слы-

шишь разговоръ на нѣсколькихъ языкахъ. Но, спустя нѣкоторое время, присмотрѣвшись къ этой толпѣ, начинаешь оріентироваться въ ней и видишь, что она состоитъ изъ нѣсколькихъ обособленныхъ группъ; французовъ уже легко отличаешь отъ англичанъ, нѣмцевъ не смѣшиваешь съ голландцами, а японцевъ видишь даже съ противуположнаго конца парохода. Скоро изъ этихъ группъ выдѣляются „типы“.

Помню одного плотнаго, коренастаго, рыжаго офицера-англичанина, ѣхавшаго изъ Капра въ Индію, который по цѣлымъ часамъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по верхней палубѣ парохода, сильно размахивая руками. Постоянно задумчивый, на чемъ-то сосредоточенный, онъ производилъ очень странное впечатлѣніе и я нисколько не удивился-бы, если-бы узналъ, что онъ бросился въ море. А вотъ и другой. Молодой симпатичный французъ, ѣхавшій изъ Марселя въ Тонкинъ, постоянно сидѣлъ на солнцѣ съ непокрытой головой и утверждалъ, что солнечный ударъ — выдумка врачей; всѣ пасажиры съ интересомъ слѣдили за его рискованнымъ опытомъ. До Коломбо онъ доѣхалъ благополучно; не знаю, что было съ нимъ дальше.

Господствующее положеніе на пароходѣ занимали голландцы; хотя они были и не многочисленнѣе другихъ національностей, но ѣхали всѣ вмѣстѣ на островъ Суматру и составляли тѣсный, сплоченный кружокъ, къ которому примкнули и нѣмцы, ѣхавшіе туда же. Голландцы шумно разговаривали, шумно развлекались борьбой и вообще мало стѣснялись. На второй или третій день за Суэцомъ, когда началась тропическая жара, особенно непріятная въ Красномъ морѣ, голландцы первые перешли на лѣтній костюмъ и затѣмъ, постепенно упрощая его, дошли уже до границы возможнаго: нѣкоторые изъ нихъ, не стѣсняясь присутствіемъ дамъ, выходили на палубу въ одномъ бѣльѣ и въ туфляхъ на босую ногу.

Я случайно сошелся больше, чѣмъ съ другими, съ однимъ пожилымъ французомъ, по профессіи юристомъ, ѣхавшимъ изъ Парижа въ Кохинхину на должность прокурора. Онъ чрезвычайно интересовался Россіей и положительно засыпалъ меня вопросами; но, Боже мой, что это были за вопросы! Нельзя сказать, чтобы этотъ интелигент-

ный и образованный (по французскимъ понятіямъ) человѣкъ ничего не зналъ о Россіи, но онъ имѣлъ о ней поразительно превратныя представленія. Нѣкоторыя изъ нихъ просто возмущали меня своей нелѣпостью. Въ общемъ, онѣ мало отличались отъ тѣхъ, согласно которымъ наше отечество представляется въ видѣ необъятной снѣжной пустыни, по которой бродятъ въ медвѣжьихъ шкурахъ бородатые люди, постоянно пьющіе водку и закусывающіе сальными свѣчами...

Утромъ, до полдня, пока еще не жарко, сидишь гдѣ-либо на открытомъ мѣстѣ и любуешься окружающимъ моремъ. Въ теченіе 2—3 дней за Суэцомъ на горизонтѣ съ обѣихъ сторонъ были видны возвышенные берега Африки и Аравіи; голые, сѣро-желтые, безплодные, тянулись они почти непрерывными грядами, утомляя взоръ своимъ однообразіемъ и пустынностью. Когда вѣтеръ начиналъ тянуть съ берега, то въ воздухѣ чувствовалось горячее дыханіе раскинутыхъ за этими грядами раскаленныхъ пустынь.

На четвертый день берега Краснаго моря скрылись за горизонтъ и уже не появлялись до Джибути.

Въ теченіе всего перѣзда до Коломбо море было очень спокойно; по утрамъ морская поверхность чуть-чуть рябила, и пароходъ спокойно разсѣкалъ зеленовато-голубую воду, могучими струями обѣгавшую его гигантскій корпусъ, оставляющій за собой длинный пѣнящійся слѣдъ.

Я любилъ въ такія минуты, нагнувшись надъ бортомъ парохода и подвергаясь живительному дѣйствію лучей утренняго солнца, слѣдить за движеніемъ парохода и волнъ. Спачала все здѣсь кажется ужасно однообразнымъ, но вглядѣвшись ближе, находишь въ этомъ однообразіи безконечную смѣну явленій. Волны набѣгаютъ другъ на друга, исчезаютъ, опять поднимаются... и каждая изъ нихъ не похожа одна на другую; въ носовой части парохода онѣ пытаются оказывать ему сопротивленіе и храбро бросаются на него, высоко взбираясь по его темнымъ гладкимъ бокамъ, но, обезсилѣвъ, падаютъ внизъ и, точно стыдясь своего пораженія, незамѣтно пробираются вдоль борта къ кормѣ парохода, гдѣ исчезаютъ въ водоворотѣ, оставляемомъ за собой пароходнымъ винтомъ.

Однако, не успѣешь вдоволь налюбоваться моремъ, какъ уже зовутъ къ завтраку.

Распредѣленіе дня (или вѣрнѣе ѣды) на пароходѣ слѣдующее: отъ 6 до 8 час. утра — чай или кофе, отъ 9 до 11—первый завтракъ, въ 1 часъ дня—второй завтракъ, въ $6^1/_2$ час. вечера—обѣдъ, а въ 9—вечерній чай. Обѣды и завтраки продолжаются томительно долго; количество блюдъ чрезвычайно велико; для какой нибудь пары стручковъ мѣняютъ приборъ и тарелки.

Мѣста въ столовой занимаются на весь путь; мнѣ досталось весьма неудобное мѣсто у стѣнки, около середины стола, почему для того, чтобы выйти, я долженъ былъ безпокоить цѣлый рядъ пасажировъ, что, конечно, вынуждало меня терпѣливо высиживать положенное время. А высидѣть этотъ томительный часъ или полтора было не легко; въ столовой жарко и душно, несмотря на мѣрное раскачиваніе панокъ, приводимыхъ въ движеніе слугами-китайцами; въ воздухѣ стоитъ какое-то непрерывное жужжаніе отъ десятковъ голосовъ, говорящихъ безъ умолку; къ концу обѣда отъ этого шума начинаетъ болѣть голова. Справа отъ меня сидѣли три японца, возвращавшіеся изъ Парижа на родину и съ трудомъ поддаваясь на разговоръ, косились на меня; слѣва нѣсколько французовъ и француженокъ съ поразительнымъ постоянствомъ ежедневно ведутъ между собой безконечные споры о какихъ-то вопросахъ, касающихся Сомалійскаго берега. Скучно и душно... Ждешь, не дождешься конца...

Пароходная администрація изысканно любезна съ пасажирами. Любезность въ высокой степени свойственна также и пароходной прислугѣ, но, Боже мой, что за лѣнтяи эти гарсоны, приставленные къ каютамъ!

Я нѣсколько дней подрядъ никакъ не могъ изловить того, который долженъ былъ убирать нашу каюту; но когда я, наконецъ, увидѣлъ его, то встрѣтилъ съ его стороны такую чисто французскую любезность и предупредительность, что долженъ былъ спасовать и весь накопленный мною запасъ горькихъ словъ оставить неизрасходованнымъ. Матросы въ этомъ отношеніи не уступали гарсонамъ. Въ теченіе дня на палубѣ парохода въ 2—3 мѣстахъ всегда можно

было увидѣть нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ швабрами, картинно опираясь на которыя, они задумчиво глядѣли въ морскую даль, быть можетъ, вспоминая о своей далекой родинѣ. Эти дежурства представлялись имъ, вѣроятно, весьма удобнымъ временемъ для мечтаній, потому что рѣдко можно было увидѣть кого-либо изъ нихъ подметающимъ палубу. Когда я обратился къ одному изъ такихъ мечтателей съ просьбой подмести около моего кресла, онъ отозвался на это съ готовностью и даже добавилъ:

—Ахъ, помилуйте сударь! Вѣдь мы для этого только и поставлены здѣсь.

Согласитесь, что такая любезность обезоружитъ кого угодно.

Чѣмъ дальше подвигались мы къ югу, тѣмъ чувствительнѣе становилась жара и всѣ пасажиры съ нетерпѣніемъ ожидали вечера, когда можно было отдохнуть отъ солнечнаго зноя. Въ это время года сумерки наступали довольно рано и заходомъ солнца возможно любоваться еще до обѣда.

Видали-ли вы, читатель, когда нибудь, какъ заходящее солнце погружается въ море и потухаетъ въ его волнахъ на горизонтѣ? Огненно-красный дискъ угасающаго свѣтила медленно опускается въ воду, отражаясь въ ней длиннымъ, дрожащимъ отблескомъ; вотъ онъ уходитъ все ниже и ниже, блѣднѣетъ, держится нѣкоторое время на гладкой, подвижной поверхности моря розовымъ сегментомъ, но затѣмъ какъ-то сразу проваливается въ морскую пучину и оставляетъ на горизонтѣ лишь розовую зарю, быстро потухающую на небѣ. И вслѣдъ за этимъ южная ночь, точно дожидавшаяся этой минуты, сразу охватываетъ море и водная даль, только что разстилавшая передъ вами на огромное разстояніе, уже теряется въ сумеркахъ. А пока вы слѣдите за тѣмъ, что происходитъ на поверхности моря, тамъ, въ небесахъ, уже зажглись миріады вѣчно-мерцающихъ огней, среди которыхъ созвѣздіе Южнаго Креста поражаетъ васъ своей красотой и великолѣпіемъ.

Иностранцы обладаютъ удивительной способностью интересоваться разнообразными играми и умѣютъ очень весело проводить время.

Въ теченіе двѣнадцати дней, проведенныхъ мною на французскомъ пароходѣ, я ни разу не видалъ карточной игры, но зато ежедневно видѣлъ игру въ шахматы, кегли, крокетъ и много другихъ, названій которыхъ теперь и не припомню.

Хотя и днемъ палуба парохода отличалась большимъ оживленіемъ, но по вечерамъ, послѣ обѣда, когда на море опускалась темная ночь, приносившая съ собой прохладу, это оживленіе удваивалось. Я не помню ни одного вечера, который бы проходилъ безъ танцевъ. И самое замѣчательное то, что все это происходило не по предварительному уговору, а какъ-то устраивалось само собой, являясь естественнымъ выраженіемъ потребности веселиться.

Послѣ обѣда, спѣша насладиться вечерней прохладой, всѣ собирались на верхней палубѣ, гуляли и любовались небомъ, усѣяннымъ яркими звѣздами. Кто нибудь садился за стоявшій здѣсь рояль и игралъ. Мало-по-малу начинались танцы. Сначала 1—2 пары осторожно кружились, лавируя въ толпѣ гуляющихъ, но затѣмъ публика разступалась, усаживалась вдоль бортовъ, и спустя нѣсколько минутъ уже вся палуба покрывалась танцовавшими парами.

А то, когда танцы прерывались, къ роялю подходилъ кто нибудь изъ любителей пѣнія и начиналъ пѣть подъ акомпаниментъ иногда совершенно незнакомаго ему пасажира. И въ эту минуту все утихало въ этой живой, шумной толпѣ, внимательно слушавшей пѣніе. Голосъ пѣвца звучалъ какъ-то особенно торжественно въ этой величественной обстановкѣ, подъ темнымъ южнымъ небомъ, на лонѣ необъятнаго моря. И случалось, что пѣсня, на которую не обратилъ бы вниманія при другой обстановкѣ, производила здѣсь сильное впечатлѣніе.

Въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ до Коломбо, пасажиры устроили даже лотерею и любительскій концертъ въ пользу какого-то французскаго благотворительнаго учрежденія.

Вообще же, жизнь на пароходѣ, несмотря на однообразіе и нѣкоторую томительность морского путешествія, не была скучной и день за днемъ быстро проходили, приближая каждаго къ цѣли своего путешествія.

11-го февраля утромъ мы прибыли къ Джибути. Здѣсь море у береговъ мелко, а потому большіе океанскіе пароходы останавливаются очень далеко въ морѣ, спуская шлюпки для сношенія съ берегомъ. Мы простояли около Джибути очень недолго, почему мнѣ и не пришлось побывать въ немъ. Видъ, открывающійся съ моря на главный городъ французскаго Сомалиленда—скучный и непривѣтливый: низкій, плоскій, желтый берегъ убѣгаетъ въ обѣ стороны до горизонта, длинная линія невысокихъ каменныхъ домовъ, образующихъ городъ, тянется по этому берегу, повсюду отсутствіе растительности, безлюдіе...

Невесело живется, вѣроятно, въ Джибути!

15. Море у г. Джибути (вдали, подъ берегомъ, парусное рыбачье судно).

Несмотря на то, что пароходъ стоялъ далеко отъ берега, вокругъ него царило большое оживленіе. Десятки сомалійскихъ лодокъ окружали насъ и туземцы шумно приглашали пасажировъ прокатиться до берега и обратно. Часть груза изъ пароходнаго трюма выгружали на большія баржи для отправленія въ Джибути. Нѣсколько пасажировъ при помощи голыхъ носильщиковъ-сомалійцевъ спускались со своимъ багажемъ по трапу къ лодкамъ и здѣсь громко уговаривались съ переводчиками. Французскій полисменъ-туземецъ, въ бѣломъ костюмѣ, въ круглой съ желтымъ

околышемъ шапкѣ и съ палкой въ рукѣ, стоя на верхней площадкѣ трапа, рѣзкимъ голосомъ водворялъ порядокъ среди лодочниковъ.

На палубѣ появились торговцы, продававшіе различныя принадлежности тропическаго костюма и всевозможные предметы, разсчитанные на любителя-европейца: абисинскія марки, страусовыя перья, почтовыя марки французскаго Сомали-ленда и проч.

Но самой интересной достопримѣчательностью Джибути являлись мальчишки-сомалійцы, плававшіе вокругъ парохода и нырявшіе на дно моря за деньгами, брошенными туда пасажирами. До чего доходитъ искусство этихъ виртуозовъ-пловцовъ — трудно себѣ представить, не видавши его. Изъ-за какой нибудь мѣдной монеты, брошенной въ море, мальчишка взбирался на верхнюю палубу парохода, оттуда бросался внизъ головой въ воду и спустя нѣсколько секундъ появлялся на ея поверхности съ найденной монетой въ зубахъ. Эти нырянія, доставляя проѣзжающимъ европейцамъ развлеченіе во время скучной стоянки въ Джибути, превратились, повидимому, въ постоянный промыселъ, которымъ занимаются мальчишки прибрежныхъ селеній.

16. На рейдѣ Джибути. Перевозка пасажировъ съ парохода на берегъ (за лодкой плывутъ мальчишки-сомалійцы).

Сомалійцы ходятъ совершенно голыми, лишь съ небольшой повязкой на бедрахъ, имѣютъ кожу шоколаднаго цвѣта и короткіе курчавые черные волосы.

Послѣ полудня мы ушли въ море, а на слѣдующій день вышли въ Индійскій океанъ, по которому плыли шесть дней до Коломбо. Въ океанѣ волна была крупнѣе, чѣмъ въ Красномъ морѣ, но погода попрежнему стояла великолѣпная. И глядя теперь на водную поверхность, разстилавшуюся къ югу, страшно было подумать, что въ этомъ направленіи нѣтъ предѣловъ этой могучей стихіи до самого полюса. Какая необъятная ширь и какое величіе безпредѣльнаго океана!

Ежедневно въ полдень дежурный помощникъ капитана опредѣлялъ по солнцу мѣстонахожденіе парохода и отмѣчалъ его на морской картѣ, повѣшенной на палубѣ. Интересно было слѣдить по ней за нашимъ движеніемъ и отмѣчать тѣ глубины, надъ которыми мы мчались. 3,500... 3,700... 4,100 метровъ. Отойдя отъ карты, къ борту парохода, я смотрю на голубовато-зеленую воду, стараясь проникнуть духовнымъ взоромъ въ темную пучину моря и представить себѣ эту страшную глубину. Но нѣдра океана остаются для меня попрежнему скрытыми подъ зыбкой поверхностью пѣнящихся волнъ.

17-го, послѣ полудня, къ сѣверу, далеко на горизонтѣ, были видны возвышенности южной оконечности полуострова Индостана. Къ вечеру закачало, впервые со дня выѣзда изъ Суэца, и пасажиры разошлись раньше обыкновеннаго. Было душно и мнѣ не хотѣлось спускаться въ каюту. Вѣдь это уже была послѣдняя ночь въ океанѣ! Я долго сидѣлъ на палубѣ, любуясь яркими созвѣздіями южнаго неба и прислушиваясь къ прибою волны, мѣрно ударявшей въ борта парохода. И въ эти минуты мнѣ вспоминались слова поэта *):

Ночь непроглядная, ночь ароматная,
Жжетъ и ласкаетъ, зоветъ и томитъ...
Сердце куда-то далеко уносится,
Въ чудныя страны какія-то просится...

*) С. Надсонъ.

IV. На островѣ Цейлонѣ.

Цейлонъ... Сколько чудныхъ, сказочныхъ представленій возбуждаетъ это названіе!.. Вспоминаются, читанныя еще въ юности, увлекательныя описанія «Жемчужины тропиковъ» и воображеніе живо рисуетъ себѣ картины чудесъ природы, одну живописнѣй другой...

Море, небеса, растительность и животныя, все это представляется въ сказочномъ великолѣпіи. И не напрасно! Потому что рѣдко гдѣ приходится наблюдать такое полное соотвѣтствіе между дѣйствительностью и картинами, нарисованными воображеніемъ, какъ здѣсь, на берегахъ этого роскошнаго, вѣчно цвѣтущаго острова.

18 февраля, проснувшись утромъ, я засталъ нашъ пароходъ въ неподвижномъ положеніи; со всѣхъ сторонъ слышалось какое-то гудѣніе, на палубѣ суетились, бѣгали... Что, Коломбо? спросилъ я одного изъ своихъ сожителей, уже не спавшаго и съ папиросой въ зубахъ лежавшаго на койкѣ. Ja, mein Herr. Я быстро одѣлся и вышелъ на палубу.

Уже то, что мнѣ представилось съ парохода, поразило меня своимъ великолѣпіемъ. Мы стояли на якорѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Море было гладко,какъ зеркало и отчетливо отражало въ себѣ чудное, темно-голубое небо съ плывшими по немъ бѣлыми, курчавыми облаками; берега были покрыты великолѣпной тропической растительностью, густой, свѣжей и сочной... Это уже не были унылыя африканскія пальмы, скупо покрывающія пески Египта, это былъ лѣсъ, цѣлый міръ разнообразныхъ деревьевъ. Стройныя, высокія пальмы, перемежаясь съ хлѣбнымъ, каучуковымъ и хинnымъ деревомъ и окруженныя гигантскими пучками перистаго бамбука, плотной стѣной сопровождали низкій берегъ съ золотистыми отмелями и терялись въ голубоватой

дали... Съ берега тянуло запахомъ сочной листвы и какихъ-то цвѣтовъ. А съ лазурнаго неба лились на землю горячіе потоки яркаго солнечнаго свѣта и играли тысячами огней на гладкой поверхности моря.

Я спускаюсь съ своимъ багажемъ въ маленькую паровую лодку, доставляющую пассажировъ къ пристани; здѣсь встрѣчаю комиссіонера «Bristol Hôtel» и мы ѣдемъ съ нимъ къ берегу. На пристани первое, чему подвергается туристъ, это —таможенному досмотру. Но не думайте, читатель, что васъ встрѣтитъ здѣсь строгій чиновникъ съ толпой досмотрщиковъ, инквизиторски допрашивающихъ и перебирающихъ своими грязными руками ваше платье и бѣлье, какъ это часто бываетъ... На пристани въ Коломбо все просто. Меня встрѣтилъ пожилой, худощавый, высокаго роста сингалезецъ въ костюмѣ, состоявшемъ только изъ короткой юбочки и спросилъ: не везу-ли я съ собой сигаръ и огнестрѣльнаго оружія? Но такъ какъ я не курю и охотиться въ Индіи не собирался, то далъ «таможенному чиновнику» отрицательный отвѣтъ, на что тотъ махнулъ рукой—и носильщики унесли мои вещи.

Прямо съ пристани мы вышли на главную улицу Коломбо; здѣсь носильщики уложили мой багажъ въ небольшую повозку запряженную зебу *) и мы отправились къ гостиницѣ. При вступленіи на берегъ, человѣка поражаетъ оригинальный, красноватый цвѣтъ почвы, рѣзко оттѣняемый зеленью тропической растительности и образующій съ ней и темной лазурью неба весьма красивое сочетаніе красокъ.

Я нанялъ комнату въ «Bristol Hôtel», расположенномъ недалеко отъ берега. Обстановка здѣшнихъ отелей нѣсколько хуже, чѣмъ египетскихъ; мягкая мебель почти совсѣмъ отсутствуетъ, но зато все приноровлено къ условіямъ тропическаго климата. Всѣ помѣщенія имѣютъ необыкновенно высокіе потолки и огромныя окна безъ стеколъ, закрываемыя лишь деревянными рѣшетчатыми ставнями. Въ столовой подъ потолкомъ постоянно работаютъ большіе электрическіе вентиляторы, освѣжающіе воздухъ. Все устроено просто, но

*) Особый видъ рогатаго скота: малорослый, съ горбомъ у основанія шеи; морду несетъ всегда низко опущенной къ землѣ.

цѣлесообразно и удобно; вездѣ чистота, порядокъ, обилiе свѣта и воздуха.

Гостиницы въ Коломбо поставлены уже совсѣмъ по-англiйски; языкъ и порядки—англiйскiе. Ѣда состоитъ изъ двухъ завтраковъ и поздняго обѣда; кромѣ того, два раза въ день пьютъ чай. За завтракомъ и обѣдомъ подаютъ въ изобилiи бананы и ананасы, что сначала поражаетъ человѣка, пріѣхавшаго изъ странъ, гдѣ онъ привыкъ видѣть эти плоды лишь въ зеркальныхъ окнахъ гастрономическихъ магазиновъ, но затѣмъ привыкаешь... А спустя нѣкоторое время смотришь на нихъ съ такимъ-же равнодушiемъ, какъ на отечественный арбузъ или тыкву.

Послѣ ѣды здѣсь, обыкновенно, отдыхаютъ въ лѣнгшезахъ, поставленныхъ рядами на верандѣ или въ тѣнистомъ коридорѣ подъ панками. Тропическiй климатъ располагаетъ къ нѣгѣ и лѣни даже и энергичнаго европейца.

Устроившись въ гостиницѣ, я захватилъ съ собой англiйскiй путеводитель и отправился знакомиться съ городомъ.

Коломбо—административный центръ острова Цейлона и мѣстопребываніе англiйскаго губернатора, подчиненнаго британскому министерству колонiй. По количеству населенiя (около 130,000 чел.) онъ невеликъ, но разбросанъ на огромномъ пространствѣ, вслѣдствiе того, что европейцы живутъ почти исключительно въ отдѣльныхъ домахъ (бунгалоу), окруженныхъ садами, рощами и даже лѣсомъ. Прибрежная часть города группируется около остатковъ древняго форта, въ которомъ находится резиденцiя губернатора. Это—собственно торговая, промышленная, дѣловая часть Коломбо; здѣсь гостиницы, правительственныя учрежденiя, банки, конторы, торговыя заведенiя. Эта часть города пересѣкается накрестъ двумя длинными улицами—Чатамской и улицей Королевы, на пересѣченiи которыхъ возвышается башня съ часами (Clock Tower), а на вершинѣ послѣдней устроенъ маякъ съ перемѣнными огнями, видными въ морѣ съ далекаго разстоянiя. Сѣвернѣе этого мѣста находится туземный кварталъ, представляющiй собой нагроможденiе лачугъ съ узкими кривыми переулками.

Улицы въ Коломбо не мощены, но тверды и хорошо

шоссированы. Повсюду обиліе скверовъ, садовъ и алей изъ чудныхъ тропическихъ деревьевъ.

Жители Коломбо—сингалезы—своей наружностью не гармонируютъ съ роскошной природой своей родины. Они небольшого роста, смуглы, съ тонкими чертами лица и черными волосами; сложены стройно, а женщины даже граціозны, но лица ихъ имѣютъ какое-то непріятное выраженіе. Они лѣнивы, безпечны, весьма хитры; исповѣдуютъ будизмъ, хотя весьма равнодушны къ религіознымъ вопросамъ и мѣняютъ свои вѣрованія съ поразительной легкостью.

Костюмъ сингалезовъ упрощенъ до крайности, что, конечно, вполнѣ соотвѣтствуетъ тропическому климату. Онъ состоитъ изъ куска бѣлой или цвѣтной матеріи, охватывающей поясницу и ниспадающей до пятокъ, образуя нѣчто вродѣ узкой юбки; иногда къ этому добавляется открытый спереди бѣлый жилетъ. Голова оставляется часто непокрытой, но иногда покрывается головнымъ уборомъ, похожимъ на чалму. У большинства жителей волосы на головѣ никогда не стригутся и у мужчинъ собираются сзади въ видѣ шиньона, который удерживается красивымъ высокимъ гребнемъ; спереди другой полукруглый гребень отводитъ ихъ отъ лба. Длинные волосы и эта странная прическа придаютъ мужчинамъ женоподобный видъ, почему, гуляя по улицамъ Коломбо, часто смѣшиваешь мужчину съ женщиной. Костюмъ послѣдней отличается отъ мужскаго только тѣмъ, что вмѣсто жилета онѣ употребляютъ легкія кофточки и гребней въ волосахъ не носятъ.

Судя по тому, что еще Птоломей называлъ жителей Цейлона людьми съ женскими волосами, слѣдуетъ думать, что прическа туземцевъ сохраняется ими еще съ того времени. Однако, теперь встрѣчаются также туземцы и съ короткими волосами и даже съ бритой головой, хотя и рѣдко.

Сингалезы ходятъ босикомъ, но въ высшихъ класахъ уже начинаетъ распространяться ношеніе обуви.

Извощиковъ въ Коломбо очень немного; они имѣютъ громоздкіе, страннаго вида одноконные экипажи съ балдахиномъ, запряженные крупными австралійскими лошадьми. Недостатокъ извощиковъ восполняется обиліемъ такъ называемыхъ джинрикшоу (или рикшоу), представляющихъ

собой небольшія, съ верхомъ, двухколесныя колясочки, возимыя туземцами. Джинрикшоу встрѣчаются почти на каждомъ углу въ прибрежной части города и, завидѣвши пѣшехода, ужасно пристаютъ къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ, вѣроятно считая, что прогулка пѣшкомъ есть занятіе неприличное для европейца.

Катаніе въ джинрикшоу представляется первое время весьма занимательнымъ. Вы садитесь въ изящную, маленькую коляску, въ оглобляхъ которой стоитъ голый сингалезецъ, изображающій собой одновременно и лошадь, и кучера, и приказываете себя везти куда вамъ нужно. Сначала вы стѣсняетесь въ отношеніи алюра и разстояній (вѣдь не лошадь-же, въ самомъ дѣлѣ! думаете вы), но затѣмъ убѣждаетесь, что это совершенно напрасная сантиментальность: туземецъ-конь, несмотря на жару въ 25—30° въ тѣни, везетъ васъ не хуже петербургскаго извощика.

Вотъ, правда, насчетъ эстетики тутъ слабовато, особенно для прекраснаго пола: передъ вами бѣжитъ шоколадный человѣкъ, какъ говорится, въ чемъ мать родила, конечно, лишь съ строго необходимымъ добавленіемъ «фиговаго листка», замѣняемаго здѣсь грубой и довольно грязной тряпкой, болтающейся на бедрахъ; спина шоколаднаго чело-

17. Улица въ Коломбо („рикшоу“ въ ожиданіи сѣдока).

вѣка черезъ нѣсколько минутъ начинаетъ лосниться и затѣмъ покрывается крупными каплями пота, который вскорѣ уже струится по ней обильными потоками...

Уже въ Коломбо человѣка поражаетъ во всемъ необыкновенный порядокъ и благоустройство, составляющіе характерную особенность англійскихъ колоній. И тѣмъ болѣе, что все это достигается работой лишь нѣсколькихъ европейцевъ при участіи поразительно малочисленной полиціи, состоящей исключительно изъ туземцевъ.

Мѣстный полисменъ-сингалезецъ одѣтъ въ темный костюмъ съ желтыми металическими пуговицами и въ красной шапочкѣ; на поясѣ виситъ короткая черная палка, составляющая его единственное оружіе.

Гавань Коломбо отдѣляется отъ океана грандіознымъ моломъ, вдающимся въ него версты на двѣ. Вдоль этого могучаго каменнаго барьера, о стѣны котораго мѣрно ударяетъ морской прибой, стоятъ десятки судовъ всевозможныхъ націй, окруженныя туземными лодками, баржами и плотами. И трудовая, тяжелая жизнь торговаго порта кипитъ здѣсь отъ ранняго утра до вечера. Тысячи голыхъ темныхъ человѣческихъ тѣлъ копошатся здѣсь въ борьбѣ за жалкое существованіе, изнемогая подъ знойнымъ солнцемъ и подъ тяже.

18. Гавань въ Коломбо (на переднемъ планѣ—туземныя лодки).

стью непомѣрно тяжелаго груза, чтобы имѣть право дожить до слѣдующаго утра.

Что для нихъ—это яркое, плѣнительное солнце? Что для нихъ эта изумрудная зелень, окаймляющая золотистыя отмели моря? Солнце встаетъ и заходитъ, ежедневно свершая свой путь, радостно сіяя въ голубыхъ высяхъ неба, но его яркаго свѣта недостаточно, чтобы разсѣять тьму человѣческаго горя. Пальма, питаясь живительными соками почвы и повинуясь солнцу, пышно растетъ, осѣняя своей роскошной листвой лачуги, въ которыхъ ютятся изнуренные, полуголодные люди, но все великолѣпіе природы не въ силахъ внести чего либо оживляющаго въ ихъ темную, трудовую житейскую долю. И эти черныя тѣла, сверкающія на солнцѣ трудовымъ потомъ и бьющіеся за право существованія, кажутся здѣсь, на этомъ свѣтломъ фонѣ голубого моря, съ красными берегами, обрамленными яркой зеленью, какимъ-то гадкимъ пятномъ...

Вернувшись изъ гавани, я нанялъ извощика и поѣхалъ въ дачное мѣсто Маунтъ Лявинія (Mount Lavinia), расположенное въ 10 верстахъ къ югу.

Выѣхавши изъ города, мы поѣхали по великолѣпному шоссе, идущему вдоль берега и соединяющему Коломбо съ городомъ Пуэнтъ де Галь, служившимъ для захода океанскихъ судовъ до постройки мола въ Коломбо. Непосредственно за городомъ начались чудныя тропическія рощи, сопровождавшія дорогу и укрывавшія насъ отъ горячихъ лучей цейлонскаго солнца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по сторонамъ шоссе встрѣчаются хижины туземцевъ, утопающія въ густой зелени пальмъ, хлѣбныхъ деревьевъ и бамбуковыхъ зарослей. Бѣдность человѣка перемѣшана здѣсь съ богатствомъ природы и красота пейзажа много теряетъ отъ неопрятнаго вида этихъ жалкихъ, грязныхъ деревень, которыя, кажется, попали сюда по какому-то странному недоразумѣнію.

Маунтъ Лявинія—возвышенный мысъ на берегу моря, окруженный тропическимъ лѣсомъ. На вершинѣ мыса находится гостиница. Это—одно изъ любимыхъ прогулочныхъ мѣстъ для жителей Коломбо.

Видъ, открывающійся отсюда на море и сосѣднія мѣстности побережья, превосходитъ все, что можетъ нарисовать

себѣ самое смѣлое воображеніе. Синее море, лазурное небо, желтыя отмели, съ прибоемъ пѣнящихся волнъ и яркая зелень

19. Дорога изъ Коломбо въ „Mount Lavinia“.

прибрежныхъ лѣсовъ... все сочеталось здѣсь въ дивной гармоніи красокъ, оставляющей неизгладимое впечатлѣніе.

Уже поздно вечеромъ, подъ проливнымъ дождемъ, я вернулся въ Коломбо.

Ежедневные ливни съ грозой составляютъ на Цейлонѣ характерную особенность этого времени года. Большая часть дня проходитъ при безоблачномъ небѣ, но часамъ къ 4 пополудни небо покрывается облаками, которыя скоро собираются въ грозовыя тучи и часовъ въ 5—6 вечера начинается гроза съ ливнемъ. Кто не видалъ тропическихъ ливней, тотъ не въ состояніи представить себѣ той массы воды, которая низвергается ими съ неба въ самое короткое время. Въ низменныхъ частяхъ города я видѣлъ дождевые ручьи, въ которыхъ вода доходила человѣку до пояса и однажды, застигнутый такимъ проливнымъ дождемъ около вокзала, я долженъ былъ спасаться въ немъ отъ этихъ грозныхъ потоковъ.

На второй день своего пребыванія въ Коломбо, я посѣтилъ Кэнди. Нельзя быть на Цейлонѣ и не заѣхать въ Кэнди,

какъ нельзя, пріѣхавши въ Египетъ, не посмотрѣть пирамидъ или, будучи въ Индіи, не побывать въ Бенаресѣ. И впослѣдствіи, всякій, узнавши, что я былъ на Цейлонѣ, непременно спрашивалъ меня—а въ Кэнди были?

Кэнди—древняя столица когда-то существовавшей цейлонской монархіи; онъ расположенъ въ центрѣ острова, среди горныхъ возвышенностей, на высотѣ 1.700 ф. надъ ур. моря; въ настоящее время онъ служитъ дачнымъ мѣстомъ для европейцевъ и мѣстомъ поклоненія для буддистовъ, стекающихся сюда въ храмъ Малягава, въ которомъ хранится священный зубъ великаго Будды.

Отъ Коломбо до Кэнди—112 верстъ по желѣзной дорогѣ, но, несмотря на гористую мѣстность, поѣздъ пробѣгаетъ это разстояніе въ $4^1|_2$ часа.

Я выѣхалъ въ 7 часовъ утра и почти до самаго Кэнди наслаждался прохладой. Первыя 40—50 верстъ желѣзная дорога проходитъ по равнинѣ, лишь мѣстами покрытой небольшими холмами; все кругомъ покрыто ярко-зелеными полями риса, сахарнаго тростника и корицы, а также густыми пальмовыми рощами. Чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ чаще встрѣчаются рощи и мѣстами дѣвственный, перевитый ліанами, тропическій лѣсъ бѣжитъ по сторонамъ дороги.

Около станціи Амбенуса желѣзная дорога вступаетъ въ горы; холмы становятся все выше и выше и желѣзнодорожное полотно желтой извилистой лентой обѣгаетъ ихъ зеленые склоны; затѣмъ поѣздъ проносится по узкимъ карнизамъ надъ глубокими долинами и ныряетъ въ темные, прохладные тонели. Здѣсь растительность становится какъ будто еще роскошнѣе, а пейзажъ, съ его лѣсистыми возвышенностями, горными ручьями и деревушками, разбросанными на крутыхъ склонахъ, гораздо красивѣе. А вотъ и первый слонъ... Онъ стоитъ неподвижно, точно задумавшись, около рѣчки и только его длинный хоботъ, то скручиваясь, то выпрямляясь, обнаруживаетъ въ немъ жизнь... Наконецъ, онъ медленными, тяжелыми шагами спускается къ берегу; ему, вѣроятно, жарко, потому что, войдя въ рѣку, онъ ложится и погружается всѣмъ своимъ гигантскимъ туловищемъ въ прохладную воду.

Станція Кадуганава (въ 15 верстахъ отъ Кэнди) нахо-

дится на высшей, перевальной точкѣ, откуда уже дорога постепенно спускается. Въ 6 верстахъ отъ Кенди, около станціи Пэрадэнія, находится ботаническій садъ,—богатѣйшій въ мірѣ по роскоши флоры. Я не ботаникъ и не стану его описывать, но могу лишь засвидѣтельствовать, что онъ можетъ привести въ восхищеніе кого угодно.

Но вотъ и Кэнди. Небольшой городишко, расположенный въ живописной лощинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсистыми возвышенностями, раскинулся вокругъ краснваго озера, придающаго мѣстности прелестный характеръ. За вокзаломъ ко мнѣ пристаетъ какой-то туземецъ и предлагаетъ провести меня въ храмъ Малягава. Я соглашаюсь.

Этотъ храмъ—единственное, что сохранилось въ Кэнди отъ его древностей. Съ внѣшней стороны онъ не представляетъ собой ничего замѣчательнаго, но въ своихъ нѣдрахъ скрываетъ величайшую святыню буддистовъ—Даляда—зубъ Будды, хранящійся въ глубинѣ внутренняго двора, въ особомъ святилищѣ; онъ лежитъ на цвѣткѣ лотоса и прикрытъ шестью серебряными колпаками. Священный зубъ привлекаетъ ежегодно тысячи паломниковъ, собирающихся сюда съ Цейлона, изъ Бирмы, Сіама и даже далекаго Тибета.

Европейцы утверждаютъ, что это—зубъ крокодила, а не Будды, но входя въ этотъ храмъ, не будемъ вносить съ собой невѣрія къ его святынямъ.

Храмъ Малягава мраченъ, какъ и всѣ будійскіе храмы. Стѣны какъ внутри, такъ и снаружи покрыты изображеніями Будды и всевозможными картинами; однѣ изъ нихъ служатъ иллюстраціями къ различнымъ нравственнымъ положеніямъ, другія представляютъ земную жизнь человѣка въ различные ея моменты, третьи—картинно изображаютъ все то, что ожидаетъ человѣка въ загробной жизни. Все это нарисовано очень грубо, несоразмѣрно, яркими красками и все это, въ общей массѣ, производитъ какое-то странное, но неотразимое впечатлѣніе...

Проводникъ весьма добросовѣстно водилъ меня по всѣмъ угламъ и закоулкамъ храма, по его дворамъ, часовнямъ и подваламъ; онъ показалъ мнѣ какія-то древнія книги, листы которыхъ состояли изъ коры и листьевъ тропическихъ деревьевъ и сохранили на себѣ непонятныя для меня письмена,

и носилки подъ балдахиномъ, въ которыхъ разъ въ году носятъ главнаго *теронанзе* (будійскаго священника), но старательнѣе всего онъ побуждалъ меня класть мелкія деньги на многочисленныя тарелки и чашки, которыя поминутно протягивались комнѣ со всѣхъ сторонъ прислужниками храма.

Къ вечеру я вернулся въ Коломбо. Несмотря на обычный дождь, лившій въ этотъ день съ особенной силой, вечеръ былъ душный; я не могъ высидѣть въ своей комнатѣ и послѣ обѣда вышелъ погулять на взморье.

Тучи уже давно разбѣжались во всѣ стороны и съ темнаго неба кротко сіяла луна, бросая мягкій серебристый отблескъ на зыбкую поверхность моря. Я вышелъ на набережную у англійскихъ казармъ и сѣлъ на скамейку. Было уже поздно. Городъ уже засыпалъ, а въ гавани все давно утихло... Кругомъ ни души... Но вотъ прошли два англійскихъ солдата, возвращаясь изъ города въ казармы; ихъ согласные шаги гулко отдаются въ тихомъ вечернемъ воздухѣ... И опять тихо... Только попрежнему глухо ворчитъ прибой морской волны, набѣгающей на берегъ.

Я люблю смотрѣть, какъ на поверхности моря образуется водяной валъ, растетъ все выше и выше, переливается, покрываясь бѣлой пѣной и затѣмъ съ шумомъ разливается по песчаному берегу, обдавая серебристыми брызгами прибрежные камни... А за нимъ другой, третій... десятый... и такъ безъ конца...

На слѣдующій день, утромъ. я узналъ въ конторѣ гостиницы, что послѣ полудня изъ Коломбо уходитъ въ Тутикоринъ (къ южному берегу Индіи) большой пароходъ Katoria. Манарскій проливъ, раздѣляющій островъ Цейлонъ отъ материка, славится своими бурными водами, плаваніе по которымъ на маленькихъ пароходахъ, говорятъ, весьма непріятно, а потому я рѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и выѣхать сегодня же.

Въ 4 часа пополудни узкая, длинная сингалезская лодка уже перевозила меня съ моимъ багажемъ къ колыхавшемуся на волнахъ пароходу, на которомъ мнѣ пришлось совершить свой послѣдній морской переѣздъ.

Уже смеркалось, когда мы снялись съ якоря и покинули гавань.

V. По южной Индіи.

Вотъ, наконецъ, и Индія!... Индія раджей, древнихъ буддійскихъ храмовъ, браминскихъ пагодъ... Страна мистицизма, страна чудесъ, страна величайшихъ контрастовъ. Вотъ она необъятная и безконечно разнообразная, вотъ она знойная, пахучая и таинственная...

Здѣсь, въ тѣни широколиственныхъ пальмъ и банановъ, въ душномъ воздухѣ, напоенномъ тяжелыми ароматами тропиковъ, зародились древнѣйшія религіи востока; здѣсь религіозный натурализмъ, вдохновляемый роскошью и величественными явленіями природы, создалъ пантеонъ боговъ, безпримѣрный въ исторіи человѣчества по обилію формъ и величію замысла; здѣсь жилъ и проповѣдывалъ великій Сакья-Муни *), возвышенное ученіе котораго разлилось отсюда во всѣ стороны могучими потоками, къ которымъ до сихъ поръ прибѣгаетъ утолять духовную жажду треть человѣчества; на этихъ необозримыхъ равнинахъ зарождались культуры, развивались, процвѣтали и увядали, народы, различные по происхожденію и религіи, приходили здѣсь въ столкновеніе, боролись и перемѣшивались, а изъ этого хаоса по временамъ возставали имперіи, сильныя, побѣдоносныя и лучезарныя, но затѣмъ, подъ роковыми ударами историческихъ судебъ, распадались.. Такъ на морскомъ берегу среди мятежныхъ волнъ растетъ и крѣпнетъ грозный, пѣнистый валъ, но, ударяясь о прибрежныя скалы, разбивается въ мелкія брызги...

Такъ думалъ я, сидя въ Тутикоринѣ на верандѣ маленькаго вокзала въ ожиданіи поѣзда, который долженъ былъ доставить меня въ Мадрасъ.

---

*) Основатель буддизма.

Впереди меня раскинулась до горизонта желтая, знойная равнина, покрытая небольшими группами пальмъ и темными пятнами туземныхъ селеній и по ней вилась, убѣгая въ мглистую даль, сѣроватая лента желѣзнодорожнаго полотна, увлекая за собой мою мысль въ глубину этихъ таинственныхъ, чудныхъ странъ. Сзади плескалось море съ сѣдыми гребнями волнъ и легкій вѣтеръ доносилъ съ берега глухой шумъ морского прибоя.

Тутикоринъ—небольшой туземный городъ, населенный тамилями, принадлежащими къ группѣ дравидскихъ племенъ южной Индіи. Окрестности города издавна славятся ловлей жемчуга.

Я побродилъ по узкимъ, довольно грязнымъ и шумнымъ улицамъ городка, по сторонамъ которыхъ камышевые навѣсы укрываютъ отъ солнца сотни лавчекъ, торгующихъ всякой дрянью и голое, черное населеніе, постоянно живущее среди нихъ.

Здѣсь европейцевъ совершенно не видно. Вы не увидите ихъ и на вокзалѣ. Все—туземцы, туземцы и туземцы... Начальникъ станціи—туземецъ, каспръ—туземецъ, кондукторъ туземецъ... И такъ будетъ и далѣе. И нигдѣ не видно той могучей европейской руки, которая искусно управляетъ этой своеобразной страной.

Въ 2 часа пополудни подаютъ поѣздъ, составленный изъ коричневыхъ, неопрятныхъ вагоновъ. Покупаю билетъ и собираюсь сдать въ багажъ свой огромный чемоданъ, но носильщикъ-тамиль объясняетъ мнѣ, что это—совершенно лишнее. „Возьмите его въ вагонъ. Въ это время года ѣздятъ очень мало и вагоны пустуютъ.“ Я соглашаюсь и устраиваюсь на длинныхъ кожаныхъ скамьяхъ вагона, раздѣленнаго поперечной стѣнкой на два отдѣленія.

Передъ отъѣздомъ, прогулявшись по улицамъ Тутикорина, я возымѣлъ желаніе позавтракать, но, увы, это оказалось совсѣмъ не такъ просто, какъ на вокзалахъ нашего отечества. Станціонные буфеты дѣйствуютъ здѣсь только въ опредѣленное время, да и то по предварительному заказу.

Что-жъ дѣлать! Въ странѣ необыкновеннаго—все необыкновенно. Подзываю къ себѣ разнощика-туземца съ огромной корзиной бананов, выбираю нѣсколько вѣтокъ, обвѣшан-

ныхъ матово-золотистыми, пахучими плодами и утоляю свой голодъ. Носильщикъ-тамиль смотритъ на меня, добродушно улыбаясь и оскаливая свои мелкіе, бѣлые зубы, и спрашиваетъ меня на ломаномъ англійскомъ языкѣ—растутъ ли бананы въ той странѣ, изъ которой я пріѣхалъ? Нѣтъ, не растутъ! Онъ качаетъ головой съ видомъ нѣкотораго сожалѣнія и мнѣ, кажется, что ему трудно представить себѣ, чтобы была страна, въ которой нѣтъ этихъ нѣжно-желтыхъ, вкусныхъ бананова.

Шипитъ паровозъ. На платформу выходитъ начальникъ станціи въ бѣлыхъ, короткихъ брюкахъ, легкомъ жилетѣ, съ непокрытой головой, обросшей густыми, черными, щетинистыми волосами и въ кожаныхъ туфляхъ на босую ногу. Раздается свистокъ и мы покидаемъ вокзалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и берегъ моря, тихо колыхающагося въ отдаленіи.

Переѣздъ отъ Тутикорина до Мадраса сохранился въ моей памяти, какъ одинъ изъ болѣе пріятныхъ за все время моихъ странствованій по Индіи, потому что въ вагонѣ было совершенно свободно, а жара не доходила еще до предѣловъ невыносимаго. Судя по-европейски, было, пожалуй, изрядно жарко, а по-индійски—только тепло. Но, глядя на досчатые щиты, спускавшіеся надъ окнами вагоновъ и на закопченыя стекла послѣднихъ, я думалъ, что, вѣдь, для чего-нибудь да существуютъ эти приспособленія! Неужели-же будетъ еще жарче?

Поѣздъ мчался среди тучныхъ полей пшеницы, риса и сахарнаго тростника; группы пальмъ, рощи, мѣстами лѣса врывались въ эти необозримыя воздѣланныя равнины и разбивали ихъ на разнообразные по величинѣ и фигурѣ участки; кое-гдѣ оросительныя канавы. Повсюду обиліе хорошихъ грунтовыхъ дорогъ и великолѣпные мосты. Вдоль полотна, по обѣ стороны рельсъ, тянется живой заборъ изъ тропическихъ кустарниковъ.

Сначала виднѣлись слѣва возвышенности Траванкора, но далѣе пошла уже равнина до горизонта, и только широкія, мелкія долины рѣкъ, бѣгущихъ къ востоку въ море, разнообразятъ поверхность.

—Мадура! Станція Мадура! кричитъ черномазый кондукторъ, поочередно открывая двери вагоновъ.

Я покидаю поѣздъ и остаюсь на нѣсколько часовъ въ этомъ древнемъ, историческомъ городѣ южной Индіи.

Устроившись на вокзалѣ (здѣсь имѣются особыя помѣщенія для туристовъ, останавливающихся на короткое время), я отправляюсь, пока еще не стемнѣло, осмотрѣть достопримѣчательности Мадуры—дворецъ пандіанскихъ королей и индусскую пагоду.

Мадура знала когда-то лучшія времена и играла видную роль въ судьбахъ южнаго Индостана. Впослѣдствіи, волею судебъ, она превратилась изъ столицы древняго пандіанскаго государства. въ захолустный городъ мадрасскаго президентства. Но Индія—страна, въ которой ничего не пропадаетъ безслѣдно и гдѣ воспоминанія о прошломъ сохраняются поразительно долго въ безчисленныхъ памятникахъ, пользующихся необыкновеннымъ почитаніемъ со стороны населенія.

Дворецъ пандіанскихъ королей расположенъ въ двухъ верстахъ отъ вокзала: онъ построенъ въ первой половинѣ XVII столѣтія Тирумалой-Наякомъ—наиболѣе знаменитымъ изъ мадурскихъ правителей. Къ сожалѣнію, дворецъ уже нѣсколько разъ реставрировался и въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ утратилъ свой первоначальный характеръ. Онъ построенъ изъ гранита, изобилуетъ красивыми колонами, портиками, величественными коридорами, монументальными лѣстницами, обширными залами; кое-гдѣ сохранились древнія тамильскія надписи, живопись на стѣнахъ, старая позолота...

Вотъ тронный залъ пандіанскихъ королей, поражающій необыкновенной высотой своихъ старыхъ, могучихъ сводовъ; вотъ спальня короля Тирумала; въ потолкѣ видны пять отверстій, изъ коихъ четыре небольшихъ расположены симетрично относительно центра, по двѣ съ каждой стороны, а пятое большое съ южной стороны между двумя небольшими. Тамиль-проводникъ, высокій, худой старикъ съ темно-бронзовымъ тѣломъ, едва прикрытымъ легкой одеждой, глухимъ голосомъ разсказываетъ мнѣ о быломъ величіи Мадуры, о прошлыхъ дняхъ этого дворца, видавшаго великолѣпіе и сказочныя богатства королей Пандіана. Въ спальнѣ Тирумала онъ обращаетъ мое вниманіе на отверстія въ

потолокъ и разсказываетъ мнѣ о нихъ слѣдующую легенду. Къ четыремъ крюкамъ, вбитымъ въ потолокъ этой комнаты, была подвѣшена на цѣпяхъ кровать короля; однажды воръ, проломавши потолокъ, спустился по одной изъ цѣпей въ спальню и похитилъ отсюда всѣ хранившіяся здѣсь драгоцѣнности Тирумала. Король, жалавшій во что-бы то ни стало вернуть украденныя вещи, обѣщалъ подарить укравшему ихъ большой кусокъ земли въ потомственное владѣніе, если онъ доставитъ вещи обратно. Воръ вернулъ драгоцѣнности и Тирумалъ сдержалъ обѣщаніе: ему было подарено большое имѣніе, но послѣ этого дара онъ былъ обезглавленъ.

Старое жилище блестящихъ правителей южной Индіи въ настоящее время занято правительственными учрежденіями; раджей смѣнили англійскіе чиновники. Жестокая иронія судьбы!

Рядомъ съ троннымъ заломъ, гдѣ подъ высокими сводами мелькаютъ тѣни пандіанскихъ раджей, принимавшихъ здѣсь пословъ отъ могущественныхъ государей востока, находится канцелярія сборщика податей; недалеко отъ спальни Тирумала—камера мирового судьи, и такъ далѣе, и такъ далѣе...

Величественная тишина дворцовыхъ залъ смѣнилась суетливымъ шумомъ канцелярій, запахъ старины, вѣющій отъ старинной мебели, сводовъ и стѣнъ, покрытыхъ живописью прошлыхъ вѣковъ, заглушается нынѣ запахомъ сургуча и чернилъ. А тамъ, гдѣ въ былое время выступали гладіаторы, чтобы вступить въ смертный бой съ кровожадными обитателями индійскихъ лѣсовъ, тамъ въ настоящее время мирно живетъ съ семействомъ англійскій чиновникъ...

Однако день уже клонится къ вечеру; поспѣшимъ дальше, чтобы успѣть побывать въ мадурскомъ храмѣ.

Мадурскій храмъ посвященъ божеству Шивѣ, культъ котораго распространенъ повсемѣстно въ южной Индіи; онъ представляетъ собой одинъ изъ наиболѣе характерныхъ памятниковъ дравидской архитектуры и считается самымъ большимъ индусскимъ храмомъ Индіи. Онъ имѣетъ форму обширнаго четырехъугольника, окруженнаго стѣнами и девятью гопурами или воротами огромной высоты, украшенными рѣзьбой и лѣпными изображеніями. Внутри храма

поставлены два алтаря въ честь Шивы и его супруги Минакши. Каждый алтарь сдѣланъ въ видѣ башенки, имѣющей видъ пчелинаго улья и покрытъ красивымъ камнемъ, на которомъ вырѣзаны изображенія, иллюстрирующія сцены изъ индусской миѳологіи. Алтари окружены небольшимъ садомъ, въ которомъ находится «прудъ золотого лотоса» и «залъ тысячи колоннъ» съ великолѣпной рѣзьбой на камнѣ.

Рядомъ съ храмомъ стоитъ другое замѣчательное сооруженіе, характеризующее религіозныя вѣрованія индусовъ. Въ Индіи боги, несмотря на свое могущество и величіе, охотно вступаютъ въ самыя простыя сношенія со смертными. И грозный Шива, богъ-разрушитель, глава злыхъ духовъ, вѣдьмъ и вампировъ, богъ бѣшенаго безумія, изъявилъ свое согласіе навѣщать короля Тирумала, если онъ приготовитъ для его пріема соотвѣтствующее его сану и могуществу помѣщеніе. И такое помѣщеніе было приготовлено и стоитъ до сихъ поръ, посѣщаемое незримымъ духомъ грознаго бога. Оно состоитъ изъ обширнаго, высокаго зала наполненнаго рядами чудныхъ каменныхъ колоннъ, покрытыхъ дивной художественной рѣзьбой. Особенно хороша рѣзьба на лицевой сторонѣ этой постройки, гдѣ она изображаетъ оригинальныя групы воиновъ, лошадей, слоновъ, львовъ и тигровъ; въ одномъ мѣстѣ—борьба, въ другомъ—преслѣдованіе, въ третьемъ—избіеніе...

Мадурскій храмъ является однимъ изъ самыхъ почитаемыхъ въ южной Индіи религіозныхъ памятниковъ и привлекаетъ къ себѣ множество паломниковъ. Обширныя помѣщенія храма,—коридоры, дворы, залы, все переполнено духовенствомъ, молящимися, нищими, торговцами всевозможныхъ священныхъ предметовъ... Религіозное одушевленіе паритъ надъ этими древними святынями индуизма и можетъ быть нигдѣ въ Индіи, кромѣ Бенареса и Мутры, не чуствуется такъ сильно могущество религіознаго культа Индіи.

Къ вечеру благочестивая жизнь мадурскаго храма утихаетъ и его высокіе, грузные гопуры быстро погружаются въ мракъ, опускающійся на знойную землю.

Я оставилъ храмъ уже въ сумеркахъ и вернулся на вокзалъ въ сопровожденіи старика-тамиля, водившаго меня по Мадурѣ. Въ темнотѣ наступившаго вечера его худая,

угловатая фигура напоминала мнѣ нѣкоторыя изъ только что осмотрѣнныхъ мною миѳологическихъ изображеній. Въ своей неуклюжей чалмѣ, съ длинной бородой, высокій, сгорбленный, на длинныхъ, костлявыхъ и кривыхъ ногахъ онъ казался мнѣ какимъ-то привидѣніемъ, выведеннымъ мною изъ храма.

Придя на вокзалъ, я поужиналъ и легъ рано спать, чтобы выспатся до утренняго поѣзда.

Проходя изъ столовой въ свое помѣщеніе, я увидѣлъ моего проводника, оставшагося ночевать на платформѣ; онъ сидѣлъ, прислонившись сгорбленной спиной къ теплой, еще неостывшей стѣнѣ, согнувши передъ собой свои худыя, черныя ноги и охвативши ихъ руками ниже колѣнъ.

Блѣдный серпъ луны бросалъ слабый свѣтъ на засыпавшую землю и освѣщалъ неподвижную фигуру старика, пристально глядѣвшаго куда-то въ темную даль; и мнѣ казалось, что его взоръ былъ направленъ туда, гдѣ на небѣ, озаренномъ таинственнымъ и блѣднымъ сіяніемъ мѣсяца, неясно выдѣлялись величественныя гопуры мадурскаго храма.

На слѣдующій день утромъ я продолжалъ свой путь къ Мадрасу. Характеръ мѣстности оставался прежній. Около полудня мы пересѣкли широкую долину р. Калерунъ по великолѣпному мосту изъ 40 пролетовъ и затѣмъ нѣкоторое время ѣхали вдоль морского берега: море видно только мѣстами, но прохладный, влажный вѣтеръ обнаруживалъ его близкое сосѣдство и приносилъ съ собой въ душный вагонъ крѣпкіе ароматы моря.

На вокзалахъ встрѣчалось населеніе—голое, темно-бронзовое, худое. Туземцы и туземки украшаютъ себя всевозможными браслетами, серьгами и кольцами, которые носятся въ ноздряхъ, ушахъ, на рукахъ и ногахъ.

Поѣздъ все мчится и мчится, дѣлая лишь минутныя остановки. Мелькаютъ селенія, поля, лѣса... Путевые сторожа выбѣгаютъ изъ своихъ маленькихъ будокъ, скрывающихся въ тѣни пальмъ и кактусовъ и ихъ темныя, лоснящіяся на солнцѣ, фигуры стоятъ на откосахъ желѣзнодорожнаго полотна, поднявши горизонтально правыя руки, въ знакъ благополучія.

Около Мадраса растительность становится болѣе разнообразной, кое-гдѣ встрѣчаются одинокія возвышенности, населеніе дѣлается гуще.

Въ шесть часовъ вечера я пріѣзжаю въ Мадрасъ, а черезъ полчаса уже занимаю большую, свѣтлую комнату въ бирмингамской гостинницѣ.

Условія жизни въ гостиницахъ Индіи одинаковы повсемѣстно, а потому я скажу о нихъ теперь-же нѣсколько словъ, чтобы уже болѣе не возвращаться къ этому.

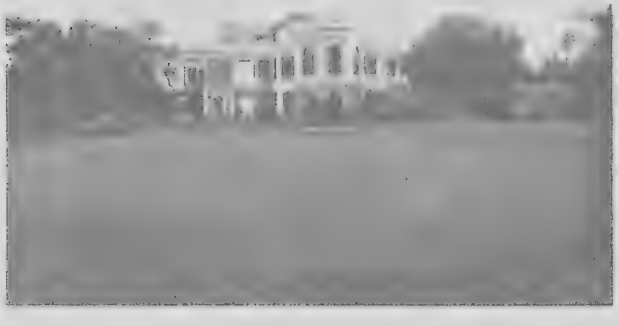
Гостиницы содержатся почти исключительно англичанами (рѣдко французами) и обставлены совершенно по-европейски. Стоимость помѣщеній колеблется далеко не въ такихъ предѣлахъ, какъ въ гостиницахъ Европы, а именно лишь отъ 5 до 8—9 рупій (отъ 3 до 5—6 рублей) въ сутки съ полнымъ пансіономъ. Помѣщенія во многихъ мѣстахъ состоятъ изъ двухъ или трехъ комнатъ; ванна является ихъ обязательной принадлежностью. Кромѣ этого, существуютъ для общаго пользованія: столовая, гостиная, читальня и проч. Предовольствіе отпускается за общимъ столомъ, за исключеніемъ утренняго и вечерняго чая, который подается каждому въ номеръ. Ѣда распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ 7—8 часовъ утра—чай, въ 11—12—первый завтракъ, состоящій преимущественно изъ холодныхъ блюдъ, въ 2—3 часа дня—второй завтракъ съ горячими кушаньями, въ 5 часовъ вечера—чай и въ 8—9—обѣдъ. Ѣдятъ здѣсь понемногу, часто и больше растительное, чѣмъ мясное. Вобще-же говоря, жизнь въ гостиницахъ Индіи слѣдуетъ признать очень дешевой.

Оригинальной особенностью этихъ гостиницъ составляетъ отсутствіе прислуги для частныхъ надобностей лицъ, живущихъ въ нихъ, что вынуждаетъ туриста имѣть свою собственную прислугу. Въ каждомъ отелѣ, конечно, имѣется извѣстное количество слугъ, но они исполняютъ общія по гостиницѣ работы, какъ-то: убираютъ помѣщенія, наблюдаютъ за освѣщеніемъ, работаютъ на кухнѣ и т. п., но не служатъ для личныхъ услугъ пріѣзжающихъ. Нѣкоторые туристы нанимаютъ прислугу на продолжительное время и возятъ ее съ собой, но это обходится довольно дорого; дешевле нанимать людей каждый разъ на мѣстѣ, въ чемъ никогда

не встрѣтится затрудненій, потому что около любой гостиницы въ Индіи всегда ютится достаточное число туземцевъ, ищущихъ заработка.

Цѣны на прислугу стоятъ здѣсь очень низкія и за полъ рупіи (30—40 коп.) въ сутки можно имѣть взрослаго туземца на его собственномъ продовольствіи; на ночь прислуга иногда уходитъ домой, а иногда живетъ на верандахъ гостиницъ.

Большинство гостиницъ въ Индіи представляютъ собой одноэтажные каменные особняки, окруженные со всѣхъ сторонъ широкими верандами, садами и цвѣтниками. Только въ такихъ большихъ городахъ, какъ Бомбей, Калькута и Мадрасъ онѣ занимаютъ двухъ и трехъэтажные дома и стоятъ рядомъ съ другими домами. Всѣ помѣщенія гостиницъ расположены такимъ образомъ, что изъ каждаго имѣется особый выходъ на веранду, которая является непремѣнной принадлежностью жилыхъ построекъ въ Индіи и безусловно необходима въ ея знойномъ климатѣ.



20. Бирмингамская гостиница въ Мадрасѣ.

Бирмингамская гостиница въ Мадрасѣ расположена очень красиво и удобно: въ сторонѣ отъ улицы, въ глубинѣ обширнаго, травянистаго плаца, среди деревьевъ сада.

Мадрасъ—главный городъ обширнаго Мадрасскаго презп-

дентства—по количеству населенія и своимъ размѣрамъ занимаетъ третье мѣсто въ Индіи, уступая въ этомъ отношеніи только Калькутѣ и Бомбею. Это—городъ, неимѣющій въ себѣ ничего оригинальнаго, городъ, такъ сказать, безъ физіономіи, что представляется большой рѣдкостью въ такой странѣ, какова Индія.

Несмотря на то, что онъ игралъ выдающуюся роль въ судьбахъ южной Индіи, особенно въ эпоху англо-французской борьбы за преобладаніе, въ немъ не имѣется рѣшительно ни одного памятника, заслуживающаго вниманія. И даже, разсматриваемый съ точки зрѣнія современности, онъ, какъ индійскій городъ, не представляетъ никакого интереса.

Мадрасъ, подобно большинству городовъ Индіи, распадается на европейскій или англійскій и туземный или черный городъ. Европейскій, впрочемъ, очень мало похожъ собственно на городъ; представьте себѣ рядъ длинныхъ необыкновенно широкихъ, немощеныхъ, но шосированныхъ, густо обсаженныхъ великолѣпными деревьями улицъ, по сторонамъ которыхъ то здѣсь, то тамъ стоятъ каменные особняки и часто даже не вдоль улицы, а гдѣ нибудь въ глубинѣ обширнаго, тѣнистаго сада.

21. Улица въ г. Мадрасѣ.

Ближе къ туземному городу начинаются дѣловые, комерческіе кварталы; много торговыхъ заведеній, банковъ и конторъ находится и въ туземномъ городѣ. Послѣдній, называемый англичанами чернымъ городомъ, въ сущности, совершенно не заслуживаетъ этого названія и гораздо чище и благоустроеннѣе, чѣмъ можно было-бы подумать. Вотъ, между прочимъ, это и есть одна изъ характерныхъ особенностей Мадраса, отличающая его отъ другихъ большихъ городовъ Индіи и лишающая его свойственной имъ оригинальности. Въ туземномъ Мадрасѣ какъ то мало своеобразнаго, индійскаго и онъ совершенно не производитъ на туриста того сильнаго, неизгладимаго, даже тяжелаго, подавляющаго впечатлѣнія, которое оставляютъ въ немъ туземные кварталы Бомбея, Калькуты, Лагора, Дели и другихъ городовъ Индіи.

Въ англійскомъ городѣ встрѣчаются кое-гдѣ великолѣпныя постройки, которыя сдѣлали бы честь любому городу въ Европѣ и большинство таковыхъ расположено въ приморской части, гдѣ имѣется также хорошая набережная, служащая мѣстомъ вечернихъ гуляній для англичанъ.

На берегу моря находится древній фортъ св. Георгія, игравшій когда-то значительную роль въ исторіи Мадрасскаго президентства, но въ настоящее время уже утративший свое военное значеніе.

Море у береговъ Мадраса мелкое, бурное и нигдѣ непредставляетъ условій, удобныхъ для устройства гавани. Это обстоятельство служитъ причиной того, что, несмотря на свое многочисленное населеніе и приморское положеніе, Мадрасъ никогда не имѣлъ большого значенія въ торговлѣ Индіи.

Вообще же, это—городъ обыденный, сѣрый, безъ ярко выраженной физіономіи; древность безъ памятниковъ, исторія безъ славы и преданій, современность безъ національной окраски... Кажется, будто бы Индія потеряла здѣсь всѣ свои особенности, придающія ей въ другихъ мѣстахъ такъ много прелести и обаянія.

Несмотря на малый интересъ, представляемый для туриста Мадрасомъ, я пробылъ въ немъ цѣлую недѣлю, что вызывалось единственно желаніемъ ознакомиться съ рас-

положенными здѣсь англо-индійскими войсками, въ штабъ которыхъ у меня имѣлись рекомендаціи. О посѣщеніи мною войскъ и вообще о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ наблюденій надъ англо-индійской арміей, я говорить въ этихъ очеркахъ не буду, потому что все это подробно изложено въ особомъ трудѣ, спеціально посвященномъ военнымъ вопросамъ *).

Въ промежуткахъ между посѣщеніями войсковыхъ частей и визитами къ начальствующимъ лицамъ, я совершалъ прогулки по городу и велъ бесѣды съ туземцами, служившими при гостиницѣ. Моимъ постояннымъ спутникомъ въ прогулкахъ по городу былъ мой слуга, индусъ-христіанинъ Самъ, посившій за мной мой фотографическій апаратъ и служившій мнѣ до нѣкоторой степени гидомъ. Онъ почему-то чрезвычайно гордился своимъ христіанствомъ, постоянно показывалъ свой натѣльный металическій крестикъ и, повидимому, относился съ большимъ презрѣніемъ къ кастовой организаціи индусскаго народа, потому что очень часто говорилъ мнѣ съ весьма самодовольнымъ видомъ, что не принадлежитъ ни къ какой кастѣ.

Христіанская, частью католическая, а частью протестантская, пропаганда покрыла Индію довольно густой сѣтью мисіонерскихъ станцій, особенно многочисленныхъ на югѣ. Результатомъ проповѣднической дѣятельности мисіонеровъ являются два миліона туземцевъ-христіанъ,—число само по себѣ ничтожное по сравненію съ общимъ количествомъ населенія Индіи, но еще умаляемое сомнительной искренностью новообращенныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что принятіе христіанства является для туземца, въ большинствѣ случаевъ, лишь болѣе или менѣе выгодной аферой, нисколько не отражающейся на его религіозномъ міросозерцаніи. Крещеный индусъ остается, въ сущности, попрежнему язычникомъ.

Мой мадрасскій слуга, нанимаясь ко мнѣ, первымъ-же дѣломъ заявилъ, что онъ христіанинъ, какъ будто-бы для туриста не все равно—кто будетъ чистить ему сапоги: христіанинъ, индусъ или мусульманинъ! Здѣсь, въ сношеніяхъ

*) См. „Военные очерки Индіи“, изд. 2-е, 1901 г.

съ европейцами, христіанство служитъ нѣкотораго рода рекламой.

Управляющимъ въ Бирмингамской гостиницѣ былъ пожилой, солиднаго вида индусъ, съ которымъ я любилъ вести на досугѣ разговоры, касающіеся, преимущественно, Россіи. Онъ хорошо говорилъ по-англійски и былъ въ туземномъ смыслѣ достаточно образованъ. Меня поражала въ немъ удивительная сдержанность въ разговорахъ о положеніи Индіи и объ англичанахъ, вслѣдствіе чего я никакъ не могъ уяснить себѣ его отношенія къ этимъ вопросамъ. Отвѣчая кратко, неопредѣленно, онъ всякій разъ переводилъ бесѣду на наше отечество и мнѣ казалось, что эта тема, дѣйствительно, занимала его.

Изъ его разсказовъ я убѣдился, до какой степени извращены, и, можетъ быть, даже умышленно, свѣдѣнія, распространяемыя о Россіи въ народныхъ массахъ Индіи. Проводниками этихъ ложныхъ свѣдѣній служатъ исключительно англо-туземныя школы, гдѣ съ малыхъ лѣтъ подростающему поколѣнію туземцевъ внѣдряютъ о нашей странѣ представленія, не соотвѣтствующія дѣйствительности.

— Развѣ вы знаете что-нибудь о моемъ отечествѣ?— спросилъ я однажды управляющаго, что-то упомянувшаго о Россіи.

— А какъ-же! И даже много. Насъ учатъ въ школахъ.

— Какъ теперь помню,—продолжалъ онъ,—географическую карту Россіи, висѣвшую у насъ въ школѣ на стѣнѣ. Но, Боже мой, что это за пустыня! Учитель часто говорилъ намъ, что ваша страна покрыта на сѣверѣ болотами и лѣсами, на югѣ—песками и что вашъ народъ постоянно страдаетъ отъ недостатка земли и голодаетъ. Поэтому-то, говорятъ, русскіе и стремятся такъ сильно къ югу, куда ихъ привлекаютъ богатства природы. Сознайтесь, вамъ-бы хотѣлось проникнуть въ плодородныя равнины Пенджаба?

И мой собесѣдникъ недовѣрчиво качалъ головой, когда я старался убѣдить его, что и у насъ есть хорошія земли и что Пенджабъ вовсе не представляется для насъ такимъ раемъ, какъ они думаютъ.

Мадрасъ славится своими фокусниками и укротителями змѣй. Возлѣ гостиницы чуть-ли не ежедневно можно

было видѣть этихъ черныхъ, голыхъ людей съ различными принадлежностями своего ремесла, предлагавшихъ туристамъ показать какой-нибудь фокусъ.

Чаще всего они показываютъ выращиваніе растенія изъ зерна, которое кладутъ въ горшокъ съ землей въ присутствіи зрителей. Когда зерно посажено въ землю, горшокъ накрываютъ платкомъ и спустя нѣсколько минутъ изъ земли показывается зеленый стебель; фокусникъ попеременно, то закрываетъ растеніе платкомъ, то открываетъ его, при чемъ оно весьма быстро растетъ, развѣтвляется и покрывается листьями. По окончаніи фокуса индусъ вынимаетъ растеніе изъ горшка, осыпаетъ съ него землю и вы видите совершенно свѣжіе корни, выходящіе изъ зерна и питающіе растеніе.

Весьма обыкновенны здѣсь фокусники съ скорпіонами. Они носятъ съ собой въ коробкахъ этихъ противныхъ животныхъ, достигающихъ размѣровъ крупнаго рѣчного рака и показываютъ съ ними различные фокусы. Но, конечно, интереснѣе всего представленія со змѣями. Для этого туземцы употребляютъ преимущественно самую опасную и ядовитую породу змѣй Индіи—очковую змѣю, называемую здѣсь коброй.

Вопреки распространенному мнѣнію, туземцы не вырываютъ у змѣй зубовъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ безвредными, а пріучаютъ ихъ къ себѣ различными способами и гипнотизируютъ ихъ. Несомнѣнно, что не всякій индусъ можетъ быть укротителемъ этихъ ужасныхъ гадовъ. Для этого необходима, вѣроятно, особая способность вліять на нихъ своимъ взглядомъ или музыкой. Послѣдняя производитъ вообще весьма сильное впечатлѣніе на змѣй и, можетъ быть, индусы-фокусники обладаютъ секретомъ того сочетанія звуковъ, которое, вліяя на животныхъ, дѣлаетъ ихъ покорными и безвредными.

Музыка такъ сильно дѣйствуетъ на змѣй и привлекаетъ ихъ, что индусы очень часто ловятъ ихъ при помощи особаго музыкальнаго инструмента (тумриль), похожаго на флейту. Музыкантъ садится гдѣ-либо въ полѣ или въ саду на землю и начинаетъ играть на тумрилѣ. Странная, заунывная музыка, состоящая изъ сочетанія рѣзкихъ

звуковъ съ мягкими переливами, продолжается иногда очень долго, но терпѣливый сапвалахъ (укротитель змѣй) играетъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ гдѣ-нибудь по близости около камня или куста черной головы кобры, съ любопытствомъ выглядывающей изъ-за своего закрытія. Тогда, быстро вскочивши на ноги, индусъ однимъ прыжкомъ бросается на гада и хватаетъ его за затылокъ. Змѣя бьется, судорожно извиваясь въ крѣпкихъ рукахъ туземца, но, въ концѣ-концовъ, побѣжденная утихаетъ и отправляется въ корзину сапвалаха.

Очень часто укротители змѣй имѣютъ при себѣ и показываютъ зрителямъ небольшой черный пористый камешекъ, который дѣйствуетъ будто бы магически на гадовъ и исцѣляетъ раны, причиненныя укушеніемъ змѣи. Но это—чистѣйшее шарлатанство и черный камешекъ употребляется лишь для того, чтобы придать болѣе таинственности и чудеснаго той обстановкѣ, при которой производятся ихъ фокусы.

Во всякомъ случаѣ успѣхи, достигаемые туземцами въ обращеніи со змѣями, объяснять-ли ихъ тѣмъ или инымъ образомъ, представляются весьма замѣчательными. А видъ голаго индуса съ темнобронзовымъ лоснящимся тѣломъ, покрытымъ и обвитымъ всевозможными ядовитыми змѣями, шипящими при одномъ приближеніи посторонняго человѣка, производитъ неотразимое впечатлѣніе.

Въ Мадрасѣ мнѣ пришлось впервые ознакомиться съ весьма странной денежной системой Индіи. Въ странѣ этой, составляющей нераздѣльную часть британской имперіи, англійское золото, выпускаемое лондонскимъ банкомъ, не употребляется въ денежномъ обращеніи и размѣнивается здѣсь при платежахъ съ нѣкоторой потерей для платящаго. Въ виду этого туристу, пріѣхавшему въ Индію, нужно стараться какъ можно скорѣе обмѣнять это золото въ какомъ-либо банкѣ на мѣстныя бумажныя деньги. Послѣднія же выпускаются въ Индіи тремя государственными банками: въ Мадрасѣ, Бомбеѣ и Калькуттѣ и имъ присвоено обращеніе по номинальной цѣнѣ лишь въ предѣлахъ той мѣстности, на которую распространяются финансовыя операціи того или другого банка; за этими же предѣлами онѣ при-

нимаются съ извѣстнымъ учетомъ. Такъ, напримѣръ, въ Мадрасѣ бумажныя деньги, выпущенныя бомбейскимъ или калькутскимъ банками, стоятъ дешевле, чѣмъ въ предѣлахъ бомбейскаго президентства и Бенгаліи и обратно. Разница достигаетъ иногда до двухъ рупій на сторупіевую бумажку. Въ захолустныхъ мѣстностяхъ этимъ обстоятельствомъ пользуются, чтобы сорвать съ туриста лишнюю рупію и часто отказываются принимать отъ него бумажки не своего банка, если онъ не согласится уплатить произвольно опредѣленную разницу.

При постоянныхъ переѣздахъ изъ одной части Индіи въ другую, эта путаница въ денежномъ обращеніи доставляетъ подчасъ нѣкоторыя непріятности *).

Во время своего пребыванія въ Мадрасѣ мнѣ пришлось посѣтить мадрасскій банкъ, находящійся въ туземномъ городѣ. Представьте себѣ огромное, мрачное помѣщеніе, напоминающее своими размѣрами, высотой потолковъ и простотой обстановки манежъ и наполненное сотнями туземныхъ чиновниковъ, полуголыхъ, босыхъ, сидящихъ тѣсными рядами за загрязненными столами и конторками. Куда ни глянешь—вездѣ чалмы, вездѣ бѣлыя индускія одежды... Надъ этимъ моремъ чалмъ мѣрно качаются десятки панокъ, приводящихъ въ движеніе душный воздухъ, наполненный разными запахами.

Васъ поражаетъ полное отсутствіе европейцевъ: вы обращаетесь съ своимъ заявленіемъ къ одному туземцу, отдаете свои деньги другому, взамѣнъ таковыхъ получаете другія отъ третьяго... и т. д. и т. д. Англичане здѣсь есть, это несомнѣнно, и вся эта огромная машина заведена и управляется ими, но ихъ здѣсь очень немного, 5—6 человѣкъ, не болѣе... Они сидятъ въ отдѣльныхъ комфортабельныхъ кабинетахъ, откуда и повелѣваютъ съ видомъ не менѣе величественнымъ, чѣмъ индійскіе магараджи. Въ этомъ заключается одна изъ характерныхъ особенностей англійскаго управленія Индіей: наверху нѣсколько англичанъ съ солидными окладами, огромными полномочіями и королевскимъ ве-

*) Въ настоящее время въ Индіи официально введена золотая валюта, но, конечно, пройдетъ еще много времени пока новая денежная система смѣнитъ старую.

личіемъ, а подъ ними многочисленная толпа чернаго, худого и безправнаго туземнаго чиновничества, отдающаго свой трудъ за гроши. Мы, управляя необъятными областями въ Азіи, посылаемъ туда на самыя низшія должности людей изъ Россіи; англичане считаютъ такую систему неосуществимой для Индіи, потому что она обошлась бы весьма дорого государству при общеизвѣстной требовательности къ удобствамъ жизни и большой культурности населенія Англіи. Правда, наша система надежнѣе, но англійская дешевле; одно стоитъ другого.

Городское сообщеніе Мадраса поддерживается исключительно электрическими трамваями, число которыхъ, впрочемъ, далеко не удовлетворяетъ потребностямъ населенія. Странной особенностью этого города является отсутствіе извощиковъ. Собственно говоря, въ городѣ имѣется нѣсколько десятковъ извощичьихъ экипажей (одноконныхъ каретъ), но таковые или собираются на вокзалахъ ко времени прибытія поѣздовъ, или стоятъ во дворахъ гостиницъ, клубовъ и разныхъ другихъ общественныхъ мѣстъ и нанимаются на время не менѣе полусутокъ.

4-го марта, покончивши всѣ свои дѣла въ Мадрасѣ, ознакомившись съ мѣстными войсками и успѣвши даже возбудить подозрѣніе въ англійской полиціи (управляющій гостиницей по секрету сообщилъ мнѣ, что къ нему приходилъ полицейскій собирать обо мнѣ справки), я покинулъ Мадрасъ.

Недавно я говорилъ о маломъ количествѣ прислуги въ индійскихъ гостинницахъ, но, уѣзжая изъ бирмингамскаго отеля, я убѣдился, что она очень быстро возрастаетъ въ числѣ ко времени отъѣзда туриста. Несмотря на то, что ежедневно съ утра до вечера мнѣ прислуживалъ мой наемный слуга, у дверей гостиницы въ минуту моего отъѣзда выстроилась длинная шеренга черномазыхъ, требовавшихъ за что-то вознагражденія. И это повторялось почти повсемѣстно: слуги-невидимки появлялись только за нѣсколько минутъ до отъѣзда, какъ бы задавшись цѣлью отравлять своимъ появленіемъ туристу послѣднія впечатлѣнія...

Но вотъ я уже и на вокзалѣ. Бомбейскій поѣздъ стоитъ готовый къ отправленію; шумъ, толкотня. Хотя уже вось-

мой часъ вечера, но очень душно и я съ ужасомъ думаю о необходимости провести ночь въ духотѣ тѣснаго, неопрятнаго вагона.

Мой багажъ обращаетъ на себя вниманіе какихъ-то молодыхъ людей и они требуютъ, чтобы его свѣсили. Свѣшиваютъ. Я уплачиваю сколько слѣдуетъ и думаю, что мой чемоданъ отправятъ въ багажный вагонъ, но, къ моему удивленію, его несутъ за мной и кладутъ на полки пасажирскаго вагона. Такой порядокъ перевозки багажа всегда вызывалъ во мнѣ недоумѣніе. Бери въ вагонъ вещей сколько душѣ угодно, но заплати за ихъ перевозку. Хотя это въ нѣкоторомъ отношеніи и удобно, но влечетъ за собой тѣсноту въ вагонахъ, особенно непріятную въ жаркомъ климатѣ.

Въ одномъ купэ со мною сидятъ два англичанина; одинъ ѣдетъ въ Бомбей, другой—въ Секундерабадъ. Оба молчаливы, мрачны и, повидимому, изнываютъ отъ духоты. Уже темно. Мы мчимся среди какихъ-то лѣсовъ, селеній, слабо освѣщенныхъ рѣдкими огнями, проносимся надъ рѣками... Въ открытыя окна врывается густой теплый воздухъ съ тяжелымъ запахомъ какой-то травы и мелкой пылью... Мы ложимся спать, но еще долго ворочаемся, вскакиваемъ и, изнывая отъ духоты, напрасно ищемъ облегченія у открытыхъ оконъ вагона.

Я ѣхалъ еще весь слѣдующій день до вечера. Мѣстность по сторонамъ дороги представляла собой необозримую открытую равнину, съ рѣдкими пальмовыми рощами, имѣвшими здѣсь, вслѣдствіе ли плохой почвы или неблагопріятныхъ климатическихъ условій, весьма непривлекательный видъ. Воздѣланныхъ земель гораздо меньше, чѣмъ къ югу отъ Мадраса; все чаще и чаще встрѣчаются пустыри. На станціи Раишуръ поѣздъ вступаетъ во владѣнія независимаго туземнаго государя—Низама Гайдерабадскаго. Здѣсь окрестности становятся еще пустыннѣе. Около столицы — города Гайдерабада — равнина покрыта каменистыми, безплодными холмами, окруженными причудливыми нагроможденіями камней. Солнце безжалостно накаляетъ эту каменистую равнину, отъ которой вѣетъ раскаленнымъ воздухомъ, удушливымъ, пыльнымъ...

Внѣшній видъ населенія нѣсколько мѣняется. Бѣлая

неуклюжая чалма и кусокъ бѣлой матеріи (дòму), служащій индусу одеждой, замѣняется здѣсь красивымъ цвѣтнымъ тюрбаномъ и разноцвѣтными халатами. Обувью служатъ кожаныя туфли съ длинными и сильно загнутыми вверхъ носками. Мѣняется нѣсколько и типъ туземцевъ. Жители Гайдерабада показались мнѣ бѣлѣе чуть-ли не всѣхъ народностей Индіи.

На станціи Вади я пересаживаюсь на боковую вѣтку, которая ведетъ къ столицѣ Низама. Но я проѣзжаю городъ Гайдерабадъ, не останавливаясь въ немъ, и въ 6 часовъ вечера прибываю въ Секундерабадъ, гдѣ мнѣ нужно осмотрѣть нѣкоторыя войсковыя части англо-индійской арміи.

На маленькомъ грязномъ вокзалѣ комисіонеръ Deccan Hôtel'я беретъ мой багажъ и взваливаетъ его на извощичью телѣжку—нѣчто вродѣ невысокой двухколесной арбы—запряженную парой малорослыхъ лошадокъ. Но едва мы собираемся тронуться, какъ ко мнѣ подбѣгаютъ два какихъ-то господина, одинъ въ маленькой зеленой шапочкѣ, а другой—въ широкополой соломенной шляпѣ и требуютъ мой чемоданъ для осмотра. Видя мое недоумѣніе, они объясняютъ мнѣ, что они—таможенные чиновники Низама Гайдерабадскаго и обязаны осматривать багажъ пріѣзжающихъ. Ни на одной таможнѣ не осматривали моихъ вещей съ такимъ усердіемъ, какъ на этой маленькой станціи. Перерывши все, что было возможно въ моемъ чемоданѣ и въ моихъ саквояжахъ, они отпустили меня на свободу.

Проѣхавши нѣсколько пустынныхъ и пыльныхъ улицъ, я уже въ сумеркахъ добрался до гостиницы.

Просторный номеръ съ балкономъ, обширный дворъ, тѣнистый садъ, панка подъ потолкомъ... но все это безсильно ослабить ужасную духоту, наполняющую воздухъ.

Секундерабадъ—одна изъ самыхъ крупныхъ войсковыхъ стоянокъ Индіи. Здѣсь имѣется небольшой туземный кварталъ, нѣсколько гостиницъ и десятки англійскихъ казармъ, образующихъ длинныя, широкія улицы. Секундерабадъ находится лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гайдерабада и соединенъ съ нимъ, помимо желѣзной дороги, великолѣпнымъ шоссе, по сторонамъ котораго часто встрѣчаются красивыя виллы богатыхъ туземцевъ. Верстахъ

въ 9 отъ него, къ сѣверу, расположено мѣстечко Болярумъ, въ которомъ въ то время были расквартированы штабъ и большая часть войскъ гайдерабадскаго контингента.

На слѣдующій день я съѣздилъ въ Болярумъ къ командующему войсками этого отряда, чтобы заручиться его содѣйствіемъ для ознакомленія съ расположенными здѣсь войсками. Вернувшись въ Секундерабадъ уже вечеромъ, я успѣлъ обойти нѣсколько улицъ, но не нашелъ здѣсь рѣшительно ничего привлекательнаго: вездѣ пыль, пыль и пыль... За обѣдомъ, въ столовой отеля, встрѣтился съ однимъ изъ тѣхъ таможенныхъ чиновниковъ, которые такъ усердно осматривали мои вещи на вокзалѣ. Мы познакомились и разговорились. Англичанинъ почти цѣлый вечеръ разсказывалъ мнѣ разныя небылицы изъ придворной жизни Низама и разспрашивалъ про Россію. Разставаясь со мной послѣ обѣда, онъ сознался, что, подвергая меня на станціи строгому таможенному досмотру, онъ думалъ, что я—торговецъ ювелирными издѣліями!

Вернувшись къ себѣ въ комнату, я пытался нѣсколько разъ улечься спать, но спать оказалось невозможнымъ. Постель, нагрѣтая горячимъ воздухомъ, жгла, томила и отгоняла сонъ... За кисейными занавѣсками, предназначенными защищать спящаго отъ москитовъ, душный воздухъ становился невыносимо удушливымъ. Я разложилъ простыню на полу и легъ около порога балкона, но спустя нѣсколько минутъ былъ атакованъ легіонами какихъ-то маленькихъ жучковъ, немилосердно кусавшихся. Пришлось оставить это мѣсто и искать другого. Я сбросилъ постельныя принадлежности на полъ и легъ на сѣтку кровати, откинувши кисейныя занавѣски. Нѣсколько минутъ все казалось благопріятнымъ для сна: металическая сѣтка холодила разгоряченные члены, отъ балконной двери доносилась струя свѣжаго воздуха... Кажется заснешь... Но вотъ въ безмолвной тишинѣ ночи раздается гдѣ-то близко тонкое жужжаніе москита; все ближе и ближе... За нимъ другое, третье... Цѣлый хоръ, неотвязчивый, надоѣдливый, раздражающій... И вотъ, наконецъ, то тамъ, то здѣсь, чувствуешь уколы остраго жала. И это жужжаніе, наполняющее душную темную комнату, и эти укусы невидимыхъ враговъ,

покрывающіе тѣло сильно зудящими волдырями, становятся невыносимыми. Вскакиваешь съ кровати и садишься на балконъ, чтобы отдохнуть отъ этихъ мученій.

А ночь уже крѣпко охватила сонную землю. Кругомъ тишина; душный воздухъ неподвижно стоитъ, напоенный запахомъ какихъ-то цвѣтовъ, пыли и еще чего-то, спеціально свойственнаго Индіи... Вѣтвистыя деревья сада кажутся въ ночномъ мракѣ огромными чудовищами, протянувшими во всѣ стороны свои длинныя руки.

Въ глубокой тишинѣ ночи откуда-то вдругъ зарождаются неясные звуки, несутся въ тепломъ воздухѣ и замираютъ. А въ небесахъ все ярче и ярче загораются звѣзды...

На слѣдующій день я переѣхалъ въ Болярумъ, гдѣ въ теченіе пяти дней пользовался гостепріимствомъ англійскаго генерала Жерара, командовавшаго въ то время войсками Гайдерабадскаго контингента. Эти пять дней я провелъ среди войскъ, посѣщая ученія, казармы, стрѣльбища, осматривая лошадей и вооруженіе, присутствуя на завтракахъ и обѣдахъ въ офицерскихъ собраніяхъ, на занятіяхъ спортомъ, на вечерахъ. Войсковая жизнь и бытовыя особенности офицерской среды наблюдались здѣсь мною при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Индіи.

Наконецъ, 11-го марта я оставилъ Болярумъ и, желая ознакомиться съ столицей Низама Гайдерабадскаго, принялъ приглашеніе переѣхать дня на два въ предмѣстье Гайдерабада—Фейсабадъ, въ домъ однихъ знакомыхъ генерала Жерара.

Въ 7 часовъ утра шарабанъ моего гостепріимнаго хозяина доставилъ меня къ зданію англійскаго клуба въ Секундерабадѣ, гдѣ меня ожидала коляска, высланная изъ Фейсабада. Два лакея въ синихъ костюмахъ, въ синихъ чалмахъ съ краснымъ верхомъ стояли на запяткахъ экипажа и зычными голосами разгоняли встрѣчавшихся на дорогѣ туземцевъ; тамъ, гдѣ вслѣдствіе скопленія пѣшеходовъ или повозокъ, проѣздъ затруднялся, они соскакивали на землю и бѣжали передъ экипажемъ, разгоняя толпу. Полицейскіе при видѣ моей коляски вытягивались и отдавали честь. Вообще, мой переѣздъ до Фейсабада былъ обставленъ довольно торжественно.

Стояло прохладное утро, солнце только что выплывало на голубое небо и воздухъ сохранялъ еще ночную свѣжесть придававшую бодрость и веселое настроеніе. И послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ стѣснительной обстановкѣ визитовъ, пріемовъ, парадовъ, смотровъ, вечеровъ и званыхъ обѣдовъ, теперь я чувствовалъ себя легко и свободно. Пара крупныхъ и горячихъ лошадей быстро несла меня по гладкому шоссе среди дачъ, садовъ и отелей, и военныя впечатлѣнія Болярума быстро отодвигались назадъ. Гайдерабадскіе уланы, англійскіе гусары, артилерія на слонахъ, роскошь солдатской жизни, чопорность и скука офицерскихъ клубовъ, спортъ... все это перемѣшивалось, блѣднѣло, чтобы быть на время забытымъ подъ натискомъ новыхъ впечатлѣній въ столицѣ Низама.

Но вотъ и Фейсабадъ. Я располагаюсь въ верхнемъ этажѣ небольшого оригинальной архитектуры дома, прислоненнаго къ высокому холму; съ лицевой стороны онъ двухъ-этажный, съ задней — веранда второго этажа выходитъ на склонъ холма и онъ кажется одноэтажнымъ.

Не успѣваю разложить свои вещи и выпить чашку чаю, какъ подаютъ экипажъ и туземецъ-гидъ, хорошо говорящій по-англійски, предлагаетъ мнѣ съѣздить въ Голконду.

Индія и въ настоящее время изобилуетъ туземными государствами, но въ прежнія времена, особенно въ центральныхъ провинціяхъ и на югѣ, она представляла въ этомъ отношеніи явленіе безпримѣрное: такого обилія цвѣтущихъ и богатыхъ государствъ, существовавшихъ самостоятельно, не знала ни одна страна въ мірѣ. Но отъ многихъ изъ нихъ до насъ дошли только однѣ развалины, по которымъ мы и судимъ объ ихъ быломъ величіи, объ ихъ богатствахъ и могуществѣ.

Голконда—бывшая столица когда-то цвѣтущаго и сильнаго мусульманскаго государства, управлявшагося съ 1512 по 1687 годъ раджами династіи Кутбъ-Шахи, свергнутой делійскимъ императоромъ Аурангзебомъ. Въ настоящее время это рядъ развалинъ, привлекающихъ къ себѣ ежегодно толпы европейскихъ туристовъ. Наиболѣе интересные памятники Голконды—древній фортъ и гробницы голкондскихъ раджей.

Я подъѣхалъ въ экипажѣ къ Банжорскимъ воротамъ, откуда уже необходимо было идти пѣшкомъ. Банжорскія ворота — главный входъ въ старую твердыню Голконды, за стѣнами которой раджа Абуль-Гасанъ укрывался отъ ядеръ артилеріи Аурангзеба. Ворота сложены изъ гранита и имѣютъ по бокамъ помѣщенія для караула, который когда-то бдительно охранялъ ихъ, храбро отражая насѣдавшаго непріятеля. Нынѣ въ этихъ гранитныхъ казематахъ въ изобиліи водятся летучія мыши, и прохладный воздухъ пропитанъ ихъ острымъ, удушливымъ запахомъ.

Фортъ окруженъ высокой каменной стѣной съ многочисленными гранитными бастіонами, на которыхъ до сихъ поръ еще стоятъ кое-гдѣ старыя пушки голкондскихъ раджей. Покалѣченныя непріятелемъ, испорченныя временемъ и непогодой, ржавыя, стоятъ онѣ, какъ престарѣлые калѣки-инвалиды и смотрятъ своими запыленными и засоренными жерлами въ обвалившіяся бойницы, точно застывши въ томъ положеніи, въ которомъ засталъ ихъ побѣдоносный противникъ.

Южная и восточная части форта положительно загромождены развалинами дворцовъ, мечетей и различныхъ другихъ построекъ. Невозможно разобраться въ этомъ хаосѣ древнихъ, обросшихъ травой стѣнъ, обвалившихся сводовъ, таинственныхъ подземелій, выглядывающихъ на свѣтъ Божій своими черными отверстіями, похожими на пасть какого-то чудовища, разнообразныхъ колоннъ, портиковъ и лѣстницъ... Ходишь среди этого царства развалинъ и чувствуешь какъ отъ каждаго камня, изъ каждой щели вѣетъ величавой старриной и воспоминаніями о быломъ величіи Голконды.

Вотъ остатки высокаго гранитнаго зала, служившаго, по преданію, музыкальной залой голкондскихъ раджей... Быть можетъ, когда то эти своды, внимающіе нынѣ лишь шелесту листьевъ одинокой пальмы, склонившейся надъ ними, оглашались мелодичными звуками какого-нибудь туземнаго инструмента и жгучая, страстная пѣсня баядерки заставляла трепетать сердца слушателей... Вотъ развалины школы... Можетъ быть здѣсь накоплялась ученость мусульманскихъ мудрецовъ, собиравшихся подъ сильную и щедрую

руку голкондскихъ раджей и отсюда разливалась по странѣ свѣтлыми и живительными струями...

Отъ этихъ развалинъ поднимаюсь на вершину холма, гдѣ находится цитадель или редюитъ форта—Бала Гисаръ. Сначала нужно пройти колосальныя ворота цитадели; рядомъ съ ними стоятъ старыя казармы, а напротивъ нихъ—гранитная постройка, служившая когда-то складомъ оружія. Отсюда на вершину холма ведутъ широкія каменныя ступени, плиты которыхъ отъ времени покосились и потрескались; пучки крѣпкой, сухой травы заполняютъ ихъ трещины. На вершинѣ холма туристъ встрѣчаетъ послѣднія развалины—послѣднюю, пожелтѣвшую, полуистлѣвшую страницу исторіи голкондской твердыни. Это—остатки королевскаго дворца, горделиво возвышавшагося здѣсь на высотѣ 400 футовъ надъ окружающей его равниной.

Стоя на развалинахъ этого дворца, видишь окрестности на огромное разстояніе. Къ востоку широко раскинулась столица Низама — городъ Гайдерабадъ, окруженный яркой зеленью садовъ, надъ которой возвышаются купола и минареты мечетей, смѣло вздымающіеся къ голубому небу; къ сѣверу видны, слегка подернутыя мглой, многочисленныя казармы Секундерабада; внизу лежатъ угрюмыя развалины Голконды, похожія на обширное кладбище; за Банжорскими воротами стоятъ, точно стражи прошлаго, надгробные памятники голкондскихъ раджей; ихъ много, большинство сильно пострадало отъ времени и непріятельскихъ вторженій, но какъ хороши и величественны еще нѣкоторые изъ нихъ!

По обширной, охватившей эту панораму, равнинѣ разбросаны въ огромномъ количествѣ холмы и гранитныя скалы, принимающія мѣстами причудливыя формы. Издали кажется, точно десятки мелкихъ укрѣпленій окружаютъ старую голкондскую крѣпость... Мѣстная легенда гласитъ, что Творецъ, создавшій міръ, разсыпалъ здѣсь излишній оставшійся у него матеріалъ, и съ тѣхъ поръ образовались эти холмы и скалы.

Усѣвшись на старомъ мшистомъ камнѣ среди развалинъ, смотришь на окрестности и любуешься. Голубое небо, зелень садовъ и пальмовыхъ рощъ, темный цвѣтъ разва-

линъ, кое-гдѣ обсыпанныхъ зеленью, золотисто-желтыя нивы, испещренныя сѣрыми пятнами скалъ...

Солнце уже сильно жжетъ, и съ высоты глубокаго неба льются на землю обильные потоки яркаго горячаго свѣта, но здѣсь, высоко надъ знойной равниной, воздухъ еще свѣжъ, и легкій прохладный вѣтеръ проносится мимо. Чудное мѣсто избрали голкондскіе раджи для постройки дворца! Глядя на широкую и величественную панораму окрестностей, возвышающую помыслы, невольно подумаешь, что взбираясь сюда, они хотѣли, чтобы ихъ внѣшнему величію соотвѣтствовали бодрость и величіе ихъ духа...

На слѣдующій день я посѣтилъ и осмотрѣлъ столицу Низама Гайдерабадскаго—городъ Гайдерабадъ.

Въ пятомъ часу вечера, когда свирѣпое индійское солнце, утомившись склонялось къ горизонту, я въ сопровожденіи трехъ знакомыхъ англичанъ—одного штатскаго и двухъ кавалерійскихъ офицеровъ—выѣхалъ изъ Фейсабада въ экипажѣ въ Гайдерабадъ, гдѣ на окраинѣ города насъ ожидалъ одинъ изъ слоновъ Низама, назначенный въ наше распоряженіе, благодаря любезному содѣйствію генерала Жерара.

Ѣзда на слонахъ—одна изъ характерныхъ особенностей Индіи, особенно южной; въ ней много своеобразнаго, чисто индійскаго. Впрочемъ, многіе ошибочно думаютъ, что слонъ является въ этой странѣ весьма распространеннымъ домашнимъ животнымъ и употребляется для передвиженія въ родѣ верблюда. Слоны водятся въ Индіи, въ сущности, въ весьма небольшомъ количествѣ и составляютъ собственность почти исключительно туземныхъ князей, войскъ и богатыхъ туземцевъ. Главная же масса населенія совсѣмъ не знаетъ слоновъ и никогда ими не пользуется. Слонъ, даже въ Индіи, весьма дорогое животное; содержаніе слоновъ вызываетъ столько заботъ и расходовъ, что ихъ могутъ держать только состоятельные люди, не стѣсняющіеся количествомъ прислуги. Болѣе всего распространены эти животныя въ Деканѣ и центральныхъ провинціяхъ, гдѣ сосредоточено большинство туземныхъ государствъ Индіи. Здѣсь, при дворахъ богатыхъ ражпутскихъ и маратскихъ раджей, они содержатся десятками и употребляются при всевозможныхъ торжествахъ,

выѣздахъ, религіозныхъ процессіяхъ и тому подобныхъ случаяхъ.

Слономъ управляетъ особый туземецъ, называемый махутомъ; онъ сидитъ всегда верхомъ на шеѣ животнаго, непосредственно за его огромными ушами и держитъ въ рукахъ небольшой острый топорикъ, которымъ ударяетъ слона по верхней части головы или по шеѣ. Слоны дрессируются туземцами чрезвычайно искусно и достаточно махуту ударить такъ или иначе топорикомъ, чтобы это гигантское, неуклюжее животное послушно исполняло, что слѣдуетъ.

Уборъ и сѣдла слоновъ употребляются самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и видовъ. Слонъ, дожидавшійся насъ при въѣздѣ въ Гайдерабадъ, былъ покрытъ ярко-краснымъ сукномъ; на его спинѣ, вдоль хребта, помѣщалась двойная скамейка съ общей спинкой и сидѣніями на обѣ стороны.

Когда мы подъѣхали къ окраинѣ города, около слона, задумчиво стоявшаго въ своемъ парадномъ уборѣ, собралась большая толпа туземцевъ, ожидавшихъ нашего пріѣзда. Здѣсь и нищіе, и калѣки, и юродивые, и фокусники, и уличные музыканты... все это кидается на европейца, то съ просьбой о милостынѣ, то съ предложеніемъ показать свое искусство, то съ готовностью услужить... Все это бѣдно и голодно... И все это производитъ тяжелое впечатлѣніе въ этой странѣ сказочныхъ богатствъ и великолѣпія...

Мы съ трудомъ отбиваемся отъ этой толпы и подходимъ къ слону. Вожакъ, плотно усѣвшійся за ушами слона, уже дѣйствуетъ своимъ инструментомъ и грузное животное съ глухимъ, рокочущимъ ворчаніемъ опускается на колѣни; но слонъ такъ великъ, что даже теперь невозможно влѣзть на него безъ лѣстницы. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидимъ на спинѣ животнаго, по два съ каждой стороны, и крѣпко держимся за перила скамейки. Слонъ не только въ ту минуту, когда подымается съ колѣнъ, но и во время ходьбы сильно качаетъ, почему человѣку непривычному, если не держаться, легко и свалиться.

Мы начинаемъ медленный объѣздъ города Гайдерабада.

Гайдерабадъ—городъ сравнительно недавней постройки и въ своихъ предѣлахъ не заключаетъ никакихъ памятниковъ старины, которые заслуживали-бы особеннаго вниманія.

Но зато онъ представляетъ большой интересъ въ смыслѣ современности. Это — центръ мусульманства южной Индіи. Здѣсь мы видимъ исламъ, вторгнувшійся въ самое сердце страны, поклоняющейся могущественному Шивѣ; здѣсь мы встрѣчаемъ десятки мечетей, заслоняющихъ намъ на время высокія гопуры индусскихъ храмовъ; здѣсь мы поражаемся увивительной живучестью и силой сопротивленія ислама, занесеннаго сюда полчищами завоевателей съ сѣвера Индіи. И, какъ это ни странно, но именно здѣсь мусульманскій фанатизмъ достигаетъ своего наибольшаго напряженія. Ни въ Лагорѣ, ни въ Дели, ни въ Агрѣ, гдѣ исламъ пропиталъ кажется, самую почву, на которой стоятъ эти города и гдѣ онъ связалъ свое имя съ величайшими памятниками Индіи, ни въ одномъ изъ нихъ религіозный фанатизмъ не пріобрѣлъ такой остроты, какъ въ Гайдерабадѣ.

Здѣсь нѣтъ среди мечетей достопримѣчательностей, но почти всѣ онѣ очень красивы. Свѣтло-сѣрыя, стройныя, изящныя, точно ажурныя, онѣ придаютъ городу весьма привлекательный характеръ. И только одна главная мечеть Мекка-Масжидъ угрюмо смотритъ своими высокими арками, выходящими на обширный четырехъугольный дворъ съ небольшимъ басейномъ для омовеній посрединѣ.

Мы хотѣли въѣхать во дворъ этой мечети, но стоявшая у воротъ група туземцевъ загородила намъ дорогу и воспротивилась этому. Удивительное явленіе у мусульманъ вообще весьма равнодушныхъ къ своимъ мечетямъ!

Уличная жизнь Гайдерабада производитъ такое впечатлѣніе, точно все время ѣдешь по безконечному базару. Лавки, лавки безъ конца... Вездѣ торгуютъ; удивляешься— кто покупаетъ все то, что сложено въ этихъ тѣсныхъ, грязныхъ торговыхъ рядахъ, сопровождающихъ улицы. А видно— покупаютъ, потому что жизнь бьетъ ключемъ и вездѣ царитъ бодрое оживленіе... Такихъ яркихъ красокъ, какъ въ Гайдерабадской толпѣ, невозможно увидѣть нигдѣ больше въ Индіи. Здѣсь населеніе болѣе одѣто, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ страны, и халатъ является преобладающимъ костюмомъ. Чалмы и халаты всѣхъ цвѣтовъ радуги наполняютъ узкія кривыя улицы и подъ яркими лучами южнаго солнца эта разноцвѣтная толпа производитъ поразительное

впечатлѣніе. Богатство красокъ, вообще свойственное Индіи, достигаетъ здѣсь своего высшаго проявленія...

Мы медленно двигаемся по улицамъ, покачиваясь на спинѣ слона, и внимательно разсматриваемъ дома, лавки, туземцевъ. Но что это за странные звуки, которые доносятся къ намъ съ другого конца улицы? Мы смотримъ въ ту сторону и нашимъ глазамъ представляется слѣдующее. Навстрѣчу намъ двигается оригинальная процессія: впереди, одинъ за другимъ, три слона въ богатыхъ и пестрыхъ уборахъ; на нихъ сидятъ туземцы въ яркихъ костюмахъ и играютъ на какихъ-то странныхъ инструментахъ, издающихъ то протяжные и унылые, то короткіе и бойкіе звуки; за слонами—три шеренги всадниковъ, за ними нѣсколько десятковъ женщинъ несутъ богато разукрашенный балдахинъ, подъ которымъ одна изъ нихъ несетъ красное знамя; далѣе—опять всадники, а за ними—большая толпа народа. Мы отъѣзжаемъ въ сторону, чтобы дать дорогу этой процессіи, которая медленно и важно проходитъ мимо насъ. Вожакъ объясняетъ намъ, что это—свадебное шествіе.

Уже вечерѣло, когда мы вернулись къ нашему экипажу и уѣхали изъ Гайдерабада. Солнце скрылось за сѣрой громадой города, гудѣвшаго подобно отдаленному рокоту моря, и вечернія тѣни ложились на горячую землю. Пыльный, душный воздухъ стоялъ неподвижно. На восточной сторонѣ неба зажигались блѣдныя звѣзды. Отдохнувшія лошади быстро мчали насъ къ Фейсабаду, уже загоравшемуся огнями и едва обозначавшемуся въ вечернихъ сумеркахъ. Мы молчали и каждый изъ насъ по своему перерабатывалъ въ себѣ свои впечатлѣнія.

VI. Недѣля въ Бомбеѣ.

13-го марта я уже опять въ вагонѣ; теперь спѣшу въ Бомбей, въ страну огнепоклонниковъ. По сторонамъ дороги опять тѣ же обширныя знойныя равнины, испещренныя групами пальмъ, темными пятнами селеній и ослѣпительно сверкающими на солнцѣ известковыми холмами; мало воздѣланныхъ земель, но пустырей изобиліе.

Напротивъ меня въ вагонѣ сидитъ интелигентный туземецъ, одѣтый въ полуевропейскій костюмъ; онъ—мой попутчикъ до Бомбея. Искушенный опытомъ и недовѣряя желѣзнодорожнымъ буфетамъ, обставленнымъ въ Индіи весьма плохо, онъ везетъ съ собой запасъ разнообразныхъ закусокъ и ящикъ содовой воды со льдомъ. Послѣ первой же станціи онъ угощаетъ меня, мы знакомимся и начинаемъ разговаривать. Послѣ нѣсколькихъ обязательныхъ для перваго знакомства вопросовъ, нашъ разговоръ переходитъ на больной для всякаго туземца вопросъ—о современномъ экономическомъ положеніи Индіи.

— Посмотрите на эти пустыри, говоритъ онъ мнѣ. Неправда-ли, какъ ихъ много? И вы думаете, что это — земля негодная для обработки? Ошибаетесь! Это богатѣйшія земли, способныя прокормить милліоны населенія.

— Но почему-же опѣ пустуютъ? недоумѣваю я.

— А пустуютъ потому, что населеніе изнемогаетъ подъ бременемъ всевозможныхъ налоговъ и бѣжитъ въ города, гавани и порты. Тяжесть обложеній такъ велика, что даже эту землю крестьянинъ считаетъ невыгоднымъ обрабатывать. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься!

— Но скажите, вѣроятно, въ этомъ отношеніи существуетъ разница между британскими и туземными владѣніями? Вотъ мы ѣдемъ теперь во владѣніяхъ Низама, а въ англійскихъ округахъ должно быть лучше?

— Не скажу! Во-первыхъ, что такое Низамъ? Пѣшка, которую британскій резидентъ переставляетъ, такъ, какъ хочетъ, а финансовые „совѣтники", присылаемые въ Гайдерабадъ изъ Калькутты, вводятъ здѣсь тѣ же порядки, что и на англійскихъ территоріяхъ. А во-вторыхъ—въ британскихъ округахъ замѣчается такое-же прискорбное явленіе въ земледѣліи, какъ и здѣсь. Вотъ увидите. И это—во всѣхъ частяхъ Индіи. А если и есть какая нибудь разница, то, увѣряю васъ, она—въ пользу туземныхъ государствъ. Конечно, въ хорошій годъ въ туземныхъ владѣніяхъ сдерутъ съ земледѣльца все, что возможно, но зато въ тяжелые годы оставляютъ его въ покоѣ. Здѣсь отсутствіе опредѣленной системы въ пользованіи экономическими силами страны оказываетъ даже благодѣтельное вліяніе. Въ британскихъ-же округахъ царитъ система, проводимая въ жизнь съ неумолимой строгостью и однообразіемъ. И она давитъ земледѣльца хуже всякихъ незаконныхъ поборовъ, взимаемыхъ раджами со своихъ подданныхъ. Тамъ сильно нажмутъ, да отпустятъ, а здѣсь хотя жмутъ и полегче, но жмутъ постоянно.

Жара становится все сильнѣе и сильнѣе. Мой собесѣдникъ прибѣгаетъ къ содѣйствію содовой воды со льдомъ и, глядя на меня, замѣчаетъ:

— Мнѣ тяжело, а вѣдь я привычный къ здѣшнему климату. Воображаю вамъ-то каково!

А мнѣ дѣйствительно невыносимо. Въ открытыя окна вагона врывается горячій воздухъ и жжетъ лицо, еще не привыкшее къ тропическому зною. Душно и пыльно.

А вотъ и станція Вади, гдѣ мы пересаживаемся на прямой путь, ведущій въ Бомбей изъ Мадраса. Спустя полчаса мы проѣзжаемъ станцію Кальбарга. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ здѣсь находилась столица Декана. Старый, разрушенный временемъ фортъ угрюмо смотритъ на насъ своими дырявыми стѣнами, но цитадель, горделиво возвышающаяся надъ ними, кажется, еще полна славныхъ воспоминаній. Изъ-за стѣнъ форта выглядываетъ мощный куполъ мечети, столь же старой, какъ и само укрѣпленіе. Мой спутникъ сообщаетъ мнѣ, что она—точная копія большой мечети, находящейся въ г. Кордовѣ, въ Испаніи. Но

вотъ и она исчезла. И опять кругомъ равнина, покрытая известковыми холмами и опять пустыри....

Мой собесѣдникъ продолжаетъ разговоръ о бѣдствіяхъ Индіи.

— Я не врагъ англичанъ и не противникъ европейской культуры,—говоритъ онъ. Я даже вѣрю въ искренность англійскихъ государственныхъ людей, управляющихъ нашей страной, но, согласитесь, что во всемъ этомъ кроется какое-то недоразумѣніе. Посмотрите на это солнце, на эту природу, на эту почву, тучную, жирную, готовую, кажется, родить отъ одного прикосновенія плуга и подумайте, что ни въ одной странѣ въ мірѣ нищета не достигаетъ такихъ ужасныхъ размѣровъ, какъ въ нашей прекрасной Индіи! Согласитесь, это ужасно! Неужели же это не служитъ достаточно краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что система, внесенная въ нашу жизнь англичанами, не годится для насъ? И страна, приспособленная самой природой для того, чтобы сдѣлаться раемъ, превращена въ царство нищеты, голода и болѣзней...

А поѣздъ все стучитъ и стучитъ, вихремъ проносясь мимо селеній, путевыхъ сторожекъ и густыхъ тѣнистыхъ рощъ. Мы смотримъ въ открытыя окна на убѣгающую къ горизонту сѣро-желтую раскаленную равнину и пустыри одинъ за другимъ быстро мелькаютъ передъ нами... И мой попутчикъ, глядя на нихъ, погружается въ глубокое раздумье, точно силясь придумать что-нибудь для облегченія своей многострадальной родины...

Цѣлый день мы проводимъ въ разговорахъ на разнообразныя темы и не замѣчаемъ, какъ знойный день смѣняется темной, душной ночью.

Уже было очень поздно и мы лежали, погруженные въ тяжелую дремоту, когда поѣздъ прибылъ на станцію Дондъ; несмотря на поздній часъ, на вокзалѣ господствовало оживленіе: окна станціонныхъ помѣщеній были освѣщены, по платформѣ бѣгали туземцы съ фонарями, кое-гдѣ стояли полицейскіе. Вдругъ открывается дверь вагона и къ намъ входитъ смуглый господинъ, одѣтый въ европейское платье; его сопровождаютъ два туземца съ фонарями, кондукторъ и полицейскій. Кондукторъ, входя въ вагонъ, громко

объявляетъ—„господа. медицинскій осмотръ“! Тутъ только я вспоминаю, что мы приближаемся къ очагу чумы, уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствующей въ Индіи. Смуглый господинъ, оказавшійся туземцемъ-врачемъ, ощупываетъ у насъ пульсъ, осматриваетъ наши языки и молча направляется къ другому вагону. Но не вездѣ оказывается благополучно: одинъ изъ вагоновъ III класса, биткомъ набитый туземцами, отцѣпляютъ и отводятъ на запасный путь, въ карантинный лагерь. А мы уже мчимся дальше и опять погружаемся въ дремоту, смѣняемую сномъ лишь къ разсвѣту.

Но долго спать не приходится; горячее индійское солнце даетъ себя чувствовать съ первыхъ-же минутъ восхода и первый-же солнечный лучъ, упавшій на человѣка, обжигаетъ и будитъ его. Однако, на этотъ разъ я не досадую на это, потому что картина, развернувшаяся по сторонамъ дороги, вознаграждаетъ меня въ полной мѣрѣ. Мы приближаемся къ западному краю Деканскаго плоскогорія, ограниченнаго съ этой стороны хребтомъ западныхъ Гатовъ. которые тянутся въ меридіональномъ направленіи въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря. Мѣстность имѣетъ здѣсь сильно гористый характеръ; темныя, каменистыя вершины, глубокія ущелія, обрывы, скалы... Мѣстами картина принимаетъ дикій, угрюмый характеръ.

Отъ станціи Кандала желѣзнодорожный путь спускается съ Деканскаго плоскогорія на западную сторону Гатовъ. Этотъ участокъ пути—одинъ изъ живописнѣйшихъ въ Индіи. Поѣздъ мчится по узкимъ карнизамъ надъ красивыми ущельями, проносится надъ ними по высокимъ мостамъ, смѣло переброшеннымъ съ одного берега на другой, обѣгаетъ встрѣчныя горы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ныряетъ въ темные тонели, выглядывающіе на свѣтъ Божій своими черными отверстіями, которыя рѣзко выдѣляются на сѣромъ фонѣ горъ. Вотъ нашъ поѣздъ приближается къ одному тонелю, пробитому въ высокой скалистой горѣ, нависшей надъ глубокимъ ущельемъ. Я слѣжу, какъ паровозъ, тяжело пыхтя и выбрасывая изъ трубы плотные клубы сѣраго дыма, исчезаетъ во мракѣ тонеля, поглощаемый черной пастью горы-чудовища; а за нимъ тянутся въ эту пасть вагонъ за вагономъ и скоро меня охватываетъ сырой мракъ

вмѣстѣ съ удушливымъ запахомъ паровознаго дыма; кое-гдѣ мелькаютъ фонари сторожей, странно мерцающіе въ темнотѣ подземелья. Но спустя двѣ-три минуты поѣздъ съ грохотомъ выносится изъ тонеля и опять надъ нами синее небо, съ горячимъ солнцемъ, а вокругъ насъ — ущелья, скалы, обрывы...

У станціи Каржатъ спускъ съ Деканскаго плоскогорія кончается, западные Гаты здѣсь рѣзко обрываются и поѣздъ мчится уже по гладкой равнинѣ, убѣгающей къ морю.

Въ 6 часовъ утра мы уже были въ Бомбеѣ.

Съ именемъ этого города обыкновенно связывается представленіе о чумѣ, избравшей его своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и представленіе о чемъ-то мрачномъ, заброшенномъ и опасномъ. Подобное представленіе о Бомбеѣ имѣлось и у меня, когда я подъѣзжалъ къ нему въ это тихое, ясное утро. Однако, при первомъ-же соприкосновеніи съ городской жизнью пришлось убѣдиться въ его полномъ несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Я заѣхалъ въ одну гостиницу—все занято, въ другую—тоже, въ третью, въ четвертую... вездѣ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: ни одного свободнаго помѣщенія. И неужели это въ очагѣ чумной эпидеміи, наводящей такой страхъ на Европу? Я съ трудомъ, послѣ продолжительныхъ розысковъ и то при условіи подождать до полудня, раздобылъ себѣ крохотную комнатку въ Apollo Hôtel.

Бомбей былъ переполненъ пріѣзжими, какъ со всѣхъ концовъ Индіи, такъ и изъ Европы, и слухи о томъ, что населеніе бѣжитъ изъ него по случаю эпидеміи оказались выдумками. Несмотря на страшную болѣзнь, которая свила себѣ прочное гнѣздо въ туземныхъ кварталахъ города, откуда она временами угрожаетъ и европейскому населенію, я не видалъ въ Индіи города болѣе веселаго, жизнерадостнаго и оживленнаго, чѣмъ Бомбей.

Бомбей—одинъ изъ самыхъ крупныхъ городовъ Индіи, по численности своего населенія (болѣе 800,000 чел.) и своимъ размѣрамъ уступающій только Калькуттѣ. Онъ расположенъ на южной оконечности одного изъ острововъ, разбросанныхъ у берега и нѣкогда составлявшихъ одно цѣ-

лое съ материкомъ. Острова отдѣлены отъ послѣдняго весьма узкими морскими каналами. Ихъ происхожденіе путемъ отдѣленія отъ материка обусловливаетъ собой малую глубину моря вблизи береговъ; впрочемъ, къ востоку отъ города оно достаточно глубоко и здѣсь находится гавань Бомбея, представляющая собой обширное водное пространство между городомъ и групой острововъ къ востоку. Берегъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Бомбея—плоскій и низкій; лишь на юго-западномъ мысѣ острова имѣется небольшая возвышенность, называемая Malabar Hill, командующая всей окружающей мѣстностью.

Туземное населеніе Бомбея состоитъ главнымъ образомъ изъ индусовъ, но характерную особенность города, придающую ему своеобразную физіономію, составляетъ немногочисленная числомъ, но могущественная по своимъ средствамъ и культурѣ, община парсовъ.

Парсы считаются выходцами изъ Персіи и исповѣдуютъ оригинальную религію (Зороастра), въ основѣ которой лежитъ поклоненіе огню. Изъ всѣхъ туземныхъ племенъ, населяющихъ Индію, они обнаружили наибольшую способность къ усвоенію европейской культуры и на этомъ поприщѣ достигли замѣчательныхъ результатовъ. Въ торговлѣ, въ промышленности, во всѣхъ свободныхъ профессіяхъ они заняли господствующее положеніе. Въ ихъ рукахъ сосредоточены огромные капиталы. Парсы, за исключеніемъ лишь того, что вытекаетъ изъ ихъ религіозныхъ вѣрованій, установили у себя вполнѣ европейскій бытъ, подражая во всемъ англичанамъ. Они всѣми силами стремятся къ тому, чтобы войти въ англійское общество, они поставили своихъ женщинъ и свои семейныя отношенія совершенно по-европейски, они изучаютъ европейскіе языки, посылаютъ своихъ дѣтей въ учебныя заведенія Англіи, наконецъ, нѣкоторыя изъ нихъ даже переходятъ въ протестантство и отрекаются отъ старины и связанныхъ съ нею предразсудковъ. Два единственные туземца, проникшіе въ британскій парламентъ—парсы. Мѣняя свои взгляды и обычаи, они стараются видоизмѣнить и свою внѣшность, присвоивъ себѣ почти европейскій костюмъ. И въ послѣднее время даже оригинальный головной уборъ парсовъ—высо-

кая черная митра—часто уступаетъ свое мѣсто европейской шляпѣ.

Парсы обращаютъ на себя вниманіе туриста даже при поверхностномъ ознакомленіи съ городомъ. Первые туземцы, встрѣчающіе его на вокзалѣ или пристани съ предложеніемъ гостиницъ и магазиновъ—парсы; торговцы, наполняющіе торговые ряды европейскихъ кварталовъ—они-же; служащіе въ правительственныхъ учрежденія, банкахъ и конторахъ Бомбея—тоже они; парсы проникаютъ всюду и вездѣ завоевываютъ себѣ первенствующее положеніе. Высокая митра парса мелькаетъ передъ вами и на улицѣ, и въ гостинницѣ, и въ магазинахъ, и въ почтовой конторѣ, и въ банкѣ...

Англійскіе кварталы Бомбея почти ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ городовъ и производятъ своей внѣшностью очень хорошее впечатлѣніе. Широкія, прямыя, хорошо мощеныя улицы, великолѣпные дома и гостинницы, красивые скверы съ чудной тропической растительностью, трамваи, извозчики—все это заставляетъ туриста забывать, что находишься въ Азіи.

Бомбей изобилуетъ красивыми постройками, среди которыхъ особенно выдѣляются—главный бомбейскій вокзалъ и цѣлый рядъ правительственныхъ учрежденій, построен-

22. Видъ съ морского берега на европейскую часть Бомбея.

ныхъ вдоль морского берега. Готическій стиль господствуетъ въ архитектурѣ лучшихъ городскихъ зданій.

Бомбейское общество можно увидѣть въ двухъ мѣстахъ города: въ нѣкоторые дни отъ 6 до 8 час. вечера на набережной Apollo Bander, около англійскаго яхтъ-клуба и ежедневно въ тѣ-же часы на взморьѣ, на противоположной сторонѣ острова. Вереницы разнообразныхъ экипажей, верховыхъ и велосипедистовъ тянутся со всѣхъ концовъ европейскаго города. На набережной экипажи становятся рядами и сидящая въ нихъ публика слушаетъ музыку, играющую въ саду яхтъ-клуба и любуется оживленіемъ гавани. Здѣсь бываетъ тѣсно, и море отсюда теряетъ много за различными постройками разбросанными по берегу. На взморьѣ, по западному берегу острова, гораздо лучше. Здѣсь больше простора, больше воздуха, больше моря... Съ одной стороны возвышается длинный рядъ величественныхъ построекъ въ готическомъ стилѣ, отдѣляющихъ со стороны города обширную площадь, служащую для гуляній, а съ другой— необъятное море убѣгаетъ въ даль, сливаясь на горизонтѣ съ голубымъ безоблачнымъ небомъ. Экипажи привозятъ сюда многочисленную публику, желающую подышать послѣ знойнаго дня свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Въ европейской толпѣ мелькаютъ смуглыя лица парсовъ; бѣлыя одежды ихъ женщинъ и высокія митры мужчинъ вносятъ въ нее много разнообразія и пестроты. Это мѣсто—одно изъ лучшихъ въ Бомбеѣ. Здѣсь сошлись, дополняя другъ друга, творчество человѣка, воплощенное въ величественной архитектурѣ построекъ, съ природой, выдвинувшей узкій островъ въ лоно тихаго, ласковаго моря. Здѣсь, подъ влажнымъ, прохладнымъ дыханіемъ океана умѣряется тяжелый тропическій зной и здѣсь легче дышется ароматнымъ соленымъ воздухомъ. Бывало придешь сюда отдохнуть отъ жары, полюбоваться морскимъ просторомъ, и забудешься. И хотя взморье уже давно опустѣло и окуталось мракомъ, сидишь, точно очарованный, прислушиваясь къ мягкому рокоту моря... А сзади слабо гудитъ, утихая къ ночи, другое море, море людей, населяющихъ каменныя громады душнаго города.

Бомбей—городъ, имѣющій интересъ исключительно современный; его прошлое не восходитъ далѣе XV вѣка,

когда небольшой деревушкой, стоявшей на берегу моря, онъ былъ занятъ португальцами, владѣвшими этимъ мѣстомъ около 250 лѣтъ. Исторія этого города начинается лишь съ появленія здѣсь англичанъ и до нашихъ дней не ознаменовалась еще ни однимъ замѣчательнымъ событіемъ. Бомбей никогда не былъ столицей могущественнаго государства подобно Дели, Пунѣ или Танджору; онъ даже никогда не служилъ резиденціей мелкихъ князей, какъ Ахмедабадъ или Биджапуръ; онъ никогда не имѣлъ значенія въ религіозномъ отношеніи, подобно Бенаресу или Мадурѣ; бѣдный историческими событіями, онъ бѣденъ и памятниками прошлаго и туристъ не найдетъ здѣсь ни древнихъ храмовъ, ни гробницъ, ни дворцовъ. Любителямъ старины здѣсь нечего дѣлать; за древними монетами, за старинными надписями, за архитектурой былыхъ вѣковъ они должны обращаться въ другія мѣстности Индіи.

Бомбей—городъ современнаго и будущаго; его значеніе—не въ прошломъ, а въ настоящемъ; это—окно, черезъ которое европейская культура проникаетъ въ Индію и откуда она разливается во всѣ стороны. Почти все, что прибываетъ въ Индію изъ Европы и что отправляется изъ Индіи въ Европу—проходитъ черезъ Бомбей: здѣсь западъ соприкасается съ востокомъ, европейскій міръ—съ міромъ индійскимъ. Бомбей молодъ, но пользуясь могучимъ вліяніемъ европейской культуры, уже успѣлъ во многихъ отношеніяхъ опередить старинные города. И въ то время, когда многіе изъ нихъ, мечтая о минувшихъ дняхъ былого величія и славы, дремлютъ подъ знойнымъ солнцемъ среди царственныхъ развалинъ, Бомбей проявляетъ кипучую энергію на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности. И въ настоящее время, благодаря многочисленности своего населенія, своей огромной площади, живописности положенія, размѣрамъ торговли, богатствамъ и красотѣ, онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди городовъ Востока.

Послѣ осмотра европейскихъ кварталовъ Бомбея, туристъ, чтобы составить себѣ возможно полное представленіе о городѣ, долженъ непремѣнно посѣтить и его туземные кварталы, гдѣ его ожидаютъ новыя, своеобразныя впечатлѣнія.

Туземный городъ находится сѣвернѣе европейскаго и раскинутъ на огромномъ пространствѣ. Въ его нѣдра, обставленныя тѣсными, кривыми улицами и старинными постройками, такъ-же легко попасть, какъ и въ любую часть европейскаго города: конный трамвай прорѣзаетъ его въ нѣсколькихъ направленіяхъ, поддерживая сообщеніе между англійскими кварталами и сѣверными предмѣстьями Бомбея.

Если ѣхать съ юга, то картины города постепенно мѣняются. Сначала широкія улицы, застроенныя великолѣпными домами и гостиницами, площади съ монументами, скверы съ искрящимися въ нихъ фонтанами; затѣмъ, на рубежѣ европейскаго города, величественное и красивое зданіе бомбейскаго вокзала, а за нимъ широко раскинулись сѣрожелтые пустыри, кое-гдѣ испещренные темными пятнами казармъ и различныхъ другихъ построекъ. Но вотъ и они кончаются, по ту сторону уже различаешь тѣсный рядъ невысокихъ, почернѣвшихъ отъ времени домиковъ, плотно окаймляющихъ сосѣдній пустырь и черезъ нѣсколько минутъ въѣзжаешь въ узкую улицу туземнаго города.

При всемъ разнообразіи типовъ индійскаго населенія, трудно найти въ Индіи городъ, въ которомъ уличная толпа заключала бы въ себѣ такъ много представителей разнообразныхъ племенъ Азіи, какъ здѣсь.

Туземный Бомбей, это—Парижъ западной Азіи, это—мѣсто, куда стекаются туземцы изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, привлекаемые сюда бойкой торговлей, промышленной дѣятельностью и оживленіемъ приморскаго города. Группы полунагихъ индусовъ, гужератцевъ и маратовъ въ разноцвѣтныхъ чалмахъ, арабы изъ Маската, завернувшіеся въ свои оригинальные бурнусы, персы изъ Персидскаго залива въ своихъ черныхъ одеждахъ и мѣховыхъ шапкахъ, негры изъ Занзибара, джаины въ высокихъ тюрбанахъ, абиссинцы, армяне въ длиннополыхъ халатахъ, парсы въ черныхъ митрахъ, евреи... Все это, перемѣшиваясь и переливаясь всевозможными красками, наполняетъ кривыя, тѣсныя улицы туземныхъ кварталовъ. Пестротой и оживленіемъ своихъ улицъ туземный Бомбей уступаетъ лишь одному Гайдерабаду. На площадяхъ, около базаровъ и на углахъ улицъ особенно тѣсно и оживленно. Гулъ голосовъ, скрипѣніе

повозокъ, запряженныхъ зебу, выкрикиваніе разнощиковъ, громкое причитаніе факира, выпрашивающаго милостыню, гнусавое пѣніе нищихъ, все это сливается въ одинъ нестройный, оглушающій хоръ, наполняющій своими звуками лабиринтъ улицъ и переулковъ туземнаго города. Вотъ на перекресткѣ двухъ узкихъ улицъ страшное столпотвореніе, навстрѣчу мнѣ двигается свадебная процесія. На нѣсколькихъ лошадяхъ, богато убранныхъ красивыми цвѣтными попонами, торжественно возсѣдаютъ молодыя женщины съ дѣтьми, одѣтыя въ платье чуть-ли не всѣхъ цвѣтовъ радуги. Вокругъ лошадей плотными рядами идутъ мужчины въ оригинальныхъ головныхъ уборахъ съ перьями и съ какими-то булавами. Впереди и сзади—группы музыкантовъ, извлекающихъ изъ своихъ трубъ, барабановъ и флейтъ оглушительные звуки... Процессія, окруженная густой толпой любопытныхъ и задерживаясь на каждомъ перекресткѣ, медленно пробирается изъ улицы въ улицу. На лицахъ всѣхъ, участвующихъ въ процессіи, застыло выраженіе торжественной важности, ни на минуту не нарушаемое ни улыбкой, ни разговоромъ. Даже дѣти, сидящія на пышно убранныхъ лошадяхъ, серьезно смотрятъ своими черными глазенками на уличную толпу, какъ будто-бы понимая торжественность обстановки.

Улицы туземнаго Бомбея интересны и своими постройками. Дома туземцевъ не велики, чаще—двухэтажные, но встрѣчаются постройки и въ три, и въ четыре этажа. Нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ еще на себѣ слѣды вліянія португальской архитектуры и почти всѣ—чрезвычайно своеобразны. Обиліе причудливыхъ балконовъ, окна и двери, украшенныя рѣзьбой, фасады съ вырѣзанными на нихъ изображеніями боговъ, навѣсы и крылечки различныхъ типовъ, все это придаетъ имъ особенный характеръ и разнообразитъ эти длинные, темные ряды построекъ, окаймляющихъ улицы.

Какъ и вездѣ въ Индіи, значительная часть города занята торговыми рядами и базарами. Въ полутемныхъ, душныхъ лавкахъ, куда васъ усиленно зазываютъ купцы, плохо говорящіе по-англійски, вы найдете все, что производитъ Индія съ сосѣдними странами. Но, конечно, больше

всего—мѣстныхъ издѣлій. Бомбей славится издѣліями изъ чернаго и сандаловаго дерева и изъ слоновой кости.

23. Улица въ туземныхъ кварталахъ Бомбея.

Въ мѣстности, называемой „базаръ Бенди", находятся арабскія конюшни, въ которыхъ содержатся лошади, привозимыя изъ Аравіи въ Бомбей на продажу. Посѣщеніе этихъ конюшенъ, особенно для любителей спорта, представляетъ большой интересъ: здѣсь можно увидѣть лучшихъ лошадей и лучшихъ наѣздниковъ Востока.

Съ осени 1896 года туземный Бомбей является очагомъ одной изъ ужаснѣйшихъ эпидемій, очагомъ чумы, которая свила себѣ прочное гнѣздо въ его тѣсныхъ, полутемныхъ и густонаселенныхъ кварталахъ. Несмотря на образцовую организацію борьбы со страшнымъ врагомъ и на огромныя суммы, ежегодно ассигнуемыя для этого англо-индійскимъ правительствомъ, чума до сихъ поръ не прекращаетъ своихъ опустошеній среди туземнаго населенія. Несмотря на всевозможныя санитарныя мѣры, на геологическія изысканія, имѣвшія цѣлью выяснить значеніе мѣстной почвы въ распространеніи эпидеміи, несмотря на рядъ карантинныхъ, предохранительныхъ мѣръ, изъ года въ годъ повторяется одно и то же явленіе: съ наступленіемъ жар-

каго времени года чума ослабѣваетъ, но съ наступленіемъ зимы опять принимается съ прежней силой за свою жестокую работу. Необходимо отдать справедливость англичанамъ, что они образцово ведутъ борьбу съ этой страшной болѣзнью, уже столько лѣтъ медленно изнуряющей Индію. И чумные госпитали Бомбея, въ стѣнахъ которыхъ за эти годы накопился обширный и многосторонній опытъ борьбы съ чумою, могутъ служить образцами учрежденій подобнаго рода.

Чума поражаетъ въ Индіи почти исключительно туземное населеніе; европейцевъ, заболѣвшихъ чумой, насчитываютъ не болѣе нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ за весь періодъ съ осени 1896 года. Такое явленіе объясняется, конечно, скверной матеріальной обстановкой туземнаго населенія. Человѣкъ, живущій въ отвратительныхъ санитарныхъ условіяхъ, плохо питающійся, полуголодный, грязный, дѣлается легкой добычей этой страшной болѣзни, набросившей траурный флеръ на нѣкоторыя доселѣ цвѣтущія области Индіи.

Вслѣдствіе опустошеній, произведенныхъ чумой, населеніе бомбейскаго президентства уменьшилось въ послѣдніе десять лѣтъ на 600 тысячъ, а города Бомбея—на 50 тысячъ человѣкъ. И это въ странѣ съ огромнымъ естественнымъ приростомъ населенія, въ странѣ, которая, не взирая на всѣ постигавшія ее за этотъ періодъ времени бѣдствія, дала, въ общемъ, увеличеніе населенія болѣе семи миліоновъ душъ!

Туристъ, посѣтившій туземный Бомбей, будетъ пораженъ почти полнымъ отсутствіемъ въ немъ признаковъ эпидеміи и спокойствіемъ населенія. Много лѣтъ разоряемый чумой, туземный Бомбей сохранилъ въ большинствѣ своихъ кварталовъ веселый, жизнерадостный характеръ.

При внимательномъ разсматриваніи домовъ возможно замѣтить на нѣкоторыхъ изъ нихъ зловѣщіе знаки въ видѣ черныхъ кружковъ и крестовъ, обозначающихъ число заболѣваній и число смертей, наблюдавшихся въ домѣ. Но эти знаки, малозамѣтные для прохожихъ и непонятные для непосвященныхъ, не измѣняютъ общаго характера улицъ туземнаго города. И лишь въ самыхъ захолустныхъ угол-

кахъ его, гдѣ старые, полусгнившіе, почернѣвшіе дома тѣсно сдвинулись въ кучу, какъ бы желая поддержать другъ друга отъ разрушенія и гдѣ они закрываютъ доступъ воздуха и свѣта въ узкіе, грязные, душные переулки, только здѣсь васъ охватываетъ тяжелое и смрадное дыханіе азіатскаго города. И вы рады, когда, миновавши лабиринтъ этихъ зловонныхъ закоулковъ, вырываетесь на свѣжій воздухъ.

Отъ сѣверной окраины туземныхъ кварталовъ недалеко до сада Victoria Gardens, который еще издали манитъ васъ подъ тѣнь своей зеленой, сочной листвы. Victoria Gardens—и ботаническій, и зоологическій садъ, и акваріумъ. Послѣ шумныхъ, душныхъ улицъ туземнаго города и безпокойной, крикливой толпы, оглушающей васъ своими нестройными звуками, васъ пріятно поражаетъ чистый воздухъ, просторъ сравнительная прохлада и чудная зелень обширнаго сада. Тѣнистыя аллеи, роскошныя клумбы цвѣтовъ, бесѣдки, обвитыя виноградомъ и плющемъ, клѣтки съ хищными звѣрями, загородки, за которыми на мягкой травѣ рѣзвятся лани, козы и серны, бассейны съ водой, наполненные земноводными... И, отдохнувши здѣсь, на лонѣ природы, отъ сильныхъ впечатлѣній туземнаго города, вы возвращаетесь освѣженный къ себѣ въ гостиницу, къ берегу тихаго синяго моря.

Ближайшія окрестности Бомбея вообще не отличаются живописностью, за исключеніемъ лишь мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Malabar Hill. Это—небольшой холмистый мысъ, далеко врѣзывающійся въ море въ юго-западномъ углу острова Бомбея. Возвышенности, заполняющія его, тянутся узкой грядой, полого спускающейся къ морю. Здѣсь, на этихъ холмахъ, покрытыхъ чудной тропической зеленью, разбросаны роскошныя виллы англичанъ и богатыхъ парсовъ, переѣзжающихъ сюда на дачу въ жаркое время года. На самой оконечности мыса, на высокомъ берегу, среди тѣнистыхъ рощъ, сбѣгающихъ къ морю, расположилась резиденція бомбейскаго губернатора—рядъ красивыхъ и богато обставленныхъ особняковъ.

Съ высоты малабарскихъ холмовъ открывается чудный видъ на море и на окрестности города. Къ востоку за широкимъ синимъ заливомъ, окаймленнымъ желтой лентой

прибрежныхъ отмелей, видна сѣрая громада обширнаго города; цѣлое море крышъ, башенъ, куполовъ и трубъ... Мѣстами свѣтло-сѣрыя пятна площадей, то тамъ, то здѣсь — темныя группы деревьевъ, длинныя линіи тѣнистыхъ аллей... Къ сѣверу мягкіе холмы убѣгаютъ въ даль, огибая туземный городъ и разбѣгаются по обширной сѣрожелтой равнинѣ. А къ югу тихо колышется могучее, необъятное море. Далеко, на горизонтѣ, тамъ, гдѣ волны синяго моря плещутся о нижній край небосклона, выплываютъ бѣлыя, кудрявыя облака, сбиваются въ живописныя группы и бѣлоснѣжными, причудливыми фигурами застываютъ на небѣ. И кажется, будто изъ таинственныхъ нѣдръ океана невѣдомыя, но могучія силы выносятъ величественные снѣговые хребты, высоко вздымающіе къ голубымъ небесамъ свои бѣлыя, красивыя вершины.

Однако, не въ этомъ главный интересъ малабарскихъ возвышенностей. Достопримѣчательностью этой мѣстности является кладбище парсовъ, знаменитыя «башни молчанія».

Религіозныя вѣрованія парсовъ, изложенныя въ священной книгѣ Зороастра Зендъ-Авестѣ, заключаютъ въ себѣ поклоненіе огню, какъ одинъ изъ наиболѣе существенныхъ догматовъ. Поклоненіе Богу подъ видомъ огня предписывалось Зороастромъ. Огонь считается у парсовъ самымъ чистымъ элементомъ, символомъ вѣчнаго и всемилостиваго Бога. Въ Бомбеѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ бомбейскаго президентства имѣются храмы огнепоклонниковъ, въ которыхъ горитъ неугасимый огонь, служащій предметомъ особаго почитанія. Кромѣ огня, парсы поклоняются и почитаютъ солнце и землю. Повсемѣстно, гдѣ они проживаютъ, можно видѣть на зарѣ толпы туземцевъ, выходящихъ въ поле и поклоняющихся здѣсь восходящему солнцу.

Поклоненіе огню и землѣ, какъ божественнымъ символамъ, привело къ исключительнымъ особенностямъ въ погребеніи покойниковъ. Огонь считается слишкомъ чистымъ для того, чтобы его можно было осквернять сожиганіемъ труповъ: земля, почитаемая за свое плодородіе, загрязнилась-бы отъ гніющихъ человѣческихъ тѣлъ. Отсюда—обыкновеніе отдавать трупы умершихъ на съѣденіе хищнымъ

птицамъ, въ особо приспособленныхъ помѣщеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „башенъ молчанія“.

Башни молчанія имѣютъ цилиндрическую форму и окружены довольно высокой, толстой каменной стѣной, выкрашенной въ бѣлую краску. Ихъ размѣры бываютъ весьма разнообразны; изъ пяти башенъ, находящихся на малабарскихъ холмахъ, самая большая имѣетъ 25 футовъ высоты и около 300 футовъ въ окружности. Внутри башенъ, въ ихъ центрѣ, находится обширный, глубокій колодецъ, а все пространство между колодцемъ и стѣной выложено камнемъ и раздѣлено на три концентрическихъ круга, въ которыхъ по радіусамъ устроены углубленія для труповъ. Наружный кругъ предназначается для мужчинъ, средній—для женщинъ, а внутренній—для дѣтей. Въ эти углубленія кладутся голые трупы, отдаваемые на растерзаніе пернатымъ хищникамъ, водящимся здѣсь въ изобиліи.

У парсовъ считается счастливой примѣтой для души покойника, если хищникъ, налетѣвшій на мертвое тѣло, прежде всего выклюетъ у него глаза: въ этомъ случаѣ его душа будетъ на небѣ. Скелетъ покойника, очищенный отъ мяса хищными птицами, предоставляется на нѣкоторое время дѣйствію солнца и дождя, а затѣмъ сбрасывается въ колодецъ, въ которомъ медленно истлѣваетъ.

Внутрь башенъ молчанія никто никогда не входитъ, кромѣ могильщиковъ, «насръ-саларовъ», живущихъ здѣсь и составляющихъ особую низшую касту парсовъ, совершенно обособленную и замкнутую. Прикосновеніе къ трупу считается до такой степени осквернительнымъ для человѣка, что даже эти люди, совершая погребеніе, одѣваютъ перчатки и держатъ мертвое тѣло особыми щипцами. Парсы, присутствующіе при погребеніи, послѣ того, какъ насръ-салары унесутъ покойника въ башню, отправляются въ особое помѣщеніе, гдѣ подвергаютъ себя различнымъ очистительнымъ обрядностямъ. Внутренность башенъ никогда не оглашается человѣческимъ голосомъ и одинъ лишь крикъ хищной птицы нарушаетъ ихъ гробовое молчаніе.

Способъ погребенія мертвыхъ въ башняхъ молчанія имѣетъ глубокій смыслъ равенства всѣхъ людей передъ строгимъ лицомъ смерти, не знающей никакихъ различій

въ человѣческомъ родѣ. И здѣсь, за этими таинственными стѣнами, въ безмолвной тишинѣ башни, лежатъ рядомъ и богачъ, жившій въ роскоши и довольствѣ, и бѣднякъ, съ трудомъ добывавшій себѣ свое скудное пропитаніе.

На стѣнахъ башенъ молчанія постоянно можно увидѣть десятки и сотни хищныхъ птицъ, ожидающихъ легкой добычи. Орлы, грифы, коршуны и вороны тучами слетаются сюда со всѣхъ окрестностей на мрачный пиръ, въ которомъ съ яростью оспариваютъ другъ у друга каждый кусокъ своей отвратительной пищи. И видъ этихъ хищниковъ съ лысыми головами и длинными острыми клювами, загаженными гнилью, производитъ удручающее впечатлѣніе.

Бомбейскія башни молчанія расположены на самомъ возвышенномъ мѣстѣ Малабара, откуда открывается лучшій въ Бомбеѣ видъ на окрестности. Парсы, мрачно обставляя погребеніе своихъ покойниковъ, сдѣлали все, что возможно, чтобы смягчить здѣсь тяжелое впечатлѣніе: бѣлая окраска башенныхъ стѣнъ, красивый садъ возлѣ молитвеннаго дома, полный чудныхъ цвѣтовъ и стройныхъ кипарисовъ и, наконецъ,—что самое главное—восхитительное мѣстоположеніе съ прекраснымъ видомъ на море. И когда послѣ мрачнаго зрѣлища погребальной процесіи, предшествуемой бородатыми насръ-саларами и привѣтствуемой зловѣщимъ крикомъ хищниковъ, которые окаймляютъ черной полосой, точно трауромъ, бѣлыя стѣны башенъ молчанія, посмотришь на лежащія у ногъ окрестности, полныя жизни, красокъ и разнообразія, на веселое, залитое солнцемъ море, тихо вздымающее свою богатырскую грудь и мягко ударяющее въ низкій песчаный берегъ, уходишь отсюда съ легкимъ сердцемъ, спокойный, умиротворенный...

VII. Въ Бенгаліи.

Отъ Бомбея до Калькуты—двое сутокъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Въ теченіе этого времени поѣздъ переноситъ туриста съ западнаго берега Индіи на восточный, изъ сухихъ, безлѣсныхъ и душныхъ ущелій западныхъ Гатовъ въ сырыя и лѣсистыя равнины Бенгаліи. Здѣсь приходится перерѣзывать Индію въ ея наиболѣе широкомъ мѣстѣ и наблюдать безконечное разнообразіе въ картинахъ природы и типахъ мѣстнаго населенія.

Но самые интересные участки пути—на оконечностяхъ этого направленія: въ западныхъ Гатахъ и въ Бенгаліи.

Въ 50 верстахъ отъ Бомбея желѣзная дорога подымается на Деканское плоскогорье. Около станціи Косара поѣздъ втягивается въ ущелье Таль и вступаетъ въ невысокія, скалистыя горы. Равнинный ландшафтъ смѣняется горнымъ. Начинаются скалы, обрывы, ущелья съ пѣнистыми ручьями, подъемы и спуски, тонели и віадуки. Поѣздъ медленно взбирается все выше и выше, съ трудомъ пробираясь среди каменистыхъ горъ, обступившихъ его со всѣхъ сторонъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ становятся меньше, положе и мало по малу разбѣгаются въ стороны. У станціи Деолали поѣздъ, взобравшись на высоту около 2.000 ф. надъ уровнемъ моря вырывается на просторъ необъятныхъ равнинъ Деканскаго плоскогорья.

По сторонамъ пути картины природы смѣняются одна другой съ волшебной быстротой и уносятся въ мглистую даль, отъ которой мы убѣгаемъ все дальше и дальше. Золотисто-желтыя поля, заключенныя въ зеленую рамку пальмовыхъ рощъ, темныя пятна селеній, пустыри съ выжженной травой и разбросанными по нимъ каменными валунами, группы лѣса...

А надъ всѣмъ этимъ попрежнему сіяетъ горячее индійское солнце, обливающее землю тяжелымъ, изнуряющимъ зноемъ.

Отъ Бомбея въ одномъ со мной вагонѣ ѣхалъ англійскій джентльменъ, уничтожавшій въ огромномъ количествѣ апельсины, которые онъ везъ съ собой въ особой корзинѣ. Нѣсколько перегоновъ мы косились другъ на друга и молча скучали. Но затѣмъ разговоръ завязался какъ-то незамѣтно, самъ собой.

— Скажите, зачѣмъ вы пріѣхали въ Индію?—спросилъ меня, между прочимъ, англичанинъ, ловко очищая кожанымъ ножикомъ крупный апельсинъ, полный кроваво-краснаго сока.

— Я знаю—каждый русскій представляется вамъ шпіономъ, отвѣтилъ я ему.—Но успокойтесь, я пріѣхалъ сюда безъ всякихъ дурныхъ намѣреній: я люблю природу и путешествія и хочу усовершенствоваться въ англійскомъ языкѣ...

— Однако, для послѣдняго было-бы лучше отправиться въ Англію, небрежно вставилъ мой собесѣдникъ, кинувъ на меня недовѣрчивый взглядъ. А впрочемъ, добавилъ онъ, мнѣ, въ сущности, рѣшительно все равно, зачѣмъ вы сюда пріѣхали. Вотъ скажите лучше, скоро-ли вы, русскіе, соберетесь походомъ къ берегамъ Инда? Я думаю, что въ Россіи мечта о походѣ въ Индію никогда не исчезаетъ и заботливо передается изъ поколѣнія въ поколѣніе...

— Глубоко ошибаетесь, сэръ! Ваши соотечественники имѣютъ совершенно превратное представленіе о завоевательныхъ намѣреніяхъ Россіи. Посудите сами, зачѣмъ намъ Индія? Земли и всевозможныхъ туземцевъ у насъ самихъ такъ много, что не всегда мы знаемъ—что дѣлать съ ними, и съ послѣдними у насъ довольно хлопотъ и безъ Индіи. Вы, англичане, обладаете болѣе прочной, чѣмъ мы, культурой, вы богаче насъ и вы имѣете обширный опытъ въ управленіи туземнымъ населеніемъ во всѣхъ частяхъ свѣта, да и то едва справляетесь со своими задачами въ Индіи. У насъ-же нѣтъ ни достаточныхъ средствъ, ни необходимаго количества хорошо подготовленныхъ чиновниковъ для того, чтобы, добавивъ къ своимъ полутораста милліонамъ

еще триста милліоновъ населенія Индіи, удовлетворительно управлять этой несмѣтной, разноязычной, разноплеменной массой людей. Завоеваніе Индіи, не принеся намъ никакихъ существенныхъ выгодъ, ослабитъ насъ, потому что мы не обладаемъ способностью выжимать соки изъ завоеванныхъ странъ, а отдаемъ имъ свои лучшія производительныя силы. Между вами и нами есть маленькая разница: у васъ жирѣютъ англичане, а голодаютъ индусы, у насъ-же благоденствуютъ азіаты-туземцы, а голодаетъ русскій мужикъ. При такихъ обстоятельствахъ, на что намъ ваша Индія?

— Послушать васъ, такъ придешь къ заключенію, что Россія чужда всякихъ завоевательныхъ плановъ, а между тѣмъ въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ вы постоянно пробираетесь все ближе и ближе къ Индіи и по временамъ мы уже чувствуемъ здѣсь всю силу вашего натиска.

— Да, нажимать бываетъ иногда очень полезно и угроза вашей безопасности въ Индіи—одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для огражденія нашихъ интересовъ въ другихъ частяхъ свѣта, но наше движеніе въ Средней Азіи—явленіе стихійное и мечты о походѣ въ Индію здѣсь не причемъ. Я знаю, что вамъ странно слышать подобныя увѣренія и вы не вѣрите имъ, но что-же дѣлать? Все же намъ совершенно не нужна ваша прекрасная Индія...

Мой собесѣдникъ лукаво улыбается и смотритъ въ окно на обширную воздѣланную равнину, сливающуюся на горизонтѣ съ темно-голубымъ безоблачнымъ небомъ. Онъ смотритъ на тучныя поля, раскинутыя по сторонамъ дороги, на роскошныя рощи фруктовыхъ деревьевъ, на залитую горячимъ солнцемъ плодородную землю и мнѣ кажется, что ему представляется совершенно непонятнымъ, какъ можно не желать пріобрѣсти эти благословенныя земли.

Мы ѣдемъ чрезвычайно быстро и одна станція мелькаетъ за другой, не оставляя по себѣ никакого воспоминанія. Кое-гдѣ встрѣчаются чумные изоляціонные лагери, наполненные туземцами. Грустное зрѣлище представляютъ они собой на фонѣ роскошной природы! Подъ дырявыми, соломенными навѣсами, голые, полуголодные, изнываютъ

сотни индусовъ въ ожиданіи своего освобожденія отъ необходимаго, но жестокаго плѣна. Раза два по пути чума напоминала намъ о себѣ въ образѣ санитарнаго чиновника, который испытующимъ взоромъ оглядывалъ насъ съ головы до ногъ, освѣдомлялся откуда и куда мы ѣдемъ и затѣмъ отпускалъ насъ. Мы облегченно вздыхали и ѣхали далѣе.

На второй день послѣ выѣзда изъ Бомбея характеръ мѣстности, по которой пролегаетъ желѣзная дорога въ Калькуту, нѣсколько измѣнился; все чаще и чаще стали встрѣчаться лѣса, занимающіе огромныя площади, и растительность становилась гуще и разнообразнѣе. Мѣстами поля и селенія совершенно терялись въ обширномъ морѣ лѣсной растительности, охватывавшей полотно дороги на цѣлые десятки верстъ. Оригинальный видъ имѣютъ индійскіе лѣса въ жаркое время года! Страшный зной и отсутствіе атмосферныхъ осадковъ влекутъ за собой сильный листопадъ и въ это время лѣса стоятъ полуголые, съ рѣдкой, пожелтѣвшей листвой,—какъ у насъ осенью. Это время—лучшее для охоты по звѣрю. Тигръ, лишаясь возможности прятаться въ зарослякъ, которыя становятся рѣдкими и вынужденный совершать дальнія экскурсіи для водопоя, дѣлается въ это время сравнительно легкой добычей охотниковъ.

Весной, въ періодъ жаровъ, когда на лугахъ и пастбищахъ трава выгораетъ отъ засухи и зноя, туземцы выжигаютъ ее на огромныхъ пространствахъ. На выжженныхъ мѣстахъ, послѣ лѣтнихъ дождей, почва, удобренная золой и обильно напоенная влагой, покрывается роскошной травянистой растительностью. Выжиганіе травы производится по обширнымъ кругамъ, отъ которыхъ пламя постепенно распространяется какъ внутрь, такъ и внаружу, быстро пожирая сухой травянистый покровъ. Красиво выглядятъ эти луговые пожары въ темные вечера, когда густой мракъ окутываетъ горячую землю! Огневыя кольца пылаютъ то здѣсь, то тамъ, то суживаются, то расширяются, медленно ползутъ одно на встрѣчу другому и мѣстами сливаются въ сплошное море огня. Въ тепломъ и душномъ воздухѣ слышенъ запахъ гари и дымъ собирается надъ землей сѣрыми пластами, чуть колеблемыми вѣтромъ.

Въ концѣ второго дня турист въѣзжаетъ въ предѣлы Бенгаліи. Здѣсь еще больше лѣсовъ и еще богаче и разнообразнѣе растительность. Чистый пальмовый лѣсъ исчезаетъ совершенно и замѣняется густыми чащами бамбука, пальмъ и различныхъ лиственныхъ породъ, образующихъ рѣдкіе по красотѣ и разнообразію, раскинутые на огромномъ пространствѣ, почти дѣвственные лѣса. Поѣздъ по цѣлымъ часамъ мчится среди гигантскихъ пучковъ перистаго бамбука, среди диковинныхъ деревьевъ, опутанныхъ ліанами, среди селеній, совершенно скрытыхъ подъ сѣнью широколистныхъ пальмъ...

Ближайшія окрестности Калькуты мы проѣхали ночью, а утромъ 19-го марта прибыли въ столицу Индіи.

Калькута—первый по пространству и количеству населенія городъ Индіи; въ немъ насчитывается болѣе миліона жителей, состоящихъ изъ представителей различныхъ племенъ южной и восточной Азіи. Калькута служитъ резиденціей вице-короля и мѣстомъ расположенія центральныхъ правительственныхъ учрежденій. Она находится въ южной, приморской полосѣ Бенгаліи, изрѣзанной многочисленными протоками обширной дельты рѣки Ганга и раскинута верстахъ въ 60 отъ берега моря на лѣвомъ берегу одного изъ рукавовъ послѣдней—рѣки Хугли. Несмотря на свою отдаленность отъ моря, Калькута имѣетъ въ полной мѣрѣ характеръ приморскаго города. Рѣка Хугли, доступная для плаванія большихъ океанскихъ судовъ, постоянно загромождена пароходами всевозможныхъ націй, приходящими сюда со всѣхъ странъ свѣта и бойкая портовая жизнь съ утра до вечера кипитъ ключемъ на многочисленныхъ пристаняхъ Хугли. Плаваніе по этой рѣкѣ, несмотря на ея размѣры и многоводіе, затруднительно и опасно, вслѣдствіе весьма быстрыхъ перемѣнъ, происходящихъ въ фарватерѣ рѣки; послѣднія обусловливаются сильнымъ теченіемъ воды въ рѣкѣ Гангѣ и его рукавахъ и огромнымъ количествомъ песку и ила, приносимыхъ рѣкой изъ прибрежныхъ равнинъ, гдѣ она течетъ въ лѣсовыхъ берегахъ, подвергающихся постоянному размыванію. Эти осадки то скопляются въ одномъ мѣстѣ, то размываются водой и уносятся въ другое мѣсто, то выносятся въ оке-

анъ. Мели безпрестанно измѣняются и числомъ, и своимъ расположеніемъ, вынуждая содержать команды опытныхъ лоцмановъ и лоцманскую станцію при впаденіи въ океанъ рѣки Хугли.

Англійскіе кварталы Калькуты вполнѣ напоминаютъ своимъ внѣшнимъ видомъ европейскіе города: широкія, хорошо мощеныя улицы, высокіе каменные дома, обиліе европейскихъ магазиновъ, сады и скверы, трамваи. Но здѣсь уже нѣтъ такихъ красивыхъ и величественныхъ зданій, какъ въ Бомбеѣ. Лучшія въ городѣ постройки поражаютъ наблюдателя своимъ грубоватымъ стилемъ. Послѣ легкихъ, художественныхъ архитектурныхъ созданій Бомбея эти тяжеловѣсныя и угрюмыя постройки не производятъ пріятнаго впечатлѣнія.

24. Улица въ Калькутѣ.

Европейскіе кварталы Калькуты занимаютъ южную часть города и охватываютъ съ двухъ сторонъ обширное пространство, называемое Майданомъ и служащее мѣстомъ гулянія для европейскаго населенія. Майданъ примыкаетъ непосредственно къ берегу рѣки Хугли, гдѣ стоитъ небольшой фортъ Вильямъ, укрѣпленіе старой постройки, для котораго Майданъ служилъ когда то эспланадой. Юж-

нѣе форта по берегу рѣки расположены одна возлѣ другой пристани и доки Калькуты.

Прибывши въ городъ, я заѣхалъ предварительно въ одну изъ гостиницъ, но уже на слѣдующій день перебрался на жительство въ зданіе индійскаго музея, въ квартиру доктора Олькока, занимающаго должность завѣдывающаго этимъ ученымъ учрежденіемъ Индіи. Олькокъ принималъ въ 1895 году участіе въ качествѣ натуралиста въ памирской разграничительной комиссіи, отъ одного изъ русскихъ членовъ которой у меня и имѣлось къ нему рекомендательное письмо. Въ теченіе всего своего пребыванія въ Калькутѣ я пользовался его любезнымъ гостепріимствомъ подъ высокими сводами индійскаго музея.

Индійскій музей представляетъ собой колоссальныхъ размѣровъ двухэтажное зданіе, построенное тремя фасами и выходящее главнымъ фасадомъ на Майданъ и рѣку Хугли. Онъ заключаетъ въ себѣ богатѣйшія естественно-историческія колекціи, относящіяся къ Индіи и сопредѣльнымъ съ ней странамъ. Натуралистъ, археологъ, геологъ, любители рѣдкостей и старины найдутъ здѣсь обширный матеріалъ для изученія, и обозрѣніе длинныхъ залъ величественнаго музея, полнаго разнообразныхъ образцовъ физическаго міра Индіи, дастъ имъ много памятныхъ впечатлѣній.

Калькутскій Майданъ въ теченіе дня нѣсколько разъ мѣняетъ свою физіономію. Утромъ, пока еще солнце не успѣло накалить воздухъ и землю, поверхность Майдана пестритъ войсками, которыя медленно выходятъ изъ стараго форта и расходятся для ученій въ разныя стороны. Слышенъ рѣзкій звукъ рожка, глухое рокотаніе барабана, топотъ конскихъ ногъ, лязгъ оружія и отрывистыя слова командъ. Въ одномъ мѣстѣ видны высокіе тюрбаны сейковъ, въ другомъ—красивые значки бенгальскихъ уланъ, въ третьемъ—сѣрые шлемы англійской пѣхоты. Роты и эскадроны то разсыпаются по полю, то вытягиваются длинными колоннами, извивающимися подобно гигантскимъ змѣямъ... Но около полудня все это начинаетъ стягиваться къ форту и старое угрюмое укрѣпленіе постепенно поглощаетъ въ своихъ нѣдрахъ пестрыя колонны обучавшихся войскъ. И тогда Майданъ стоитъ пустынный и молчаливый, изнывая

подъ горячимъ солнцемъ, обливающимъ его обильнымъ потокомъ своихъ горячихъ лучей. Но когда дневное свѣтило опускается къ горизонту, на дорожкахъ и алеяхъ Майдана появляются толпами голые люди съ большими кожаными мѣшками, наполненными водой и обильно льютъ воду на истомленную зноемъ, жаждущую, сухую, пыльную землю. Это—„бисти“, туземные водоносы, подготовляющіе поверхность Майдана для прогулокъ европейскаго населенія. И вскорѣ послѣ этого, когда, подъ струями мутной воды, зелень освѣжится, а пыль на дорожкахъ Майдана напитается влагой, съ разныхъ концовъ англійскаго города начинаютъ появляться экипажи, верховые, велосипедисты и пѣшеходы. Все европейское населеніе Калькуты покидаетъ душныя улицы раскаленнаго солнцемъ города и спѣшитъ на просторъ напоеннаго влагой, прохладнаго Майдана, обвѣваемаго вечернимъ бризомъ, дующимъ съ моря. Въ эти часы можно увидѣть здѣсь все, что есть болѣе богатаго и знатнаго въ столицѣ Индіи. Длинныя вереницы колясокъ, кэбовъ и шарабановъ медленно тянутся вдоль берега рѣки, огибаютъ съ юга зеленый гласисъ форта, разбѣгаются здѣсь по нѣсколькимъ дорожкамъ, прорѣзывающимъ Майданъ, но затѣмъ опять вытягиваются одинъ за другимъ на набережной Хугли. Кучера и выѣздные лакеи въ красивыхъ туземныхъ одеждахъ, въ высокихъ цвѣтныхъ тюрбанахъ и яркихъ лентахъ, перекинутыхъ черезъ плечи, придаютъ этой блестящей толпѣ весьма оригинальный характеръ. И долго еще послѣ того, какъ солнце скроется за постройками противоположнаго берега Хугли, а сумерки окутаютъ городъ, Майданъ сохраняетъ свое вечернее оживленіе. Съ юга, отъ моря, дуетъ свѣжій прохладный вѣтеръ и гонитъ надъ землей вереницы облаковъ, закрывающихъ яркія звѣзды, загорающіяся на темномъ голубомъ небѣ. Надъ рѣкой уже тихо, вдали утихаетъ громадный городъ, испускающій передъ сномъ послѣдніе вздохи, а ночь все крѣпче и крѣпче охватываетъ землю... Неохотно покидаешь прохладный, зеленый Майданъ и возвращаешься въ душный, засыпающій городъ.

Какъ и повсемѣстно въ Индіи, одно обозрѣніе европейскихъ кварталовъ не даетъ надлежащаго представленія

о характерѣ города. Для того, чтобы въ полной мѣрѣ уяснить себѣ физіономію послѣдняго, необходимо хоть на короткое время окунуться въ омутъ шумной, безпорядочной жизни туземнаго города.

25. Бульваръ на окраинѣ калькутскаго Майдана.

Азіатскіе кварталы Калькуты занимаютъ ея сѣверную половину и раскинуты на огромномъ пространствѣ вдоль берега Хугли. Узкія улицы извиваются во всевозможныхъ направленіяхъ, среди почернѣвшихъ отъ старости, грязныхъ, тѣсно ихъ обступившихъ домовъ. Нижніе этажи послѣднихъ заняты многочисленными лавками. На площадяхъ и на улицахъ снуютъ толпы голыхъ, темнобурыхъ людей, наполняющихъ воздухъ шумомъ и гамомъ. Здѣсь можно увидѣть представителей чуть-ли не всѣхъ народностей Азіи и здѣсь впервые туристъ встрѣчаетъ монгольскій типъ, рѣзко выдѣляющійся на общемъ фонѣ индусскаго населенія. Калькута является мѣстомъ соприкосновенія міра монгольскаго

съ міромъ арійскимъ; двѣ расы, занявшія почти всю Азію, но разселившіяся каждая самостоятельно, сходятся здѣсь, на низовьяхъ Ганга, въ тѣсныхъ улицахъ индійскаго города. Сколько здѣсь нестроты, шума, разнообразныхъ типовъ и безобразія! Вотъ цѣлый кварталъ, населенный исключительно китайцами; они всѣ поголовно—сапожники; обувь всевозможныхъ видовъ кучами сложена въ тѣсныхъ и грязныхъ лавкахъ, въ которыхъ копошатся полуголые сыны Поднебесной имперіи. Здѣсь сильно пахнетъ кожей, сапожнымъ варомъ и тѣмъ специфическимъ удушливымъ запахомъ, который свойственъ однимъ лишь китайцамъ. Вотъ група голыхъ калѣкъ, демонстративно выставляющихъ на показъ свое физическое безобразіе; гнусавыми голосами, на распѣвъ, они произносятъ какія-то молитвы, обращаясь съ протянутыми руками къ прохожимъ. Видъ ихъ, особенно въ этой грязной обстановкѣ туземнаго города, производитъ отвратительное впечатлѣніе.

Нѣсколько далѣе—цѣлый рядъ туземныхъ закусочныхъ; здѣсь слышенъ запахъ гари, сквернаго масла и какихъ-то сильно пахучихъ овощей. Приготовленіе пищи производится на глазахъ у прохожихъ и часто даже на улицѣ. Вокругъ большой деревянной миски сидятъ нѣсколько голыхъ туземцевъ и темно-бурыми руками мѣсятъ какое-то тѣсто, похожее на глину. Рядомъ съ ними старикъ-индусъ, съ черной кожей, покрытой сѣдыми волосами и съ отвисшей грудью какъ у женщины, мѣшаетъ огромной ложкой въ котлѣ, подвѣшенномъ надъ огнемъ. А напротивъ—совершенно другія сцены: цирюльникъ, усѣвшись на землю съ посѣтителемъ, быстро бреетъ его черную наклоненную голову, туземный хирургъ, вооружившись какимъ-либо первобытнымъ орудіемъ, вынимаетъ у прохожаго занозу изъ ноги, срѣзаетъ ноготь, или дѣлаетъ какую нибудь другую операцію. Все здѣсь производится на улицѣ, на виду у всѣхъ, и это вноситъ поразительную сутоколу въ уличную жизнь туземнаго города. Повсюду давка, толкотня и шумъ, оглушающій непривычнаго наблюдателя. Пробираясь по узкимъ, вонючимъ улицамъ среди этого оригинальнаго населенія, наблюдаешь за всѣмъ окружающимъ съ вели-

чайшимъ интересомъ, но вырвавшись изъ этого омута, вздохнешь облегченно.

Ни въ европейской, ни въ туземной Калькутѣ нѣтъ архитектурныхъ памятниковъ, достойныхъ особеннаго вниманія туриста. Здѣсь нѣтъ и достопримѣчательностей среди индусскихъ храмовъ. Изъ послѣднихъ заслуживаетъ осмотра лишь храмъ джайновъ, но и то не столько по своей архитектурѣ, отличающейся легкостью и изяществомъ стиля сколько по оригинальнымъ особенностямъ той религіи, послѣдователи которой возносятъ здѣсь свои молитвы къ Богу. Джайны-индусы составляютъ съ древнѣйшихъ временъ особую религіозную секту. Джайнизмъ представляетъ собой точное воспроизведеніе буддизма, хотя онъ всегда существовалъ наряду съ послѣднимъ, не только не сливаясь съ нимъ, но даже постоянно съ нимъ враждуя. Джайны утверждаютъ, что Буда былъ ученикомъ ихъ основателя Джина и что ихъ религія древнѣе буддизма. Они раздѣляются на двѣ секты: шветамбары или «бѣлыя одежды» и дигамбары, или «одѣвающіеся воздухомъ», т. е. тѣ, которые ходятъ голыми. Замѣчательной особенностью джайнизма является доведенная до крайности «ахимса» или уваженіе ко всему живому и воздержаніе отъ употребленія животной пищи. Джайны не только не ѣдятъ мяса, но не пьютъ другой воды, кромѣ фильтрованной, дышатъ черезъ вуаль и ходятъ, подметая передъ собой землю, изъ опасенія раздавить какое-нибудь маленькое животное.

Разсказываютъ, что однажды одинъ англичанинъ показалъ старику-джайну въ микроскопъ каплю воды, въ которой онъ увидѣлъ живыхъ организмовъ. «Горе мнѣ»! воскликнулъ благочестивый старикъ. „Съ этой минуты я уже не могу пить воду!“ И спустя нѣсколько дней онъ умеръ отъ жажды. Когда то джайны составляли господствующую религіозную секту въ Деканѣ, но въ настоящее время разбросаны въ небольшомъ количествѣ въ южной и восточной Индіи и, какъ церковь, находятся въ упадкѣ. Они занимаются на югѣ земледѣліемъ, а въ прочихъ мѣстахъ—торговлей. Почти во всѣхъ большихъ городахъ Пенджаба и Бенгаліи ихъ можно встрѣтить въ качествѣ негоціантовъ и

банкировъ, но здѣсь ихъ богатыя общины не сохраняютъ уже слѣдовъ религіознаго аскетизма.

Какъ обломокъ буддизма, съ поразительной устойчивостью сохраняющійся много вѣковъ среди чуждаго ему моря новобрахманскихъ религій, господствующихъ нынѣ въ Индіи, джайнизмъ представляетъ глубокій интересъ для историка.

VIII. Въ Центральныхъ Гималаяхъ.

Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Калькутѣ, я рѣшилъ посѣтить Центральныя Гималаи. Эти высочайшія въ мірѣ горы, вздымающіяся высокимъ снѣговымъ барьеромъ на сѣверѣ Бенгаліи, уже давно манили меня своимъ величіемъ и красотой своихъ видовъ, о которыхъ мнѣ приходилось читать восторженные отзывы многихъ путешественниковъ. Еще на школьной скамьѣ мы зубрили, что гималайскій пикъ Эверестъ — высочайшая на землѣ вершина. Увидѣть эти чудовищныя горы собственными глазами, полюбоваться на ихъ снѣга, а можетъ быть даже и побродить по нимъ — представлялось мнѣ въ высшей степени заманчивымъ. Страсть къ альпинизму влекла меня на сѣверъ Бенгаліи, гдѣ на небѣ, голубомъ какъ бирюза, облака перемѣшивались со снѣговыми вершинами. Тамъ, среди послѣднихъ, стоятъ великаны, на ряду съ которыми наши Эльбрусъ и Казбекъ должны казаться пигмеями. Эверестъ на 10 съ лишнимъ тысячъ футовъ выше Эльбруса и почти на 13 тысячъ футовъ превышаетъ Казбекъ! Для того, чтобы получить одну Кинчинжангу или Эверестъ, нужно поставить одинъ на другой два Монблана *). Горы манили меня и своей прохладой, за которой уже тосковалъ организмъ, выросшій на сѣверѣ и изнывавшій въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ тропическаго зноя.

Бывало въ Калькутѣ, сидя вечеромъ на балконѣ въ ожиданіи прохладнаго времени и сна, смотришь на густыя массы

*) Приводимъ здѣсь для сравненія высоты упоминаемыхъ горъ: Эверестъ — 29,002, Кинчинжанга — 28,156, Эльбрусъ 18,470, Казбекъ — 16,600 и Монбланъ — 15,800 футовъ надъ уровнемъ моря.

облаковъ, бѣгущихъ съ морского берега куда-то на сѣверъ и съ завистью думаешь, что они выльются тамъ на горахъ и смочатъ своей влагой истомленную засухой землю. Эти облака почти каждый вечеръ неслись надъ раскаленнымъ городомъ, возбуждая во мнѣ тщетныя надежды на прохладу и, ложась спать, я неизмѣнно мечталъ о дождѣ. Но утромъ я опять видѣлъ безоблачное, знойное небо, и душный воздухъ попрежнему густой волной вливался со двора въ мою комнату. Скорѣе въ горы, нужно отдохнуть отъ этого пекла тропическихъ странъ!

27-го марта, послѣ полудня, поблагодаривши своихъ любезныхъ хозяевъ за гостепріимство, я уложилъ свой багажъ въ наемную карету и уѣхалъ на Сельдахскій вокзалъ, съ котораго отправляются поѣзда въ Дарджилингъ, одну изъ лучшихъ климатическихъ станцій Индіи, расположенную въ Центральныхъ Гималаяхъ. Въ пятомъ часу пополудни поѣздъ восточно-бенгальской желѣзной дороги увезъ меня изъ Калькуты.

До наступленія темноты, пока возможно было наблюдать окрестности, характевъ бенгальскихъ равнинъ не представлялъ собою ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что я уже видѣлъ проѣзжая по Бенгаліи. Но чѣмъ далѣе мы подвигались къ сѣверу, тѣмъ красивѣе становились лѣса и тѣмъ свѣжѣе казалась растительность. Около 8 час. вечера поѣздъ достигъ р. Ганга.

Въ этой части Индіи, рѣки, протекая въ лёсовыхъ берегахъ, легко размываемыхъ ихъ теченіемъ, очень часто мѣняютъ свое русло, перемѣщаясь то въ одну, то въ другую сторону въ своихъ широкихъ долинахъ. Эти перемѣщенія воды въ Гангѣ представляютъ собою настолько большія колебанія и размыванія береговъ происходятъ такъ энергично, что нѣтъ никакой возможности устроить въ этихъ мѣстахъ черезъ рѣку мостовую переправу. Поѣздъ подвозитъ пассажировъ къ берегу Ганга, а отсюда ихъ доставляютъ на паровомъ паромѣ на противоположную сторону рѣки, гдѣ ихъ ожидаетъ другой поѣздъ, тотчасъ же отходящій далѣе къ сѣверу.

Уже было совершенно темно, когда поѣздъ остановился на станціи Дамугдія-Гатъ, гдѣ нужно было пересаживаться

въ паромъ. Отъ вагона пришлось пройти еще нѣсколько сотъ шаговъ по рѣчному песку, въ которомъ глубоко вязли ноги, и затѣмъ довольно круто спускаться по хорошо разработанному спуску, раздѣланному въ мощныхъ пластахъ лёса, изъ котораго сложены берега рѣки Ганга. Спустя нѣсколько минутъ пасажиры и багажъ — уже на паромѣ и мы тихо отчаливаемъ отъ берега.

Переѣздъ черезъ рѣку занимаетъ лишь около получаса времени. Такъ какъ время переѣзда совпадаетъ съ обѣденнымъ часомъ (8 часовъ вечера), то большая палуба парома превращается въ эти минуты въ столовую. Пассажиры, торопливо перебравшіеся сюда съ ручнымъ багажемъ, шумно разсаживаются за длинные столы и приступаютъ къ обѣду.

Послѣ душныхъ, пыльныхъ вагоновъ такъ пріятно вдыхать прохладный, влажный воздухъ рѣки и видѣть надъ собой усѣянное яркими звѣздами небо! Послѣ однообразнаго и надоѣдливаго стука вагонныхъ колесъ, такъ пріятно ласкаетъ слухъ тихій плескъ воды и журчаніе струй, обтекающихъ корпусъ парома.

Окружавшая насъ картина была полна поэтической прелести. Луна, уже разгоравшаяся на небѣ, освѣщала своимъ мягкимъ свѣтомъ широкую гладь рѣки и ея низкіе берега; по рѣкѣ въ различныхъ направленіяхъ безшумно двигались рыбачьи лодки съ огнями, точно живыя существа съ зоркимъ глазомъ, и окрики рыбаковъ раздавались иногда въ тихомъ вечернемъ воздухѣ, гулко разносясь надъ рѣкой и замирая въ отдаленіи.

Но вотъ и противоположный берегъ рѣки. Пассажиры расчитываются за обѣдъ и шумной толпой сходятъ на берегъ, гдѣ торопливо разсаживаются по вагонамъ. Это — станція Сара-Гатъ. Здѣсь начинается сѣверо-бенгальская желѣзная дорога. Черезъ нѣсколько минутъ я опять въ вагонѣ и опять поѣздъ несетъ меня къ сѣверу.

По эту сторону Ганга здѣлалось значительно прохладнѣе; сильный вѣтеръ свѣжей струей врывался въ открытыя окна и успѣшно боролся съ духотой, наполнявшей вагоны. Вскорѣ за Сара-Гатомъ я и мои спутники по вагону улеглись спать, воспользовавшись прохладой.

Стояло еще раннее свѣжее утро, когда поѣздъ при-

былъ на станцію Силигури, гдѣ кончается сѣверо-бенгальская желѣзная дорога и начинается гималайская. Здѣсь бенгальскія равнины упираются въ подножіе Гималайскихъ предгорій, ведущихъ, подобно гигантскимъ ступенямъ, къ величественнымъ снѣговымъ вершинамъ главнаго хребта.

Гималайская желѣзная дорога имѣетъ протяженіе около 75 верстъ и связываетъ Бенгалію съ Дарджилингомъ, расположеннымъ на высотѣ около 7,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Она похоже болѣе на паровой трамвай, чѣмъ на желѣзную дорогу: ширина колеи всего 2 фута, вагоны маленькіе, открытые сбоку, съ поперечными сидѣніями, скорость движенія около 15 верстъ въ часъ. Въ теченіе каждаго часа туристъ поднимается, въ среднемъ, по одной тысячѣ футовъ. Весь переѣздъ отъ Силигури до Дарджилинга занимаетъ около 7 часовъ времени. Для гималайской желѣзной дороги нѣтъ особаго полотна, а рельсы положены на шпалахъ по краю шоссе, ведущаго въ Дарджилингъ и лишь кое-гдѣ устроены обходные пути. Рядомъ съ поѣздомъ совершается довольно оживленное движеніе туземныхъ повозокъ и пѣшеходовъ; часто случается, что повозки ѣдутъ по рельсамъ и тогда маленькій паровозъ сердито свиститъ, сгоняя ихъ въ сторону.

Путь отъ Силигури до Дарджилинга положительно восхитителенъ. Уже въ нѣсколькихъ верстахъ за станціей начинается подъемъ и поѣздъ вступаетъ въ невысокіе холмы, покрытые чуднымъ тропическимъ лѣсомъ. По сторонамъ пути стоятъ высокой стѣной гигантскіе дубы, обвитые цѣпкими ліанами, перекинутыми съ дерева на дерево и связующими тысячи лѣсныхъ великановъ въ одну нераздѣльную, плотную массу; золотистый бамбукъ колоссальными пучками окаймляетъ дубовыя рощи и склоняетъ надъ дорогой свои красивыя, перистыя вѣтви; густой папортникъ, высокій и толстый, покрываетъ землю непроницаемой темно-зеленой чащей, сквозь которую лишь кое-гдѣ выглядываютъ сплетенные въ громадные узлы мощные корни дубовъ. Сначала по сторонамъ ничего не видно, кромѣ этого густого, молчаливаго, дѣвственнаго лѣса, но затѣмъ поѣздъ постепенно взбирается по холмамъ и передъ глазами туриста открываются великолѣпные виды.

Глубокія долины съ серебристыми лентами ручьевъ, крутые скаты, поросшіе кустарникомъ, обрывы, гряды лѣсистыхъ горъ, громоздящихся все выше и выше къ сѣверу, а мѣстами обширныя чайныя плантаціи, раздвинувши дремучій, темный лѣсъ, покрываютъ скаты и вершины холмовъ.

Постепенно съ подъемомъ воздухъ становится прохладнѣе и вскорѣ насъ охватываетъ свѣжій вѣтеръ, доставляющій непзъяснимое наслажденіе послѣ нѣсколькихъ недѣль томительнаго зноя индійскихъ равнинъ. А эти равнины остались теперь тамъ, внизу, за темной каймой лѣсистыхъ предгорій, гдѣ мгла, пропизываемая горячими лучами яркаго солнца, окутываетъ землю. Я съ удовольствіемъ слѣжу, какъ мы все болѣе и болѣе удаляемся отъ нихъ и какъ все меньше и меньше чувствуется ихъ горячее дыханіе. Еще нѣкоторое время онѣ видны въ сизой дымкѣ, сливающейся съ мутнымъ небосклономъ, но затѣмъ скрываются за предгоріями. И вокругъ насъ остаются однѣ лишь горы съ темной щетиной лѣса.

Гималайская желѣзная дорога проложена очень смѣло, огибая крутые скаты и проходя надъ глубокими, обрывистыми ущельями; въ одномъ мѣстѣ поѣздъ бѣжитъ по карнизу надъ пропастью глубиною въ 1,000 футовъ.

Путь дѣлаетъ самые неожиданные повороты и на каждомъ поворотѣ открываются все новыя картины, одна величественнѣе другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъемы такъ круты, что путь проложенъ зигзагами, расположенными одинъ надъ другимъ, и поѣздъ, имѣя по паровозу на обоихъ концахъ, продвигается по зигзагамъ, то взадъ, то впередъ, попеременно обоими паровозами. Желѣзнодорожныя станціи не велики, но расположены весьма живописно на скатахъ горъ среди дремучаго лѣса. Около каждой имѣется столбъ съ доской, на которой обозначено превышеніе мѣста надъ уровнемъ моря; по этимъ надписямъ туристъ постепенно слѣдитъ, какъ маленькій, игрушечный паровозъ уноситъ его все выше и выше, все ближе и ближе къ голубому небу, раскинутому надъ горами.

Все красиво и привѣтливо въ этой дивной панорамѣ горъ, кромѣ человѣка, населяющаго эти чудныя страны. Уже

за станціей Силигури начинаютъ встрѣчаться жители Гималаевъ. Некрасивый, угрюмый, монгольскій типъ съ широкими скулами, узкоглазый, безъ бороды и усовъ, съ длинными китайскими косами, производитъ непріятное впечатлѣніе. Здѣсь, на большой дорогѣ изъ Центральныхъ Гималаевъ въ Бенгалію, сошлись представители различныхъ монгольскихъ племенъ, населяющихъ Гималайскій хребетъ. Бутанцы, непальцы, гуркасы, лепчинцы и тибетцы перемѣшались здѣсь, привлеченные сюда изъ нѣдръ своихъ дикихъ горъ возможностью заработка. Большинство изъ нихъ проживаетъ здѣсь временно и для того, чтобы увидѣть гималайскихъ туземцевъ въ ихъ естественномъ видѣ, нужно углубиться нѣсколько далѣе въ горы, въ глухія дебри снѣгового хребта.

Одежда мѣстнаго населенія болѣе или менѣе однообразна. Мужчины носятъ длинные армяки темныхъ цвѣтовъ съ длинными и широкими рукавами, обувь—въ родѣ валенокъ, часто расписанныхъ цвѣтными изображеніями, а головнымъ уборомъ служитъ круглая войлочная шапочка съ загнутыми кверху полями. Женщины носятъ короткія, грубыя юбки и кофты, обувь—какъ и мужчины, а головы оставляютъ непокрытыми. На шеѣ, на груди, въ ушахъ и въ носу онѣ носятъ много украшеній, состоящихъ изъ цѣпочекъ, цвѣтныхъ камней, колецъ, серегъ и всевозможныхъ побрякушекъ.

По пути на станціяхъ группы туземцевъ встрѣчаютъ поѣздъ и съ любопытствомъ осматриваютъ проѣзжающихъ европейцевъ, которые съ такимъ-же интересомъ смотрятъ на ихъ некрасивыя, монгольскія лица. Часто попадаются нищіе въ ужасныхъ рубищахъ, сквозь которыя проглядываетъ худое, темное тѣло; они обступаютъ вагоны и напѣваютъ что-то жалобными голосами, точно оплакивая свою жалкую долю.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дарджилинга путь достигаетъ наибольшаго превышенія, переваливая на высотѣ 7,556 футовъ надъ уровнемъ моря черезъ узкій хребетъ, на западномъ склонѣ котораго раскинуты многочисленныя дачи этой живописной климатической станціи. Отъ перевала мы тихо спускались около четверти часа среди сплошныхъ чайныхъ плантацій и въ 2 часа пополудни прибыли на маленькій

вокзалъ Дарджилинга. На вокзалѣ — сутолока и давка оказались ужасныя. Въ Дарджилингѣ, вслѣдствіе горнстой мѣстности, извозчиковъ не существуетъ, а багажъ и всевозможные грузы переносятся туземцами, стекающимися сюда въ разгаръ дачнаго сезона въ огромномъ количествѣ изъ сосѣднихъ селеній. Среди нихъ преобладаютъ женщины и дѣти. Прибывшій поѣздъ осаждается шумной толпой носильщицъ и маленькихъ носильщиковъ, хватающихъ вашъ ручной багажъ ранѣе, чѣмъ вы успѣете выйти изъ вагона и предлагающихъ свой трудъ за ничтожное вознагражденіе. Эта толпа перемѣшивается съ пасажирами, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ мечется по вокзалу, разбирая багажъ, но затѣмъ разбѣгается во всѣ стороны Дарджилинга, низко сгибаясь подъ тяжестью ноши. Пасажиры пѣшкомъ направляются въ гостиницы, а передъ ними вереницы сильныхъ, коренастыхъ туземокъ, сопровождаемыхъ нѣсколькими подростками, несутъ ихъ багажъ, какъ извѣстно, весьма многочисленный у англійскихъ туристовъ.

Поднявшись отъ вокзала немного въ гору по великолѣпному шоссе, обстроенному красивыми домиками, я попадаю въ „Boscolo's Grand Hotel“, занимающій восхитительное мѣстоположеніе. Гостиница построена на гребнѣ, съ котораго открывается чудный видъ на всю городскую часть Дарджилинга съ туземнымъ базаромъ, на глубокую долину р. Большого Ранджита и на снѣговой хребетъ Гималаевъ. Расположеніе отеля настолько удачно и привлекательно, что даже его сырыя, довольно мрачныя комнаты и отвратительная кухня не могутъ отвадить отъ него наплыва туристовъ.

Дарджилингъ разбросанъ по длинному, узкому гребню, имѣющему общее направленіе съ юга на сѣверъ и превышающему на 6,000 ф. дно сосѣдней лѣсистой долины, по которой извивается свѣтлой лентой среди темнаго лѣса р. Большой Ранджитъ. Примѣрно въ серединѣ находится городская часть Дарджилинга, занимающая часть западнаго склона и состоящая изъ нѣсколькихъ небольшихъ улицъ, застроенныхъ европейскими магазинами, и обширнаго базара съ рядами туземныхъ лавокъ. Все остальное пространство гребня покрыто дачами, виллами, отелями и садами.

Постоянное населеніе здѣсь весьма незначительно, по-

чему въ холодное время года, когда пріѣздъ туристовъ почти совсѣмъ прекращается, жизнь замираетъ въ Дарджилингѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Но съ наступленіемъ жаркаго времени поѣздъ за поѣздомъ подвозитъ сюда жаждущихъ прохлады и изнуренныхъ зноемъ съ индійскихъ равнинъ.

Вдоль хребта, на которомъ раскинутъ Дарджилингъ, проложены многочисленныя шоссейныя дороги въ нѣсколько ярусовъ, соединенныя между собой то хорошими, легко одолимыми зигзагами, то лѣстницами, вырѣзанными въ землѣ, то просто крутыми тропинками. Дороги ограждены заборами и рѣшетками, вездѣ—прочные каменные мосты, столбы съ надписями, электрическое освѣщеніе, словомъ, во всемъ проглядываетъ культура, поработившая для удобства людей могучую природу этихъ очаровательныхъ горъ. Культуры здѣсь даже слишкомъ много и гуляніе по гладкимъ дорогамъ среди подстриженныхъ садовъ не удовлетворитъ туриста, пріѣхавшаго наслаждаться природой; ему захочется вырваться за предѣлы этихъ подметенныхъ дорожекъ, цвѣточныхъ клумбъ, чистенькихъ дачъ съ расчищенными палисадниками, вырваться на просторъ дикой горной природы, гдѣ ручьи, пѣнясь и шумя, свободно несутся въ глубокихъ ущельяхъ, гдѣ узкія тропинки, извиваясь по крутымъ скатамъ горъ, смѣло пробѣгаютъ надъ обрывами, гдѣ дремучій, дѣвственный лѣсъ, колыхаясь подъ ударами вѣтра, глухо шумитъ своей темной, пахучей листвой.

Англичане устроились въ Дарджилингѣ съ чрезвычайнымъ комфортомъ. Не имѣя возможности заводить здѣсь экипажей, они изобрѣли ручныя колясочки и носилки, въ которыхъ ихъ возятъ и носятъ туземцы. Первыя представляютъ собой подобіе „рикшоу“, употребляемыхъ въ Цейлонѣ, но возятся двумя людьми, изъ коихъ одинъ подталкиваетъ сзади; носилки, называемыя здѣсь „дэнди“, имѣютъ видъ открытаго длиннаго ящика, который несется тремя или четырьмя носильщиками за особыя перекладины. Въ часы гуляній на бульварѣ, около красивой бесѣдки, въ которой играетъ духовой оркестръ, составленный изъ малорослыхъ, смуглыхъ гуркасовъ, собирается много нарядной публики. Со всѣхъ концовъ Дарджилинга ѣдутъ „рикшоу“, мѣрно покачиваются въ воздухѣ „дэнди“, идутъ вереницы пѣше-

ходовъ. И когда все это соберется на небольшомъ бульварѣ вокругъ музыкантовъ, — рядомъ съ нарядной европейской толпой образуется темная толпа туземцевъ, которая привезла и принесла сюда европейцевъ. Рикшоу и дэнди ставятся длинными рядами, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, а возлѣ нихъ отдыхаютъ на землѣ черномазые люди съ монгольскими лицами. Однако, чтобы увидѣть туземную толпу при наиболѣе благопріятной-для наблюденія обстановкѣ, необходимо, сходить утромъ воскресенье на базаръ Дарджилинга. Здѣсь— сплошное монгольское море. На пространствѣ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ саженей перемѣшиваются представители чуть-ли не всѣхъ гималайскихъ племенъ: непальцы, гуркасы, бутанцы, лепчинцы, тибетцы, нахаріи, лимбусы. Все—темно-желтыя, старообразныя, скуластыя лица, невысокія, коренастыя фигуры, простыя, темныя одежды. Эта толпа совершенно непохожа на индійскую и обѣ поразительно соотвѣтствуютъ характеру и особенностямъ климата, въ которомъ живутъ. Индійская толпа — это пестрота и сочетаніе яркихъ красокъ, точно заимствованныхъ ею у солнца и бирюзовыхъ небесъ Индіи, толпа гималайская — темна, непривѣтлива и угрюма, какъ и дождливая погода Гималаевъ.

Пріѣхать въ Дарджилингъ еще не значитъ увидѣть снѣговыя Гималайскія горы. Для этого нужно выждать ясную и безоблачную погоду, что, особенно весной, случается не часто. Климатъ въ Дарджилингѣ—прохладный и дождливый. По цѣлымъ днямъ тяжелыя свинцовыя тучи заволакиваютъ небо, съ котораго льются обильные потоки дождя, а туманъ окутываетъ окрестности. Тучи то разбѣгаются, то сбиваются въ одну сплошную сѣрую массу, туманъ то рѣдѣетъ, то становится гуще, то подымается кверху, то набивается плотной, молочно бѣлой пеленой въ ущелья... А солнца и голубыхъ небесъ все нѣтъ и нѣтъ. Но вотъ, наконецъ, погода проясняется и то, что представляется изумленному взору туриста—вознаграждаетъ его въ полной мѣрѣ за долгія ожиданія.

Однажды, проснувшись утромъ, я увидѣлъ въ окно своей комнаты безоблачное небо, а потому, быстро одѣвшись, отправился на ближайшее къ гостиницѣ возвышенное мѣсто— Observatory Hill. Былъ еще ранній утренній часъ. На небѣ,

блѣдномъ и безоблачномъ, еще лежало слабое отраженіе угасшей ночи, но на восточной сторонѣ небосклона оно уже таяло въ яркихъ краскахъ разгоравшейся, золотистой зари. Воздухъ, пронизанный утренней свѣжестью и напоенный ароматомъ росистой травы, казался необыкновенно прозрачнымъ и чистымъ. Внизу, у ногъ монахъ, лежалъ еще сонный Дарджилингъ, сбѣгавшій пестрыми групами своихъ виллъ въ долину рѣки, окутанную густымъ туманомъ. За рѣкой возвышались горы, покрытыя сплошнымъ темнымъ лѣсомъ и внизу, на границѣ тумана, казалось будто деревья растутъ на бѣлоснѣжной пеленѣ, плотно закрывавшей долину. Эти горы громоздились одна на другую, то вытягивались въ длинные гребни, то собирались групами, въ которыхъ вдругъ рѣзко выдѣлялась какая-нибудь высокая вершина. Но всѣ онѣ служили лишь ступенями въ болѣе высокія области, гдѣ, упираясь въ небо своими бѣлыми снѣговыми вершинами, стояли въ царственномъ величіи Гималайскіе великаны. И среди нихъ, величественная своими размѣрами, величавая своими формами, вздымалась къ сѣро-голубому небу бѣлая Кинчинжанга. А по обѣ стороны снѣгового колосса тянулся грандіозный снѣговой барьеръ, служившій вѣнцомъ темной громадѣ горъ, наполнявшей все пространство до горизонта. Безподобный видъ по красотѣ и величію!

Просыпался Дарджилингъ, просыпался туманъ, заклубившійся въ глубокой долинѣ рѣки и медленно всползавшій по ея лѣсистымъ бокамъ, просыпались окрестныя горы... Небо свѣтлѣло, воздухъ содрогался въ легкихъ порывахъ утренняго вѣтра, на востокѣ заря разливалась багровымъ румянцемъ на горизонтѣ. А снѣжныя вершины стояли попрежнему неподвижныя и бѣлыя, точно дожидаясь перваго солнечнаго луча, чтобы проснуться. И этотъ лучъ появился. Онъ появился на бѣлой громадѣ Кинчинжанги блѣдно-краснымъ пятномъ, озарившимъ ея вершину и, багровѣя, медленно расползался. Но затѣмъ съ востока, изъ-за горъ, пылавшихъ въ пламени зари, брызнулъ яркій свѣтъ и разлился во всѣ стороны, веселый, искрящійся, жизнерадостный. И обильный потокъ золотистыхъ лучей полился съ голубого неба на просыпавшуюся землю, будя и оживляя ее. Оживились и снѣговые великаны, охваченные лучами горячаго

солнца и заискрились миріадами золотистыхъ огней ихъ бѣлоснѣжныя ризы. И весь снѣговой хребетъ стоялъ теперь залитый солнцемъ, сверкающій, лучезарный. А надъ нимъ уже блестѣлъ своей яркой лазурью необъятный сводъ глубокаго, яснаго неба...

Находясь въ Дарджилингѣ, трудно устоять противъ соблазна совершить поѣздку вглубь хребта, чтобы поближе полюбоваться снѣговыми горами. Къ тому же такая поѣздка не представляетъ рѣшительно ничего затруднительнаго. Англичане, занявши Дарджилингъ и подчинивши своему вліянію окрестныя страны, принесли сюда свою страсть къ путешествіямъ и любовь къ комфорту, результатомъ чего явилась сѣть прекрасныхъ вьючныхъ дорогъ, проникающихъ въ самыя глухія дебри снѣгового хребта. Особенно хорошо разработаны дороги въ предѣлахъ британской территоріи до границъ Сикима, маленькаго, полунезависимаго гималайскаго государства, сжатаго между владѣніями Непала, Бутана и Индіи. На дорогахъ, чрезъ извѣстные промежутки, построены небольшія, простого типа, дорожныя гостиницы, снабженныя необходимой мебелью и посудой; при каждой гостиницѣ живетъ сторожъ-туземецъ. На право пользованія помѣщеніемъ этихъ гостиницъ необходимо получить письменное разрѣшеніе отъ мѣстныхъ гражданскихъ властей, что совершается въ Дарджилингѣ весьма просто. За пребываніе въ гостиницахъ взимается небольшая посуточная плата, но туристъ обязанъ самъ заботиться о собственномъ пропитаніи.

Ознакомившись съ Дарджилингомъ и его ближайшими окрестностями, побывавши на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ, съ которыхъ открываются хорошіе виды и наслушавшись музыки на вечернихъ гуляньяхъ, я рѣшилъ отправиться на нѣсколько дней къ границѣ Сикима, поближе къ этимъ бѣлымъ великанамъ, столпившимся на горизонтѣ. Однажды вечеромъ, послѣ обѣда, я сообщилъ о своемъ желаніи управляющему гостиницей, а утромъ, на слѣдующій день, у подъѣзда меня встрѣтилъ небольшого роста широкоплечій туземецъ, молча вручившій мнѣ засаленную тетрадь; въ ней оказалось нѣсколько десятковъ удостовѣреній, выданныхъ ему различными туристами, для которыхъ онъ

устраивалъ поѣздки въ горы. Солидныя рекомендаціи, заключавшіяся въ этой тетради, побудили меня отдать себя въ распоряженіе туземца. Тенъ-Дорджи, такъ звали его, къ полудню раздобылъ мнѣ разрѣшеніе на поѣздку отъ мѣстнаго гражданскаго комисара, закупилъ необходимой провизіи и вслѣдъ затѣмъ явился съ двумя туземными носильщиками, которые должны были въ тотъ же день выступить съ моими вещами. У каждаго изъ этихъ низкорослыхъ, коренастыхъ горцевъ, съ скуластыми, смуглыми монгольскими лицами, висѣла за плечами большая, глубокая корзина, составляющая здѣсь непремѣнную принадлежность каждаго туземца. Въ Центральныхъ Гималаяхъ почти всѣ тяжести переносятся на людяхъ. На дорогахъ, прорѣзающихъ эти горы, очень рѣдко приходится встрѣчать повозку или вьючныхъ животныхъ, но зато постоянно встрѣчаешь вереницы туземцевъ обоего пола, низко сгибающихся подъ тяжестью ноши, заключенной въ глубокую корзину, сплетенную изъ толстыхъ древесныхъ вѣтвей.

26. Моя верховая лошадь и проводникъ въ Центральныхъ Гималаяхъ.

1-го апрѣля, рано утромъ, туземецъ-лепчинъ привелъ мнѣ малорослую горную лошадь, осѣдланную англійскимъ сѣдломъ, и сообщилъ, что Тенъ-Дорджи съ носильщиками

еще съ вечера выступилъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ предположенъ нашъ первый ночлегъ. Я оставилъ свои лишнія вещи въ гостинницѣ, сѣлъ на приведенную лошадь и выѣхалъ въ сопровожденіи лепчина, который слѣдовалъ за мной пѣшкомъ въ качествѣ конюха. Было еще совсѣмъ рано. Дарджилингъ спалъ, окутанный густымъ туманомъ, набивавшимъ сосѣднія ущелья и свѣжій воздухъ, пропитанный сыростью туманнаго утра, возбуждалъ легкую дрожь, заставляя плотнѣе запахиваться въ дорожную куртку. Мы направились къ южной оконечности Дарджилинга, миновали нѣсколько десятковъ сонныхъ дачъ, разбросанныхъ возлѣ дороги, и, обогнувши высоты Джеляпахара, на которыхъ расположены казармы англійскаго гарнизона, повернули на западъ. Возлѣ казармъ было тихо и пусто, передъ караульнымъ домомъ уныло ходилъ взадъ и впередъ съ ружьемъ на плечѣ сонный солдатъ въ красномъ мундирѣ. А нѣсколько далѣе, около зданія военныхъ мастерскихъ, уже собиралась сѣрая толпа туземцевъ, спѣшившихъ въ этотъ ранній часъ съ разныхъ концовъ Дарджилинга на работу. Грязные, худые, въ лохмотьяхъ, едва покрывавшихъ ихъ смуглое тѣло, они ежились отъ утренняго холода и отъ сырости, которою обдавалъ ихъ туманъ, медленно плывшій въ воздухѣ.

Военными мастерскими кончился Дарджилингъ. За ними продолжалась столь же хорошо разработанная, шоссированная дорога, но по сторонамъ ея уже начались горные луга, чайныя плантаціи и густыя рощи лиственнаго лѣса. Дорога извивалась среди запутанной системы гребней, отдѣльныхъ вершинъ и небольшихъ плоскогорій, которыя связываютъ высоты Дарджилинга съ длиннымъ, рѣзко очерченнымъ хребтомъ, служащимъ естественной границей Непальскихъ владѣній. Дорога то пролегала по пологимъ склонамъ, покрытымъ плантаціями чая, то взбѣгала на вершины холмовъ, то вилась по узкимъ карнизамъ надъ глубокими лѣсистыми ущельями. Туманъ, попрежнему, тяжелой пеленой лежалъ на горахъ и скрывалъ за собой всѣ прелести гималайскаго ландшафта. По пути встрѣчались кое-гдѣ туземныя селенія, иногда совершенно незамѣтныя съ дороги. Среди густого, первобытнаго лѣса, на небольшой полянѣ,

тѣсно жались одна къ другой деревянныя избы съ низкими двухскатными крышами; хозяйственныхъ построекъ почти нѣтъ, скота мало, общій видъ селенія—унылый и бѣдный.

27. Селеніе горцевъ въ Центральныхъ Гималаяхъ.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Дарджилинга намъ попадались изрѣдка маленькія двухколесныя повозки, запряженныя волами, на которыхъ поселяне везли на базаръ дрова и древесный уголь. Но далѣе—единственнымъ перевозочнымъ средствомъ является человѣкъ. Длинныя вереницы коренастыхъ, мускулистыхъ непальцевъ, съ корзинами, наполненными продуктами сельскаго хозяйства, медленно выступали на встрѣчу намъ изъ молочно-бѣлыхъ клубовъ тумана и, тяжело ступая босыми ногами по сырой землѣ, молча проходили мимо насъ и скрывались за нами. И это молчаливое шествіе сѣрыхъ вьючныхъ людей, въ мутномъ воздухѣ утренняго тумана, въ тишинѣ, нарушаемой лишь глухимъ шлепаніемъ босыхъ ногъ, производило странное впечатлѣніе.

Западныя окрестности Дарджилинга заселены непальскими племенами. По происхожденію монголы, непальцы восприняли отъ сосѣдней Индіи религіозныя вѣрованія индуизма, одежду и нѣкоторые обычаи и во многомъ уже

утратили тотъ специфическій монгольскій характеръ, который такъ рѣзко обнаруживается въ ихъ восточныхъ сосѣдяхъ—племенахъ, населяющихъ горы Сикима и Бутана. Господствующее племя Непала составляютъ гуркасы—потомки выходцевъ изъ Индіи, принадлежавшихъ къ воинственнымъ кастамъ Раджпутовъ. Гуркасы, вслѣдствіе своей предпріимчивости и энергіи, быстро стали во главѣ монгольскаго населенія Непала и мало-по-малу начали прививать ему духъ и вѣрованія индуизма. Ихъ воинственныя наклонности нашли себѣ исходъ въ многочисленныхъ войнахъ, которыя они вели съ сосѣдними странами и въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ они побѣдоносно исходили взадъ и впередъ Гималаи, густо обагривши ихъ кровью. Наконецъ, остановленные въ своемъ побѣдномъ движеніи распространеніемъ англійскаго владычества, они утратили вскорѣ свое политическое значеніе, но до сихъ поръ сохранили воинственный духъ, отличающій ихъ отъ всѣхъ гималайскихъ племенъ. Въ настоящее время ихъ военныя способности находятъ себѣ примѣненіе въ рядахъ англо-индійской арміи, гдѣ они составляютъ лучшій контингентъ туземныхъ наемниковъ.

Около 10 ч. утра мы достигли большого селенія Джарапокри. Здѣсь дорога упирается въ границу Непала и круто поворачиваетъ вдоль нея къ сѣверо-западу. Туманъ мало-по-малу рѣдѣлъ, колыхаясь и подымаясь вверхъ, пронизанный золотистыми лучами солнца, показавшагося на небѣ. Наступала великолѣпная солнечная погода. За селеніемъ дорога суживается, превращаясь въ вьючную тропу, и вступаетъ здѣсь въ нѣдра дѣвственнаго гималайскаго лѣса.

Трудно передать словами роскошь и красоту гималайскихъ лѣсовъ. Тысячи лѣсныхъ великановъ густо покрываютъ своей могучей листвой крутые скаты величественныхъ горъ. Обиліе лиственныхъ формъ и безконечное разнообразіе красокъ составляютъ характерную особенность этого дивнаго лѣсного царства, охватившаго своею таинственною сѣнью почти все пространство до снѣгового хребта. Колоссальные дубы и магноліи властно простираютъ свои толстыя, длинныя вѣтви черезъ дорогу, образуя надъ ней зеленый навѣсъ, сквозь который едва проникаютъ солнеч-

ные лучи, кидающіе на землю красивый золотистый узоръ; вѣтви и стволы деревьевъ покрыты бархатистымъ мхомъ, свисающимъ съ нихъ пестрыми длинными хлопьями, высокій папоротникъ тѣсно окружаетъ своей темной зеленью древесныхъ гигантовъ, а цѣпкія ліапы прихотливо обвиваютъ мохнатые стволы, недвижимые въ ихъ крѣпкихъ объятіяхъ. Какое-то особенное чувство охватываетъ человѣка, вступившаго подъ сѣнь гималайскаго лѣса. Здѣсь все своеобразно, мощно и величественно. Цѣлый міръ красокъ, цѣлый міръ звуковъ таится подъ зелеными сводами дѣвственной чащи. Пѣніе птицъ оглушаетъ, сливаясь въ безпорядочный хоръ, наполняющій лѣсъ разнообразными звуками, то пронзительными, пронизывающими подобно острію густую массу вѣтвей и листвы, то густыми, протяжными, медленно расплывающимися въ тяжеломъ, пахучемъ воздухѣ лѣса, то рѣзкими, отрывистыми и звонкими, точно удары молота о наковальню... Слушаешь, напряженно слушаешь эту музыку, силясь разобраться въ ней и уловить мелодію лѣсной пѣсни, а звуки неудержимо льются со всѣхъ сторонъ, то сливаясь, то разбѣгаясь, то замирая въ глубинѣ пѣвучаго лѣса...

За Джарапокри дорога нѣкоторое время спускается внизъ, но, спустившись въ долину у истоковъ рѣки Малаго Ранджита, начинаетъ довольно крутыми зигзагами подниматься все выше и выше. Здѣсь характеръ лѣсной растительности рѣзко измѣняется. Появляется гигантскій перистый бамбукъ, мѣстами перемѣшанный съ дубомъ и лавромъ, но вскорѣ онъ вытѣсняетъ ихъ и остается одинъ, тѣсно сжавши тропу двумя сплошными, непроницаемыми стѣнами. Но чѣмъ выше вьется тропа, тѣмъ чаще начинаютъ встрѣчаться рододендроны; сначала одиночными деревьями, потомъ небольшими групами, а затѣмъ и сплошнымъ лѣсомъ, смѣняющимъ бамбуковую чащу. Великолѣпны эти лѣса рододендроновъ весной, когда деревья стоятъ обсыпанныя цвѣтами, пышныя, благоухающія... На многія версты листва ихъ горитъ яркими красками, образуя цвѣтной покровъ, одѣвающій темно-зеленую громаду лѣса. А лепестки цвѣтовъ, опадая, покрываютъ землю чуднымъ ковромъ, точно хлопьями розоваго снѣга.

Около двухъ часовъ пополудни мы вышли изъ лѣса на небольшую поляну, гдѣ возлѣ бѣдной непальской деревушки Тонглю стоитъ дорожное бунгалоу. Это одноэтажный каменный домикъ съ верандой, обращенной на главный хребетъ; въ немъ три большія комнаты съ необходимой мебелью. Тенъ-Дорджи съ носильщиками былъ уже здѣсь и, сложивши принесенныя вещи, возился возлѣ камина. 10,000 ф. надъ уровнемъ моря давали себя чувствовать: было холодно, туманъ, обдавая сыростью, густыми облаками плылъ въ разрѣженномъ воздухѣ, а рѣзкій вѣтеръ дулъ порывами съ сѣвера, отъ снѣжныхъ полей главнаго снѣгового хребта. Въ эти минуты было пріятно отдыхать, сидя у пылающаго камина, въ которомъ весело трещали ярко горѣвшія полѣнья. Мои туземцы расположились рядомъ съ моей комнатой, въ помѣщеніи сторожа, гдѣ усѣвшись вокругъ очага, что-то варили въ небольшомъ котелкѣ и безъ умолку о чемъ-то болтали. Расположившись спать, послѣ скуднаго ужина изъ консервовъ, я еще долго слышалъ доносившіеся черезъ стѣну тихіе голоса горцевъ, ко-

28. Дорожная гостиница въ Центральныхъ Гималаяхъ.

торые часто сливались съ однообразнымъ шумомъ дождя, барабанившаго по стекламъ и крышѣ.

Рано утромъ Тенъ-Дорджи пришелъ сообщить мнѣ, что Кинчинджанга хорошо видна и повелъ меня на холмъ,

возвышавшійся недалеко отъ нашего домика; здѣсь стоялъ пограничный столбъ индо-непальской границы, окруженный десятками шестовъ съ развѣвающимися на нихъ цвѣтными тряпками, которыя развѣшиваются туземцами въ честь почитаемыхъ ими боговъ. Съ этого мѣста открывался хорошій видъ къ сѣверо-востоку, гдѣ надъ густой пеленой клубившихся облаковъ, закрывавшихъ нижній поясъ горъ, широко и мощно раскинулась Кинчинжанга своими грузными снѣговыми вершинами. Отсюда казалось, будто среди океана, по его бѣлымъ пѣнистымъ волнамъ, медленно плыла гигантская ледяная гора. Восходившее солнце розовымъ свѣтомъ озаряло эту красивую картину, но по мѣрѣ того, какъ оно поднималось все выше и выше, поднимались и облака, скоро закрывшія Кинчинжангу. И вмѣсто волшебной картины облаковъ и снѣжныхъ пиковъ, озаренныхъ утреннимъ солнцемъ, открылась внизу темная панорама горъ и долинъ, поросшихъ густыми лѣсами.

Въ этотъ день я со своимъ пѣшимъ караваномъ сдѣлалъ еще одинъ переходъ къ сѣверу, къ высотамъ Сандакфу, съ которыхъ иногда хорошо бываетъ виденъ Эверестъ съ главнымъ снѣговымъ хребтомъ Непала. Отъ Тонглю до Сандакфу не болѣе 20 верстъ, но на этомъ небольшомъ разстояніи тропа спускается съ высоты 10,000 фут. надъ уровнемъ моря до 6,000 фут. и затѣмъ опять поднимается до 12,000. Это рѣзкое измѣненіе высоты, требуя продолжительныхъ спусковъ и подъемовъ, отнимаетъ много времени и сильно утомляетъ. Горы покрыты здѣсь такими же великолѣпными лѣсами, какъ и на вчерашнемъ переходѣ, но въ болѣе низкихъ долинахъ они отличаются сыростью и піявками, этимъ страшнымъ бичемъ туземнаго человѣка и животныхъ. Эти маленькія кровожадныя твари цѣлыми легіонами наполняли чащу лѣса, ожидая своей добычи на листьяхъ, покрывавшихъ тропу или свисавшихъ надъ нею. Мои босоногіе туземцы и моя верховая лошадь сильно страдали отъ этихъ кровопійцъ, впивавшихся десятками въ ихъ голыя ноги, изъ которыхъ обильно сочилась кровь, обозначавшая на тропѣ краснымъ слѣдомъ наше движеніе. Особенно страдала лошадь: піявки забирались ей въ уши, ноздри, въ углы глазъ и, жадно высасы-

вая кровь, совершенно обезсиливали несчастное животное. Ѣхавши верхомъ, я страдалъ отъ нихъ меньше всѣхъ, но все-же, снявши на привалѣ сапоги, нашелъ въ нихъ нѣсколько набухшихъ отъ крови піявокъ. Лишь поднявшись опять въ болѣе высокія области, въ поясъ рододендроновыхъ рощъ, мы освободились отъ этихъ непріятныхъ обитателей гималайскихъ лѣсовъ.

Въ дорогѣ Тенъ-Дорджи съ носильщиками для сокращенія пути часто шелъ боковыми тропинками и я оставался среди лѣса одинъ съ пѣшимъ конюхомъ Цетоуномъ, съ которымъ заводилъ разговоры. Едва-ли возможно найти лучшаго спутника для странствованій въ гималайскомъ лѣсу, чѣмъ туземецъ-лепчинъ. Родившійся и выросшій среди дѣвственнаго лѣса, онъ сроднился съ нимъ и знаетъ его жизнь до мельчайшихъ подробностей; названіе каждаго дерева, куста, птицы, насѣкомаго, звѣря; образъ жизни и нравы лѣсныхъ обитателей, ихъ голоса, ихъ пѣніе—все это извѣстно ему съ дѣтства, проведеннаго въ чащѣ лѣса, среди вѣковыхъ стволовъ, бурелома, ліанъ, въ ловлѣ птицъ, въ охотѣ на звѣря. Сопровождая васъ съ утра до вечера, пѣшкомъ, онъ не знаетъ усталости, всегда бодрый, веселый и жизнерадостный. По пути онъ успѣетъ нѣсколько разъ свернуть съ дороги въ лѣсъ, чтобы вырѣзать себѣ палку, набрать цвѣтовъ, посмотрѣть на какую нибудь птицу и опять нагонитъ васъ, весело глядя и улыбаясь собственному проворству. Лепчинъ съ удовольствіемъ ведетъ разговоры о лѣсѣ, о горахъ, о звѣряхъ, вообще о природѣ. И есть что-то дѣтски-наивное и неотразимое своей простотой и искреннимъ чувствомъ въ его разсказахъ о жизни гималайскаго лѣса.

Послѣ полудня мы оставили лиственные лѣса и поднялись въ область сосенъ, покрывающихъ своей темной хвоей верхній поясъ горъ пограничнаго хребта между Непаломъ и Индіей. Здѣсь уже Гималаи имѣютъ совершенно другой характеръ, болѣе мрачный, болѣе пустынный и дикій; суровая обстановка снѣгового хребта уже отражается на этихъ молчаливыхъ, угрюмыхъ лѣсахъ безъ травы, безъ подлѣска, безъ пѣнія птицъ. Вѣковыя сосны, съ широко распростертыми кривыми и суковатыми вѣтвями, взбираются до самаго гребня хребта, все больше и больше рѣдѣя. Послѣ

восьмичасового утомительнаго перехода, поднявшись по крутой, извилистой тропѣ среди хвойнаго лѣса на гребень, мы вышли на поляну къ дорожному бунгалоу. Это—урочище Сандакфу, расположенное на высотѣ 12.000 ф. надъ уровнемъ моря.

Погода, безпрестанно колебавшаяся въ теченіе дня, къ вечеру испортилась окончательно. Сѣрое небо, туманъ, дождь со снѣжной крупой и сильный пронизывающій вѣтеръ грустно настраивали и располагали болѣе къ яркому пламени камина, чѣмъ къ картинамъ природы. До захода солнца я выходилъ нѣсколько разъ изъ комнаты бунгалоу, чтобы посмотрѣть не освободился-ли отъ облаковъ Эверестъ, но напрасно: къ сѣверу темныя облака громоздились одно выше другого и плотной завѣсой закрывали главный хребетъ. Оставалось ждать утра, въ надеждѣ увидѣть на разсвѣтѣ гималайскаго великана.

Эверестъ, или по туземному Джомо-Канк-каръ, высочайшая въ мірѣ гора, вздымающаяся въ главномъ снѣговомъ хребтѣ Центральныхъ Гималаевъ, на сѣверной границѣ Непала. Хотя и названная именемъ одного изъ англійскихъ топографовъ, сэра Георга Эвереста, много работавшаго въ Индіи и сопредѣльныхъ съ ней странахъ, она еще совсѣмъ не изслѣдована. Воздвигнутая природой на границѣ двухъ запретныхъ для европейцевъ странъ—Непала и Тибета, окруженная могучей толпой труднодоступныхъ снѣговыхъ горъ и въ сторонѣ отъ всякихъ путей сообщенія, она стоитъ до сихъ поръ дѣвственная, не тронутая ногой европейскаго альпиниста, таинственная и гордая... И только съ нѣкоторыхъ мѣстъ, съ которыхъ видна эта часть снѣгового хребта, туристы имѣютъ возможность любоваться ея величавыми формами.

Утро 3-го апрѣля не оставляло желать ничего лучшаго. Хотя долины были еще густо набиты облаками, неподвижными до первыхъ лучей утренняго солнца, но вершины горъ стояли свободныя отъ нихъ, красиво обрисовываясь на небѣ. И среди нихъ, непосредственно за океаномъ облаковъ, на мощномъ, темномъ хребтѣ, служащемъ ей пьедесталомъ, гордо вздымалась къ небу величественная група снѣговыхъ горъ, невольно привлекавшая къ себѣ

взоры. Между ними три пика, одинъ выше и величественнѣе другого, рѣзко выдѣлялись на небѣ. Средній изъ нихъ, наиболѣе удаленный и частью закрытый двумя другими, это—царь снѣговыхъ вершинъ, таинственный Эверестъ. Но онъ не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ Кинчинжанга, открытая во весь свой могучій ростъ и не имѣющая по сосѣдству соперниковъ. Эверестъ окруженъ высочайшими въ мірѣ горами, рядомъ съ которыми ему труднѣе чѣмъ Кинчинжангѣ сохранять царственную осанку своей бѣлоснѣжной вершины.

Дивны эти могучія ледяныя горы въ лучахъ восходящаго солнца! Весело сверкаютъ ихъ мощные ледники, тихо сползающіе со снѣжныхъ полей и красиво искрятся ихъ острыя, точно вонзающіяся въ голубое небо вершины. Чѣмъ больше смотришь на нихъ, тѣмъ живѣе чувствуешь ихъ величіе и тѣмъ сильнѣе проникаешься удивленіемъ къ величественнымъ явленіямъ природы, совершающимся на этихъ страшныхъ высотахъ... И въ эти минуты становится понятнымъ, почему съ именами этихъ снѣговыхъ великановъ связано такъ много чудныхъ легендъ въ народной поэзіи гималайскаго горца...

IX. Среди храмовъ Бенареса.

Проведя полторы недѣли въ прохладныхъ горахъ Гималайскихъ, я вернулся обратно въ Калькуту. Но уже черезъ два дня послѣ этого, поѣздъ восточно-индійской желѣзной дороги уносилъ меня по душнымъ равнинамъ Бенгаліи къ сѣверо-западу. Я ѣхалъ теперь въ самыя интересныя мѣстности Индіи. Долины Ганга и Джумны съ священными для индусовъ Бенаресомъ и Мутрой, Аудъ съ городами, полными памятниковъ возстанія 1857 года; Агра съ чудесами архитектурнаго искусства временъ имперіи Моголовъ, царственныя развалины древняго Дели. Сколько достопримѣчательностей, сколько памятниковъ, сколько славныхъ воспоминаній!

Почти весь переѣздъ отъ Калькуты до Бенареса я совершилъ ночью и рано утромъ прибылъ на станцію Могуль-Сераи, гдѣ необходимо пересаживаться въ другіе вагоны. Начинался душный, знойный день съ мутнымъ безоблачнымъ небомъ, безъ движенія воздуха и безъ всякой надежды на прохладу. На одной изъ послѣднихъ станцій ко мнѣ подошелъ плотный, бородатый туземецъ въ красивой чалмѣ, на которой имѣлась цвѣтная надпись „guide“ и предложилъ мнѣ свои услуги для обозрѣнія достопримѣчательностей Бенареса. Ходабоксъ, какъ звали его, оказался мусульманиномъ, но, живя постоянно въ Бенаресѣ, хорошо изучилъ обрядности индуизма и зналъ всѣ закоулки священнаго города. Онъ сѣлъ ко мнѣ въ вагонъ и мы вмѣстѣ поѣхали дальше. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бенареса мы переѣхали по великолѣпному мосту рѣку Гангъ и часовъ въ 10 утра прибыли въ городъ.

Пока я буду устраиваться въ гостиницѣ и отдыхать въ ней послѣ ночи, проведенной въ душномъ вагонѣ, ска-

жемъ нѣсколько словъ о прошломъ Бенареса и о томъ значеніи, которое онъ имѣетъ въ религіозной жизни индусовъ.

Бенаресъ съ незапамятныхъ временъ служитъ религіознымъ центромъ Индіи, средоточіемъ ея богословскихъ системъ и хранителемъ мудрости ея проповѣдниковъ. Здѣсь въ теченіе многихъ вѣковъ бьется пульсъ религіозной жизни индійскаго населенія и отсюда разливаются по всей Индіи могучія волны индуизма, воплощеннаго въ форму новобрахманскихъ религій. Когда-то отсюда раздавались возвышенныя поученія буддизма и Сакья-Муни впервые повѣдалъ здѣсь міру о любви къ ближнему и о безсмертіи души. Сдѣлавшись священнымъ городомъ буддистовъ, Бенаресъ наполнился храмами, монастырями и памятниками, привлекавшими сюда богомольцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ буддійскаго міра. Но въ VII вѣкѣ по Р. Х. буддизмъ началъ падать въ предѣлахъ Индіи и индуизмъ, разцвѣтая на развалинахъ древняго брамінизма, свергнутаго Буддой, малу-по-малу овладѣлъ Бенаресомъ. Эта перемѣна сопровождалась цѣлымъ рядомъ революцій, волновавшихъ Индію, въ которой религіозные вопросы такъ часто принимали политическую окраску. Но замѣчательно то, что руководя этими событіями, Бенаресъ никогда не стремился къ политическому преобладанію. Онъ, повидимому, охотно уступалъ другимъ свѣтское могущество и временное величіе, присвоивъ себѣ болѣе почетную роль духовнаго господства надъ многими милліонами душъ. И въ то время, когда столицы, послѣ славы и блеска нѣсколькихъ вѣковъ, обращались въ развалины и уступали свое мѣсто другимъ городамъ, прихотью судьбы возвышавшихся изъ ничтожества, Бенаресъ до сихъ поръ сіяетъ безпрерывнымъ блескомъ, озаряя имъ Индію въ теченіе 30-ти вѣковъ. Уже за 9 вѣковъ до Р. Х. Бенаресъ былъ крупнымъ центромъ древней философіи и богословскихъ наукъ. А въ настоящее время болѣе 500 милліоновъ людей обращаютъ свои взоры къ его святынямъ.

Несмотря на почтенный возрастъ города, въ немъ совершенно отсутствуютъ древніе памятники, уничтоженные бурнымъ потокомъ междоусобій и войнъ, клокотавшимъ вокругъ Бенареса, въ теченіе многихъ вѣковъ. Въ этомъ

отношеніи особенное значеніе имѣетъ появленіе въ Индіи ислама, начавшаго съ XII вѣка борьбу съ индуизмомъ и даже посягавшаго въ лицѣ мусульманскихъ завоевателей на существованіе священнаго города. Съ тѣхъ поръ Бенаресъ находился въ большей или меньшей политической зависимости отъ мусульманскихъ правителей Индіи, но сохранялъ и сохраняетъ до настоящаго времени значеніе религіозной столицы.

Бенаресъ—одинъ изъ болѣе крупныхъ городовъ Индіи; онъ раскинутъ на лѣвомъ берегу Ганга, гдѣ вдоль рѣки въ длинную линію вытянулись его многочисленные храмы. Такое расположеніе послѣднихъ объясняется желаніемъ индусовъ имѣть ихъ возможно ближе къ водамъ священнаго Ганга. Отъ храмовъ къ рѣкѣ, играющей весьма важную роль во многихъ обрядностяхъ индуизма, ведутъ широкія, колосальныя каменныя ступени, называемыя гатами. Обозрѣніе гатовъ представляетъ для туриста наиболѣе интересное занятіе и съ этого, обыкновенно, и начинаютъ ознакомленіе съ Бенаресомъ, но такъ какъ оно требуетъ довольно продолжительнаго времени и особенно интересно въ утреннія часы, то намъ пришлось отложить его до слѣдующаго утра. Въ первый же день послѣ полудня я отправился съ проводникомъ осматривать ближайшій къ гостиницѣ храмъ, посвященный гнѣвной богинѣ Дурга и извѣстный болѣе подъ названіемъ храма обезьянъ, сотни которыхъ наполняютъ всѣ его помѣщенія. Обезьяны почитаются индусами, какъ представители Ханумана, бога-обезьяны, союзника Рамы; онѣ встрѣчаются въ изобиліи въ туземныхъ городахъ сѣверной Индіи, гдѣ содержатся въ садахъ и около храмовъ.

Подъѣхавши къ храму Дурга, мы остановились около высокой красной стѣны съ небольшими воротами. Здѣсь насъ встрѣтилъ одинъ изъ священнослужителей храма, голый старикъ-индусъ съ сѣдой бородой, и повелъ за собой Войдя въ ворота, мы оказались въ небольшой комнатѣ, въ которой стояли въ рядъ нѣсколько барабановъ; здѣсь трижды въ день священники храмовъ бьютъ въ нихъ, услаждая этой музыкой свирѣпую Дурга. Изъ этой комнаты небольшая дверь ведетъ на внутренній дворъ, гдѣ большой водный бассейнъ отражаетъ на своей гладкой поверхности легкія

формы рядомъ стоящаго храма. Существенную часть послѣдняго, какъ и вообще всѣхъ индускихъ храмовъ, составляетъ углубленная ниша въ одной изъ внутреннихъ стѣнъ, закрываемая массивными металлическими дверями и заключающая въ себѣ изображеніе богини, отлитое изъ желтаго металла. Возлѣ этой святыни, доступной осмотру лишь съ верхней ступеньки каменной лѣстницы, ведущей въ храмъ, лежатъ цвѣты, приносимые сюда богомольцами. Изъ этихъ цвѣтовъ священники дѣлаютъ красивыя ожерелья и надѣваютъ ихъ на шею или шляпу посѣтителей, которые должны за это внести небольшую лепту на храмъ.

Кровожадная Дурга, которой посвященъ этотъ храмъ, нуждается въ постоянныхъ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ, почему здѣсь ежедневно приносятъ ей въ жертву молодыхъ ягнятъ, кровью которыхъ обрызгана вся внутренность храма.

Своеобразное впечатлѣніе производитъ дворъ, окружающій храмъ! У воротъ и около водоема стоятъ группами нищіе, калѣки, факиры съ веригами и раскрашеннымъ тѣломъ, выпрашивая подаяніе; десятки голыхъ ребятишекъ барахтаются въ водѣ, вылѣзая по временамъ на мокрыя, скользкія ступени бассейна и грѣютъ на солнцѣ свои темныя, лоснящіяся тѣла; стада маленькихъ, бойкихъ обезьянъ рѣзвятся на сосѣднихъ деревьяхъ, ходятъ по стѣнамъ вокругъ храма и спускаются къ водоему, гдѣ съ любопытствомъ смотрятъ на купающихся дѣтей.

Изъ храма обезьянъ мы поѣхали посѣтить, нынѣ уже покойнаго, индусскаго праведника Свами Сарасвати, признаннаго святымъ за свою жизнь полную добрыхъ дѣлъ, лишеній и отреченія. Слава объ его святости заходила далеко за предѣлы Бенареса и индусы самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Индіи приходили сюда, чтобы поклониться ему.

Въѣхавши въ узкій переулокъ на окраинѣ города, мы вышли изъ экипажа возлѣ калитки, которая привела насъ въ обширный садъ, гдѣ нѣсколько широкихъ паралельныхъ другъ другу панелей вели къ одноэтажному каменному домику съ верандой, стоявшему въ глубинѣ сада. Не успѣли мы вступить на веранду, какъ ко мнѣ навстрѣчу вышелъ изъ домика голый, съ одной лишь повязкой на бедрахъ, чрезвычайно худой, небольшого роста, лысый, беззубый

старикъ и ласково подалъ мнѣ руку. Это и былъ самъ Сарасвати. Онъ пригласилъ насъ сѣсть на ступеняхъ веранды и черезъ моего проводника-переводчика началъ со мной разговоръ, заключавшійся въ разспросахъ о Россіи, о моемъ путешествіи, о здоровьи и т. п. Я снялъ съ него фотографію и роспсался въ книгѣ, въ которую записываютъ свои имена всѣ посѣщающіе бенаресскаго праведника. Въ заключеніе Сарасвати приказалъ принести два банана, собственноручно очистилъ ихъ и далъ по одному мнѣ и моему проводнику, что считается величайшей честью, о которой не смѣетъ и мечтать обыкновенный индусъ. Послѣ этого онъ прикололъ мнѣ на грудь три свѣжія розы и, взявши меня за руку, повелъ къ небольшой бѣлой часовнѣ, стоявшей нѣсколько въ сторонѣ среди тѣнистыхъ деревьевъ сада. Когда отворили металическую дверь, я увидѣлъ внутри часовни, на высокомъ сидѣньи, высѣченную изъ мрамора фигуру Сарасвати. Праведникъ объяснилъ мнѣ, что это—памятникъ, поставленный ему индійскими магараджами.

Уже вечерѣло; простившись съ благочестивымъ старикомъ, я вернулся въ гостиницу, расположенную въ центрѣ англійскаго города, верстахъ въ двухъ отъ рѣки Ганга.

На слѣдующій день, еще до восхода солнца, мы выѣхали съ проводникомъ изъ отеля и направились къ Манъ-Мандиръ гату, гдѣ насъ ожидала большая туземная лодка съ палубой, на которой были поставлены стулья. Пересѣвши въ нее, мы медленно поплыли по рѣкѣ вдоль берега, любуясь развернувшейся передъ нами величественной панорамой города.

На берегу широкой, мощной рѣки растянулись въ чудномъ безпорядкѣ колоссальныя, каменныя лѣстницы и террасы, увѣнчанныя рядомъ дворцовъ и высокихъ храмовъ съ вздымающимися къ голубому небу золочеными шпилями. Всѣ эти зданія тѣснятся надъ ступенями гатовъ, какъ бы стараясь придвинуться возможно ближе къ рѣкѣ, чтобы омыть подножія своихъ темныхъ стѣнъ волнами священнаго Ганга. Какая пестрая толпа построекъ разнообразной архитектуры! Вотъ знаменитый храмъ Бишешвара съ его золочеными куполами и башнями, отчетливо выдѣляющимися на блѣдномъ утреннемъ небѣ; нѣсколько далѣе—непальская

пагода съ китайской крышей рѣзко обнаруживаетъ среди индусскихъ храмовъ свой будійскій характеръ, являясь здѣсь единственнымъ воспоминаніемъ о когда-то могущественномъ, но нынѣ уже угасшемъ въ Бенаресѣ буддизмѣ; а вотъ, въ сторонѣ отъ нея, надъ гатомъ, отъ котораго мы только что отчалили, величественно высится въ чистомъ воздухѣ Бенаресская обсерваторія, одна изъ пяти, построенныхъ въ Индіи раджей Джай-Сингомъ, основателемъ Джейпура; а за золотистыми шпилями Бишешвара тянутся къ небу минареты мечети Аурангзеба, этого памятника мусульманскаго владычества, ненавистнаго городу индуизма и браминскихъ храмовъ, городу великаго Шивы.

У подножія гатовъ, вдоль нижнихъ ступеней огромныхъ каменныхъ лѣстницъ, рѣка покрыта плотами, то плавучими, то на сваяхъ, съ навѣсами изъ цыновокъ и парусины, а мѣстами съ широкими зонтами, утвержденными на высокихъ шестахъ. На этихъ плотахъ, у подножія храмовъ, въ виду ихъ золоченыхъ куполовъ происходитъ общеніе Бенареса съ Гангомъ: здѣсь населеніе священнаго города погружается въ мутныя волны рѣки и здѣсь оно встрѣчаетъ восходящее солнце.

Хотя было еще очень рано, но ступени гатовъ были покрыты густыми толпами людей, медленно спускавшихся къ рѣкѣ, гдѣ царило уже полное оживленіе. Въ душныя ночи часть населенія остается на плотахъ, надъ струями прохладной рѣки, и съ восходомъ солнца оживляетъ ихъ плескомъ воды и шумомъ голосовъ, звонко раздающихся въ утреннемъ воздухѣ. Тысячи народа стремились къ рѣкѣ, спокойно катившей свои зеленоватыя воды, и спѣшили погрузиться въ нее до солнечнаго восхода. Эта минута наиболѣе важная для правовѣрнаго индуса: въ моментъ появленія дневного свѣтила онъ долженъ находиться въ водѣ священной рѣки. И вотъ наступаетъ эта торжественная минута: тысячи человѣческихъ тѣлъ погружаются въ мутную воду и съ лицами, обращенными къ востоку, радостнымъ гуломъ привѣтствуютъ восходящее солнце. А оно медленно выплываетъ на небо, зажигая яркую позолоту храмовъ и сверкая дрожащими бликами на поверхности Ганга.

И послѣ этого цѣлый день кипитъ бойкая жизнь на

плотахъ, гдѣ индусы купаются, стираютъ бѣлье, удятъ рыбу, а вокругъ снуютъ многочисленныя лодки, поддерживающія сообщеніе между гатами.

Проѣхавши по рѣкѣ вдоль всего города, мы вернулись къ Манъ-Мандиръ гату и, выйдя на берегъ, поднялись къ храму Бишешвара, расположенному среди тѣсныхъ, узкихъ улицъ, постоянно запруженныхъ толпою. Этотъ храмъ доступенъ для обозрѣнія только снаружи и у входа въ него прибита доска съ надписью, воспрещающей входить въ него иновѣрцамъ. Впрочемъ, въ одной изъ стѣнъ храма продѣлано небольшое сквозное отверстіе для обозрѣнія его внутренности, но такъ какъ храмъ постоянно наполненъ богомольцами, то разсмотрѣть въ немъ что-либо нѣтъ никакой возможности. Храмъ посвященъ богу Шивѣ, который называется иногда Бишешварой или богомъ яда, согласно индусской легендѣ, въ которой Шива, преслѣдуемый демонами, глотаетъ ядъ. Четыреугольный, съ крышей, увѣнчанной золоченой башней и золочеными куполами, этотъ храмъ, называемый иногда „золотымъ храмомъ“, выдѣляется среди прочихъ богатствомъ своей внѣшней отдѣлки, на которую не мало израсходовали денегъ благочестивые магараджи.

У входа въ храмъ продаются цвѣты, составляющіе необходимую принадлежность индусскихъ приношеній богамъ; цвѣты разсыпаются по полу храма и передъ фигурами боговъ, изъ нихъ сплетаются вѣнки и ожерелья,которыми обвѣшиваютъ идоловъ или украшаютъ священныхъ животныхъ.

Обозрѣніе храма даже снаружи затрудняется ужасной давкой, которая происходитъ вокругъ него цѣлый день, когда непрерывные потоки богомольцевъ стекаются сюда изъ узкихъ переулковъ города. Едва-ли найдется въ Индіи другой городъ съ такими узкими улицами, какъ Бенаресъ; въ его центральной части, заполненной храмами, возможно двигаться только пѣшкомъ и никакая повозка не въ состояніи проѣхать въ его тѣсныхъ корридорахъ, наполненныхъ густой толпой пѣшеходовъ. А сколько оригинальнаго и пестраго въ этой толпѣ богомольцевъ! Представители всевозможныхъ племенъ Индіи, мужчины, женщины и дѣти, молодые и старики, богатые и бѣдные, факиры, нищіе, калѣки... все это сливается здѣсь въ одну общую массу, несущую подъ кровлю много-

численныхъ храмовъ и къ волнамъ священной рѣки свое смиреніе и молитвы.

Напротивъ входа въ храмъ, на раскаленныхъ ступеняхъ каменной лѣстницы, неподвижно сидѣлъ слѣпой факиръ, похожій на каменное изваяніе. Голый, съ непокрытой головой, обливаемый жгучими лучами индійскаго солнца, онъ былъ густо обсыпанъ землей и поражалъ своей странной неподвижностью; его руки были сложены горстью для подаянія и если бы не отрывистые звуки, похожіе на рычаніе, которые онъ иногда издавалъ, то трудно было-бы признать въ немъ живого человѣка. Мѣдныя монеты изрѣдка бросались проходившими въ его руки, но онъ ни малѣйшимъ движеніемъ не нарушалъ своей неподвижности. Проводникъ сообщилъ мнѣ, что факиръ сидитъ въ этомъ положеніи уже очень долгое время, находясь на попеченіи священнослужителей храма. Спустившись къ рѣкѣ, мы сѣли въ лодку и переѣхали къ Гау-гату, гдѣ стоитъ небольшой храмъ, посвященный коровамъ, весьма чтимымъ индусами. У входа въ храмъ находится высѣченное изъ камня изображеніе коровы, а вокругъ него бродятъ живыя животныя, содержимыя при храмѣ. Богомольцы, приходящіе сюда, покупаютъ вѣнки изъ цвѣтовъ и украшаютъ ими рога священныхъ коровъ, которыя немедленно-же сбрасываютъ ихъ съ себя и съѣдаютъ.

Во всѣхъ храмахъ Бенареса индусскіе священники (гангапутры) назойливо выпрашиваютъ подачки у европейскихъ посѣтителей, что производитъ странное впечатлѣніе въ этой обстановкѣ строгаго благочестія, жертвоприношеній и религіозныхъ обрядовъ.

Среди бенаресскихъ святынь выдающееся значеніе принадлежитъ различнаго рода колодцамъ и водоемамъ, происхожденіе которыхъ связано съ какими-либо замѣчательными событіями индусской мифологіи. Особенно замѣчательны два колодца: одинъ около храма Бишешвара, а другой—около Маникараника-гата. Первый, Гайанъ Купъ или колодецъ мудрости, обязанъ своимъ происхожденіемъ богу Шивѣ, который во время борьбы съ другими богами за обладаніе „амритой“ или напиткомъ безсмертныхъ, пролилъ на землю нѣсколько капель этой жидкости, образовавшей священный колодецъ. Другой принадлежитъ храму Таркешвара и представляетъ

собой маленькій, углубленный басейнъ, къ которому ведутъ крутыя каменныя ступени. Надъ колодцами натянуты парусинные навѣсы, подъ которыми сидятъ священники и продавцы цвѣтовъ, сандаловаго дерева и различныхъ священныхъ предметовъ. Колодцы наполнены грязной, зеленоватой водой и издаютъ зловоніе отъ гніющихъ въ нихъ во множествѣ всевозможныхъ вещей, бросаемыхъ туда богомольцами. Но, несмотря на это, они осаждаются толпами вѣрующихъ, пьющихъ съ благоговѣніемъ ихъ отвратительную воду.

Маникараника-гатъ считается однимъ изъ наиболѣе священныхъ гатовъ Бенареса, потому что у его подножія находится мѣсто для сжиганія покойниковъ. Быть сожженнымъ на кострѣ на берегу Ганга, среди храмовъ святого города—величайшее счастіе для человѣка и индусы вѣрятъ, что въ этомъ случаѣ души покойниковъ съ береговъ священной рѣки переселяются прямо въ рай. Больные и старики съ различныхъ концовъ Индіи стекаются умирать въ Бенаресъ, чтобы стать здѣсь добычей огня, очищающаго ихъ души отъ прегрѣшеній.

Мрачное впечатлѣніе производитъ это кладбище индусовъ, гдѣ ежедневно десятки труповъ пожираются пламенемъ. На небольшой площадкѣ берега, подъ ступенями гата, ярко пылаютъ костры, на которыхъ обращаются въ прахъ тѣла счастливыхъ, окончившихъ свою жизнь въ священномъ городѣ. Надъ берегомъ стелется густой пеленой смрадный дымъ отъ костровъ, вокругъ которыхъ хлопочутъ люди, ковыряющіе въ огнѣ длинными кочергами; голые, густо покрытые копотью, они кажутся въ этой обстановкѣ выходцами изъ ада. Трупы, обложенные дровами, медленно сгораютъ, издавая зловѣщій трескъ и шипѣнье. Пока горятъ одни, другіе дожидаются очереди, лежа рядами на берегу рѣки, съ ногами опущенными въ воду. Въ пищѣ для огня здѣсь нѣтъ никогда недостатка. Погребальныя процесіи одна за другой спускаются съ различныхъ концовъ города по величественнымъ ступенямъ гатовъ. Впереди нѣсколько музыкантовъ на какихъ-то странныхъ инструментахъ играютъ похоронный маршъ, полный рѣзкихъ пронзительныхъ звуковъ, а за ними—четыре человѣка несутъ покойника на носилкахъ.

Трупы бываютъ, обыкновенно, завернуты въ цвѣтныя

покрывала, но на костры кладутся голыми, на спину, съ завязанными сзади руками. Родственники покойнаго посыпаютъ его хлѣбными зернами, поливаютъ масломъ и затѣмъ поджигаютъ дрова. Огонь для костра долженъ быть непремѣнно доставленъ изъ дома индуса, принадлежащаго къ кастѣ Домбра—одной изъ низшихъ кастъ населенія. За огонь уплачивается различная плата, доходящая иногда до нѣсколькихъ сотъ рублей и доставляющая представителямъ этой касты хорошій доходъ. Принесенный огонь обносится пять разъ вокругъ костра и затѣмъ кладется въ дрова. Послѣ этого трупъ поступаетъ въ полное распоряженіе рабочаго, который слѣдитъ за сжиганіемъ. Родственники покойнаго садятся вокругъ костра и съ поразительнымъ, непонятнымъ для насъ равнодушіемъ слѣдятъ, какъ трупъ превращается въ пепелъ. Глубокая вѣра индуса въ переселеніе душъ и въ счастливый удѣлъ окончившихъ жизнь на берегахъ Ганга, дѣлаетъ его совершенно равнодушнымъ къ смерти близкаго человѣка, пепелъ котораго бросается имъ съ радостнымъ чувствомъ въ рѣку. И цѣлый день до глубокой ночи здѣсь пылаютъ костры, окруженные молчаливыми группами зрителей, и каждый день священный Гангъ уноситъ отсюда человѣческій прахъ къ далекому синему морю...

X. Въ гостяхъ у магараджи бенаресскаго.

Широкая, величавая рѣка тихо струитъ свои мутныя воды. Гаты бенаресскихъ храмовъ пышутъ удушливымъ жаромъ, изнывая подъ горячими лучами солнца, медленно плывущаго по мутному безоблачному небу. Тяжелый воздухъ, въ которомъ запахъ дыма отъ костровъ перемѣшивается съ запахомъ сандаловаго дерева и другихъ благовоній, стоитъ неподвижно надъ рѣкой, лѣниво плещущей желто-зелеными волнами на каменныя ступени. Возлѣ нихъ на водѣ покачивается лодка и три гребца отдыхаютъ на ея досчатой палубѣ, подставивъ свои темныя, лоснящіяся спины горячему солнцу.

Мы съ проводникомъ Ходабоксомъ спускаемся по раскаленнымъ ступенямъ Манъ Мандиръ-гата къ рѣкѣ и кричимъ нашихъ лодочниковъ. Они быстро вскакиваютъ и подаютъ лодку. Мы садимся и отчаливаемъ отъ берега. Совершенно голые, съ худощавыми, темными тѣлами, индусы сноровисто ставятъ небольшой парусъ и затѣмъ берутся своими жилистыми руками за неуклюжія весла. И вотъ медленно, съ трудомъ преодолѣвая могучее теченіе Ганга, мы подвигаемся вверхъ по рѣкѣ, вдоль величественныхъ гатовъ Бенареса. Мы ѣдемъ теперь въ Рамнагаръ—резиденцію бенаресскаго магараджи.

День душный и знойный постепенно клонится къ вечеру. Тихо скользя по гладкой рѣкѣ, мы наблюдаемъ какъ по мѣрѣ угасанія дня оживляется прибрежная полоса Бенареса. Наступаетъ вечерній часъ, часъ молитвъ и жертвоприношеній великому Брамѣ. Уже бенаресскіе храмы бросаютъ въ рѣку длинныя тѣни, которыя ложатся темными, дрожащими полосами поперекъ рѣки и медленно ползутъ къ ея противоположному берегу. Мы все чаще и чаще въѣзжаемъ въ эту

благодатную тѣнь, гдѣ послѣ знойнаго солнца насъ пріятно охватываетъ прохлада. А на гатахъ Бенареса уже начинается вечерняя жизнь священнаго города. Почти по всему берегу, по раскаленнымъ гранитнымъ ступенямъ, спускаются къ рѣкѣ группы браминовъ, одѣтыхъ въ бѣлыя легкія одежды. Они идутъ за святой водой, чтобы совершить омовеніе и другія установленныя для ихъ касты обрядности. А за ними постепенно стремятся къ рѣкѣ толпы туземцевъ со всѣхъ концовъ Бенареса. И ступени гатовъ, недавно передъ этимъ пустынныя, густо покрываются людьми при глубокомъ молчаніи толпы, придающемъ особенную торжественность этой минутѣ. Безмолвно опускаются люди къ подножіямъ каменныхъ лѣстницъ и безмолвно погружаются въ мутную воду; и нѣсколько мгновеній надъ берегомъ царитъ тишина, нарушаемая лишь плескомъ воды, звонко раздающимся въ тихомъ вечернемъ воздухѣ. Но вслѣдъ за этимъ весь берегъ сразу оживаетъ и тысячи голосовъ, сливаясь въ нестройный хоръ, несутся надъ Гангомъ, отзываясь гдѣ-то глухимъ эхомъ, замирающимъ въ отдаленіи...

Мимо насъ быстро проносится по теченію лодка съ покойникомъ, плотно завернутымъ въ тонкое покрывало; два индуса сидятъ на кормѣ, поджавши ноги, и одинъ изъ нихъ управляетъ рулемъ. Это родственники везутъ трупъ въ Бенаресъ, чтобы сжечь его на кострѣ у подножія гатовъ. Лодка мѣрно качается отъ движенія волны, а покойникъ слегка шевелится.

А мы все плывемъ и плывемъ, оставляя за собой гаты, храмы, дворцы магараджей... Какъ много здѣсь этихъ дворцовъ и какъ нѣкоторые изъ нихъ великолѣпны! Особенно ихъ много около Манменка-гата, гдѣ почти все прибрежье уставлено длиннымъ рядомъ дворцовъ, красивые фасады которыхъ гордо возвышаются на вершинахъ каменныхъ лѣстницъ, спускающихся къ Гангу.

Почти у каждаго индусскаго магараджи есть въ Бенаресѣ дворецъ, служащій ему резиденціей во время большихъ религіозныхъ праздниковъ, на которые съѣзжаются сюда туземные князья со всѣхъ концовъ Индіи. А такіе праздники, посвященные опредѣленному божеству, бываютъ въ Бенаресѣ ежегодно нѣсколько разъ. Почти каждый значительный богъ

индусскаго пантеона имѣетъ свой день, въ который для поклоненія ему стекаются милiоны богомольцевъ.

Одинъ изъ самыхъ блестящихъ праздниковъ бываетъ въ апрѣлѣ, когда Бенаресъ чествуетъ Ганезу. Ганеза, сынъ Шивы—покровитель торговли, олицетвореніе мудрости и благоразумія, одно изъ наиболѣе популярныхъ божествъ Индіи. Онъ изображается обыкновенно въ видѣ толстаго человѣка съ четырьмя руками и головой слона. Этому божеству посвящено въ Бенаресѣ около двухсотъ святилищъ, почему его чествованіе происходитъ здѣсь съ необыкновенной торжественностью. Съ утра до вечера волны Ганга бороздятся многочисленными лодками, наполненными браминами и баядерками и образующими величественныя процессіи, медленно плывущія вдоль гатовъ священной рѣки. Брамины держатъ идоловъ, изображающихъ Ганезу, а баядерки поютъ гимнъ божеству, изображенія котораго, время отъ времени, погружаются въ воду при восторженныхъ возгласахъ толпы покрывающей гаты.

Но теперь весь этотъ необыкновенный городъ храмовъ медленно уходилъ отъ насъ, превращаясь въ грузную массу темныхъ стѣнъ, куполовъ и башенъ и уступая мѣсто желтой равнинѣ, убѣгавшей отъ насъ къ горизонту.

Лодочники, уставши бороться съ теченіемъ рѣки, поправили парусъ и, усѣвшись на корточки, стали жевать бетель, небольшой запасъ котораго индусы носятъ, обыкновенно, при себѣ въ складкахъ чалмы. Бетелевые рожки приготовляются изъ листьевъ бетелевого перца и наполняются растворенной известью, въ которую добавляютъ немного толченаго орѣха, капустной пальмы, гвоздики и другихъ пряностей. Жеванье бетеля распространено среди туземцевъ повсемѣстно въ Индіи, а продажа бетелевыхъ рожковъ производится во всѣхъ людныхъ мѣстахъ.

Индусы, сидя неподвижно около паруса, молча и внимательно смотрятъ на меня и мнѣ кажется, что они хотятъ разговаривать.

Я беру у одного изъ нихъ кусочекъ бетеля, чтобы попробовать его вкусъ и это придаетъ индусамъ бодрости. Мы начинаемъ разговоръ при помощи переводчика.

— Сапбъ, вѣроятно, не англичанинъ? спрашиваетъ меня

одинъ изъ нихъ, худой индусъ съ черными, блестящими глазами.

— Да, я русскій, отвѣчаю я ему. Но почему ты догадался, что я не англичанинъ?

Индусъ нетерпѣливо шевелится на корточкахъ и его блестящіе глаза загораются какимъ-то особеннымъ свѣтомъ.

— О, сапбъ, это сейчасъ-же замѣтно! Англичане не разговариваютъ съ бѣднымъ индусомъ, а ты не погнушался взять отъ меня кусочекъ бетеля. И затѣмъ, мечтательно глядя въ сѣро-голубую даль небосклона, онъ сказалъ тихо:

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ русскій магараджа *). Говорятъ, что онъ теперь повелитель большой страны, могущества которой боятся англичане.

— А ты видѣлъ русскаго магараджу? спрашиваю я его.

— Нѣтъ, я не видѣлъ его. Простой, бѣдный народъ не могъ его видѣть, потому что англичане не допускали этого. Когда индусы узнали, что въ нашу страну пріѣхалъ русскій магараджа, то многіе радовались и говорили: вотъ скоро настанетъ часъ, когда мы освободимся отъ нашихъ притѣснителей, потому что англичане испугаются и разбѣгутся. Но, къ нашему несчастью, этого не случилось. Онъ былъ и въ Бенаресѣ, еще тише добавилъ худой индусъ, точно опасаясь быть кѣмъ-либо подслушаннымъ. Англичане скрывали отъ народа день его пріѣзда, но индусы узнали и въ этотъ день очень много людей собралось въ городъ изъ окрестностей. Брамины говорили народу: „въ той странѣ, откуда пріѣхалъ русскій магараджа, есть много религій и каждую изъ нихъ уважаютъ одинаково“. Русскій магараджа проѣхалъ по Гангу въ Рамнагаръ и уѣхалъ въ Калькуту.

И индусъ, глубоко вздохнувъ, крѣпко обнялъ худыми руками свои костлявыя колѣни.

Но въ это время послышался крикъ съ берега. Лодочники встрепенулись. Мы подъѣзжали къ дворцу Бенаресскаго магараджи. Возлѣ берега въ рѣкѣ стояли слоны, погружая въ мутную воду свои длинные хоботы и пуская изъ нихъ фонтаны. Послѣ жаркаго дня они наслаждались прохладой.

*) Здѣсь подразумѣвается посѣщеніе Индіи нынѣ благополучно царствующимъ Императоромъ.

На одномъ изъ нихъ сидѣлъ голый индусъ и понуждалъ его входить въ глубокую воду, остальные стояли на одномъ мѣстѣ, по колѣно въ водѣ, задумчиво глядя на проѣзжавшую мимо нихъ лодку.

Спустя минуту мы причалили къ берегу. Насъ встрѣтилъ индусъ-полицейскій и повелъ ко дворцу, расположенному почти у самаго берега. Одинъ изъ лодочниковъ побѣжалъ впередъ, чтобы передать секретарю магараджи рекомендательное письмо, которымъ я запасся еще въ Калькутѣ.

Бенаресскій магараджа происходитъ изъ стариннаго рода индусскихъ королей Каси, но въ настоящее время не принадлежитъ къ числу владѣльныхъ особъ, будучи лишенъ политической власти англичанами, оставившими ему прекрасное состояніе. Его дворецъ—весьма живописная издали, но некрасивая вблизи группа обветшалыхъ зданій, увѣнчивающихъ широкую, каменную набережную со ступенями, ведущими къ Гангу.

Магараджа содержитъ небольшую стражу тѣлохранителей, одѣтыхъ въ форму туземныхъ солдатъ индійской арміи; они несутъ караульную службу во дворцѣ и стоятъ у воротъ парными часовыми. Для того, чтобы проникнуть во дворецъ нужно пройти черезъ рядъ большихъ монументальныхъ воротъ и нѣсколько дворовъ, окруженныхъ различными постройками. Во дворахъ посѣтителя встрѣчаетъ многочисленная прислуга, сопровождающая его цѣлой толпой не только до дворца, но и во внутреннихъ помѣщеніяхъ. На послѣднемъ дворѣ меня встрѣтилъ секретарь магараджи, бойкій молодой туземецъ, свободно говорившій по-англійски и сообщилъ, что магараджа выѣхалъ на прогулку. До возвращенія же его онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть внутреннее помѣщеніе резиденціи.

Комнаты и залы дворца, несмотря на богатство хозяина, не поражаютъ великолѣпіемъ; въ этихъ небольшихъ, нѣсколько мрачныхъ и темныхъ помѣщеніяхъ сосредоточено очень много оригинальныхъ вещей, старинной мебели, туземныхъ издѣлій и вещественныхъ воспоминаній о лучшихъ дняхъ Рамнагарской резиденціи, но все это не производитъ на посѣтителя впечатлѣнія. Все это разставлено и разложено безъ вкуса, безъ плана, безъ пониманія цѣнности и значенія

различныхъ предметовъ. Но хуже всего то, что въ этой старинной резиденціи магараджей Бенареса, съ балконовъ которой отчетливо видны золоченые шпили храмовъ священнаго города, все старое и индусское перемѣшано съ европейскимъ. Это нарушаетъ туземный стиль дворца, придавая странную пестроту обстановкѣ этихъ старинныхъ залъ съ небольшими окнами, глубокими нишами, полутемными коридорами, въ которыхъ, кажется, еще до сихъ поръ таятся по темнымъ угламъ величавыя тѣни прежнихъ хозяевъ Рамнагара. Странно видѣть европейскую мебель среди ковровъ и тканей Индіи, среди креселъ старинной выдѣлки, съ чудной рѣзьбой прошлыхъ вѣковъ; фотографическіе портреты въ рамахъ—среди картинъ туземной живописи; современныя бездѣлушки, вывезенныя изъ Европы, рядомъ со старинными кубками, подносами, монетами, кольцами... Въ общемъ, странное впечатлѣніе производитъ дворецъ магараджи: при богатствѣ въ немъ нѣтъ великолѣпія, при обиліи старинныхъ вещей—нѣтъ старины, при обиліи туземныхъ диковинокъ—нѣтъ оригинальности. Точно послѣдніе магараджи, вмѣстѣ съ королевской властью, унесли все это съ собой въ тотъ лучшій міръ, гдѣ имъ уже не угрожаютъ англичане.

Уже стемнѣло когда сопровождаемый толпой босоногихъ слугъ магараджи, я окончилъ обозрѣніе дворца. Мы вышли на дворъ; здѣсь видно было оживленіе: слуги бѣгали взадъ и впередъ, а какая-то старомодная, скрипучая коляска, запряженная парой лошадей, выѣзжала со двора. Оказалось, что магараджа вернулся со своей вечерней прогулки.

Спустя нѣсколько минутъ за мной пришелъ его секретарь и повелъ меня на плоскую крышу дворца, гдѣ магараджа давалъ мнѣ аудіенцію.

Съ небольшой узкой террасы мы поднялись по крутой каменной лѣстницѣ, освѣщенной плошками, на крышу, гдѣ, меня встрѣтилъ небольшого роста, пожилой туземецъ безъ головного убора, въ длинной, расшитой золотомъ рубашкѣ, бѣлыхъ панталонахъ и богато расшитыхъ туфляхъ. Это и былъ магараджа. Онъ подалъ мнѣ руку и пригласилъ сѣсть. И между нами начался тотъ странный разговоръ, который, обыкновенно, ведется между людьми, случайно встрѣтившимися и не связанными никакими общими интересами. Мага-

раджа задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о нашемъ Туркестанѣ и освѣдомился—гдѣ я былъ и что еще думаю посѣтить въ Индіи. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка болѣзненнаго, слабохарактернаго и недалекаго. Онъ говорилъ очень плохо по-англійски, почему наша бесѣда велась при помощи секретаря. Послѣ непродолжительнаго разговора онъ взялъ отъ одного изъ стоявшихъ по близости слугъ небольшую цѣпь, сдѣланную изъ плотныхъ бумажныхъ шариковъ, оклеенныхъ сусальнымъ серебромъ и повѣсилъ ее мнѣ на шею, а потомъ надушилъ мой носовой платокъ атарой (розовой эсенціей), которая была ему подана въ изящномъ флаконѣ на массивномъ золотомъ блюдѣ. Аудіенція окончилась. Магараджа пожалъ мнѣ руку и я, сопровождаемый вереницей слугъ, спустился на дворъ, гдѣ насъ ожидали сипаи съ зажженными факелами, которыми они освѣщали намъ путь до рѣки. Мы усѣлись въ лодку при дрожащемъ свѣтѣ факеловъ, тускло озарявшихъ неподвижныя и молчаливыя фигуры сипаевъ, стоявшихъ шеренгой вдоль берега.

Лодочники взялись за весла и мы отчалили. А спустя нѣсколько мгновеній мы были уже среди широкой, прохладной рѣки.

И теперь вокругъ насъ стояла темная, южная ночь, охватившая своимъ мракомъ засыпавшую землю. Въ небесахъ золотистыя созвѣздія сплетались въ причудливые узоры и сливались надъ нами въ могучій, свѣтлый потокъ, сіявшій таинственнымъ свѣтомъ. Красноватый серпъ луны низко висѣлъ надъ горизонтомъ. А на рѣкѣ было прохладно и тихо.

Вдали изъ мрака выступали свѣтлыя точки, горѣвшія въ Бенаресѣ, но города не было видно. Лодочники молча гребли, слабо ударяя веслами, и тихій плескъ воды робко нарушалъ тишину, замирая надъ сонной рѣкой. Всѣ молчали; дремала рѣка, засыпала земля, погруженная въ мракъ и безмолвіе.

И такъ-же безшумно мы плыли мимо гатовъ уснувшаго Бенареса. Темныя громады дворцовъ и храмовъ неясными силуэтами выступали надъ берегомъ, теперь пустыннымъ и молчаливымъ. И все кругомъ было объято сномъ безмятежнымъ. Лишь гдѣ-то въ сторонѣ, почти надъ самой водой, догорали костры, освѣщая зловѣщимъ пламенемъ берегъ, да сонный Гангъ лѣниво катилъ свои мутныя волны...

XI. Среди памятниковъ возстанія Сипаевъ.

Бенаресъ осмотрѣнъ. Я покидаю городъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ его мощнаго религіознаго духа и уѣзжаю далѣе къ сѣверо-западу. Низкіе, желтые берега Ганга быстро удаляются къ югу. Тучныя густонаселенныя и хорошо воздѣланныя равнины Ауда развертываютъ по сторонамъ пути веселые и живописные виды. Какъ много здѣсь солнца и голубыхъ небесъ, какъ много здѣсь зелени! Чудныя страны, созданныя для человѣческаго благоденствія!

Широко развернулись эти богатыя равнины, упираясь на сѣверѣ въ подножіе могучаго хребта Гималаевъ. Тихо, лѣниво текутъ ихъ рѣки, точно не желая разставаться съ ихъ тучной почвой, красивыми группами лѣса, золотистыми полями, всей этой веселой, яркой природой...

Уже вечерѣло, когда я пріѣхалъ въ Люкноу—бывшую столицу туземнаго королевства Аудъ. Хотя еще не было поздно, но вечеромъ въ городѣ дѣлать рѣшительно нечего, а потому я оставался весь вечеръ въ гостиницѣ. Кстати, нѣсколько словъ объ этихъ гостиницахъ.

Въ сѣверной Индіи весьма часто встрѣчается особый типъ отелей, поразительно не соотвѣтствующій знойному климату. Дѣйствительно, представьте себѣ, одноэтажное, длинное, каменное зданіе, расположенное на совершенно открытомъ мѣстѣ, безъ тѣни; вдоль передняго фасада, куда выходятъ всѣ помѣщенія для проѣзжающихъ, тянется узкая веранда, поддерживаемая рядомъ широкихъ, кирпичныхъ столбовъ, отстоящихъ одинъ отъ другого шага на четыре. Хотя эта веранда и задерживаетъ лучи солнца, не допуская ихъ внутрь помѣщеній, но зато сплошной рядъ подни-

рающихъ ее столбовъ стѣсняетъ движеніе воздуха, а, главное, накаляясь за день, играетъ роль какого-то конденсатора солнечной теплоты. И, поэтому, къ вечеру, когда воздухъ начинаетъ охлаждаться, на верандѣ, а слѣдовательно и въ комнатахъ, стоитъ невыносимая духота, распространяемая этимъ длиннымъ рядомъ кирпичныхъ столбовъ, отъ которыхъ пышетъ жаромъ, какъ отъ сильно натопленной печи. И даже ночью, когда прохлада спускается на изнуренную зноемъ землю, она не можетъ побороть того запаса теплоты, который сосредоточенъ въ этихъ столбахъ и который они выдѣляютъ непрерывно до самаго утра. А съ восходомъ солнца они опять начинаютъ нагрѣваться. И такъ ежедневно. Жарко на улицѣ, жарко на верандѣ, жарко и душно въ помѣщеніяхъ гостинницы.

Люкноу не заключаетъ въ себѣ ни замѣчательныхъ въ архитектурномъ отношеніи памятниковъ, храмовъ или мечетей, ни древнихъ развалинъ, ни слѣдовъ угасшаго въ Индіи буддизма. Кто ищетъ этого, тотъ долженъ проѣхать городъ, не останавливаясь и помнить, что день, проведенный имъ въ Агрѣ, Дели или Ахмедабадѣ, даетъ ему въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ мѣсяцъ пребыванія въ Люкноу.

Но этотъ городъ интересовалъ меня совсѣмъ въ другомъ отношеніи. Онъ привлекалъ меня своей странной судьбой, своей выдающейся ролью въ возстаніи 1857 года и своими памятниками страшной борьбы, которую въ теченіе полугода вели здѣсь англичане съ пылавшимъ мятежомъ, охватившимъ часть сѣверной Индіи.

Дѣйствительно, странная судьба постигла эту благодатную мѣстность. По своимъ естественнымъ условіямъ Аудъ—одна изъ богатѣйшихъ мѣстностей Индіи. До 1856 года она представляла самостоятельное во внутреннемъ управленіи туземное королевство со столицей въ городѣ Люкноу. Государствомъ управлялъ туземный раджа,—чудакъ, оригиналъ, отличавшійся удивительными странностями, которыя въ концѣ концовъ привели къ признанію его психически не-нормальнымъ. Онъ стремился стяжать себѣ славу великаго барабанщика, танцора и лучшаго поэта въ Индіи. Его можно было видѣть участвующимъ въ уличныхъ

процессіяхъ въ Люкноу, гдѣ онъ несъ барабанъ и важно отбивалъ на немъ различные марши. Увлекаясь этой странной музыкой, танцами, сочиняя плохіе стихи, которыми должны были восторгаться придворные, онъ совсѣмъ не занимался государственными дѣлами. Общество, въ которомъ онъ вращался, составляли—пѣвцы, музыканты, поэты, евнухи и женщины. Государственная власть, а вмѣстѣ съ ней и средства страны, сосредоточивалась въ рукахъ его перваго министра, злоупотреблявшаго своимъ положеніемъ до размѣровъ неслыханныхъ. До такихъ крайностей, до которыхъ дошли правители Ауда въ послѣдніе годы его самостоятельной жизни, не доходило ни одно изъ туземныхъ княжествъ Индіи. Произволъ и подкупы, вымогательства и притѣсненія властно царили, изнуряя и озлобляя населеніе. Первый министръ раздавалъ должности не только не сообразуясь со знаніями и способностями человѣка, но даже безъ всякаго отношенія къ его профессіи. Такъ, гражданскимъ судомъ вѣдали придворные музыканты, уголовнымъ—евнухи, завѣдываніе войсками передавалось то кучеру, то капельмейстеру, то евнуху, смотря по тому, кто въ данное время пользовался расположеніемъ министра. Каждой изъ фаворитокъ короля, въ видахъ ихъ обогащенія, предоставлялся надзоръ за какимъ либо государственнымъ учрежденіемъ.

Такое безобразное управленіе страной вскорѣ привело къ плачевнымъ послѣдствіямъ; народъ обѣднѣлъ, многіе землевладѣльцы покинули свои земли, нѣкоторыя плодородныя и хорошо обрабатывавшіяся мѣстности превратились въ пустыню.

Цѣлый рядъ вице-королей Индіи, слѣдившихъ съ негодованіемъ за внутреннимъ положеніемъ Ауда, обращалъ вниманіе раджи на безобразія, совершавшіяся въ его государствѣ. Но раджа по прежнему барабанилъ, танцовалъ и сочинялъ стихи, предоставляя все остальное произволу своихъ приближенныхъ. Наконецъ, въ 1856 году, лордъ Дальфузи, занимавшій въ то время должность вице-короля, объявилъ эту страну присоединенной къ британскимъ владѣніямъ. Раджа былъ лишенъ власти и увезенъ за предѣлы своего государства, а въ Аудѣ введена англійская админи-

страція. Аудъ прекратилъ свое самостоятельное существованіе.

И вотъ, эта страна, изнывавшая въ теченіе многихъ лѣтъ подъ тяжелымъ игомъ тиранніи, страна, которая, казалось, ничѣмъ хорошимъ не могла помянуть своего короля, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ своего освобожденія примыкаетъ къ возстанію сипаевъ. И Люкноу становится театромъ ожесточенной борьбы между ничтожной горсточкой европейцевъ и подавляющей массой туземныхъ войскъ, поддерживаемыхъ населеніемъ.

7-го мая 1857 года, въ окрестностяхъ Люкноу возмутился 7-й туземный полкъ, но благодаря своевременно принятымъ, весьма энергичнымъ мѣрамъ, мятежъ былъ подавленъ. Чтобы произвести впечатлѣніе на туземцевъ, военный губернаторъ города, генералъ Лёуренсъ, произвелъ парадъ войскамъ при весьма торжественной обстановкѣ. Два туземныхъ офицера, своевременно донесшіе о возмущеніи сипаевъ, были при этомъ произведены въ слѣдующіе чины. Нѣсколько недѣль городъ и его окрестности оставались спокойными.

Но это спокойствіе оказалось обманчивымъ. Огонь мятежа еще не былъ вполнѣ потушенъ; подъ охладѣвшимъ снаружи пепломъ еще тлѣла искра, готовая ежеминутно охватить пламенемъ потухшій костеръ.

Въ концѣ мая, возстаніе опять вспыхнуло и на этотъ разъ съ особенной силой; а черезъ нѣсколько дней оно охватило весь городъ и его ближайшія окрестности. Туземныя войска убивали англійскихъ офицеровъ передъ строемъ, на ученьяхъ, нападали на англичанъ въ ихъ квартирахъ, грабили казенные склады, расхищая оружіе... Уже черезъ нѣсколько дней стало очевидно, что англичане не въ силахъ бороться съ разбушевавшимся моремъ мятежа, готоваго снести своими мутными волнами горсть европейцевъ. Необходимо было обратиться къ оборонѣ, защищать женщинъ и дѣтей, спасать казенное имущество и оружіе. И единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ возможно было спасаться отъ мятежа въ Люкноу была, такъ называемая, резиденція,—мѣстопребываніе военнаго губернатора и казенныхъ учрежденій—представлявшая собой европейскій городокъ съ прочными, каменными постройками. Сюда англичане

свезли свои семейства, казну, нѣкоторый запасъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ и сосредоточили небольшой отрядъ европейскихъ войскъ.

Англійская армія, служащая иногда мишенью для нападокъ, имѣетъ въ своемъ прошломъ не мало воспоминаній, которыя сохраняла-бы съ гордостью любая европейская армія. Борьба съ мятежомъ 1857 г., захватившимъ англичанъ совершенно врасплохъ, и надавившимъ всей своей тяжестью на малочисленный контингентъ европейскихъ войскъ, обнаружила прекрасныя качества англійскаго солдата того времени.

Дѣйствительно, чуть-ли не каждый день мятежа ознаменованъ какимъ-либо выдающимся предпріятіемъ англичанъ.

Находясь среди объятаго мятежемъ города лишь съ частью 32-го пѣхотнаго полка, генералъ Лёуренсъ, узнавши о приближеніи со стороны Каунпура партіи мятежниковъ, смѣло выступаетъ имъ навстрѣчу и атакуетъ ихъ; но не будучи въ силахъ устоять противъ превосходящихъ силъ непріятеля, въ порядкѣ отступаетъ къ резиденціи. Здѣсь англичане въ теченіе пяти съ лишнимъ мѣсяцевъ выдерживали осаду, предпринятую многочисленнымъ, хорошо вооруженнымъ противникомъ, обладавшимъ сильной артиллеріей. Почти ежедневно производятся вылазки, штурмъ за штурмомъ отражается съ отчаянной храбростью, укрѣпленія, обезпечивающія резиденцію, растутъ, превращая ее въ неприступную твердыню. Но, наконецъ, послѣ пяти мѣсяцевъ борьбы, голода, жажды и лишеній, послѣ пяти тревожныхъ мѣсяцевъ, проведенныхъ между жизнью и смертью, подоспѣла помощь извнѣ; англійскій отрядъ генерала Гавелока, образовавшійся изъ мелкихъ частей, освободившихся за усмиреніемъ мятежа въ сосѣднихъ мѣстностяхъ Пенджаба, достигъ Люкноу въ серединѣ ноября и освободилъ осажденныхъ, нанеся полное пораженіе мятежникамъ.

Читая описаніе мятежа 1857 года, поражаешься неподготовленностью, которую обнаружили при этомъ англичане. Когда вспыхнуло возстаніе, то британскихъ войскъ не хватало не только для борьбы съ мятежниками, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже для конвоированія транспортовъ съ семействами и казеннымъ имуществомъ. Укрѣпленія, казен-

ные склады, тюрьмы, казначейства,—всѐ это оказалось во власти мятежниковъ, потому что все это охранялось и было занято частями туземной арміи. Понятно, что для того, чтобы вернуть себѣ при этихъ условіяхъ господствующее положеніе, немногочисленнымъ англійскимъ войскамъ приходилось дѣлать необыкновенныя усилія и своимъ геройствомъ возмѣщать недостатокъ предусмотрительности. Излишнее довѣріе къ сипаямъ и излишняя вѣра въ силу своего обаянія обошлись англичанамъ дорого въ тяжелые и мрачные дни 1857 года.

Одной изъ достопримѣчательностей Люкноу является въ настоящее время именно та самая резиденція, которая служила мѣстомъ этой отчаянной борьбы. Теперь, это—красивое, историческое кладбище, расположенное въ центрѣ города, нѣсколько въ сторонѣ отъ шумныхъ туземныхъ базаровъ, на правомъ берегу р. Гумти.

Въ первый-же день своего пребыванія въ Люкноу, ознакомившись предварительно по путеводителю съ общимъ ходомъ осады города возмутившимися сипаями, я отправился осматривать резиденцію. Уже зной спадалъ и солнце склонялось къ горизонту, пронизывая косыми лучами пыльный воздухъ городскихъ улицъ, когда извощичій экипажъ подвезъ меня къ густому, тѣнистому саду. И какой странный видъ у этого сада! Не то садъ, не то кладбище. Кое-гдѣ земляные валы, рѣшетки, сквозь листву деревьевъ проглядываютъ памятники, кресты.... Кругомъ тишина, какая-то строгая, сосредоточенная тишина, которая бываетъ только подъ сводами храмовъ, да въ тѣнистыхъ аллеяхъ кладбищъ.

Все пространство, оборонявшееся англичанами въ 1857 году, со всѣми возведенными ими укрѣпленіями, сторожевыми башнями, подземельями и различными помѣщеніями, сохраняется до настоящаго времени въ неприкосновенности, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ все это было послѣ освобожденія осажденныхъ прибывшими подкрѣпленіями. Это—довольно обширная площадь въ четверть квадратной версты, обнесенная проволочной изгородью, вдоль которой кое-гдѣ, преимущественно съ сѣверной стороны, сохранились слѣды прежней глинобитной стѣны, въ видѣ низкаго земляного вала. Этотъ небольшой, мѣстами совсѣмъ

почти незамѣтный валъ обозначаетъ собой линію англійскихъ укрѣпленій, которыя возведены были обороняющимися со всѣхъ сторонъ резиденціи. И до сихъ поръ еще стоятъ, разбросанные въ различныхъ мѣстахъ, заплывшіе, утерявшіе свои формы и укрытые выросшимъ кустарникомъ, земляные батареи, окопы и редуты. Щедро политые человѣческой кровью, они покрылись густымъ травянистымъ покровомъ.

Возлѣ каждаго укрѣпленія стоитъ невысокій каменный столбъ съ надписью, поясняющей событіе, съ которымъ оно связано въ прошломъ. Но интереснѣе всего—остатки каменныхъ построекъ, со стѣнами, продырявленными артилерійскими снарядами, съ пробитыми крышами, съ разрушенными сводами... Издали, сквозь густую листву деревьевъ, они кажутся скелетами какихъ-то огромныхъ чудовищъ.

На стѣнахъ, поросшимъ мхомъ, прибиты доски съ надписями, по которымъ можно судить, что когда-то здѣсь кипѣла бодрая жизнь защитниковъ резиденіи. Вотъ небольшой полуразрушенный домикъ съ земляной крышей, поросшей травою; въ немъ жилъ руководившій обороной генералъ Лёуренсъ. Вотъ комната въ которой онъ умеръ, смертельно раненый осколкомъ гранаты. Все это записано, отмѣчено и увѣковѣчено для назиданія потомству. Память о главномъ руководителѣ обороны увѣковѣчена, кромѣ этого, великолѣпнымъ, высѣченнымъ изъ бѣлаго мрамора, крестомъ въ 20 футовъ высоты, водруженнымъ на искусственномъ земляномъ холмѣ.

Небольшая горсть туземныхъ солдатъ, преимущественно сейковъ, оставшихся до конца вѣрными англичанамъ, имѣетъ свою долю славы въ боевыхъ воспоминаніяхъ осады Люкноу. И чтобы не предавались забвенію услуги, оказанныя ими въ тяжелую минуту возстанія, а также для назиданія туземцевъ, въ предѣлахъ резиденціи поставленъ величественный обелискъ, на которомъ вырѣзаны имена всѣхъ туземныхъ офицеровъ и солдатъ, павшихъ при исполненіи ими своего служебнаго долга.

Нѣсколько сѣвернѣе резиденціи, на самомъ берегу рѣки, находится кладбище, на которомъ погребены ея защитники, въ числѣ около 2,000 мужчинъ и женщинъ.

Резиденція и смежное съ ней кладбище изобилуютъ древесной растительностью и производятъ впечатлѣніе большого, запущеннаго сада. И странное чувство охватываетъ человѣка, гуляющаго среди каменныхъ развалинъ, потемнѣвшихъ отъ времени и поросшимъ мхомъ, среди надгробныхъ памятниковъ, зеленыхъ могилъ, заботливо убранныхъ цвѣтами, среди старыхъ брустверовъ, барбетовъ, траншей... Большія, развѣсистыя деревья широко простираютъ въ воздухѣ свои густыя вѣтви, бросая тѣнь на эти остатки прошлаго и, кажется, охраняютъ ихъ своей темной листвой отъ внѣшнихъ вліяній. Подъ сѣнью этихъ тѣнистыхъ, могучихъ деревьевъ, образующихъ красивыя аллеи, царитъ тишина, навѣвающая какое-то грустное чувство. Тихо и мирно подъ зелеными сводами деревьевъ, тихо среди угрюмыхъ, продырявленныхъ стѣнъ, тихо среди могилъ, обозначенныхъ въ густой травѣ длинными рядами намогильныхъ крестовъ... И вотъ изрѣдка, то здѣсь, то тамъ эту тишину пронизываетъ рѣзкій крикъ обезьянъ, въ изобиліи населяющихъ историческія развалины. Задумавшись надъ памятникомъ, надъ трогательной или полной гордыхъ воспоминаній надписью, вздрогнешь отъ этого непріятнаго, не то жалобнаго, не то раздражительнаго крика.

Солнце уже опустилось за раскаленныя постройки города и сумерки зарождались въ тѣнистыхъ углахъ резиденціи, когда я окончилъ обозрѣніе ея интересныхъ памятниковъ и развалинъ. Я возвращался къ себѣ въ гостинницу пѣшкомъ, медленно шагая по пыльнымъ улицамъ туземнаго города.

Душный вечеръ опускался на землю, медленно остывавшую отъ зноя, и небо, еще горѣвшее на западѣ красноватымъ заревомъ потухавшей вечерней зари, покрывалось блѣдными, слабо мигавшими звѣздами. Городъ, очнувшись отъ дневного зноя, оживалъ и гудѣлъ разнообразными голосами, наполнявшими его тѣсные и мрачные закоулки. Туземцы въ эти жаркіе дни съ заходомъ солнца переселяются изъ домовъ на улицы, которыя превращаются въ шумные, оживленные базары, освѣщенные первобытными плошками и факелами. Съ трудомъ пробираешься въ этой вечерней сутолокѣ, поминутно натыкаясь на вынесенныя на улицу кровати, скамейки, на групы голыхъ туземцевъ, сидящихъ

на землѣ и отдыхающихъ послѣ тяжелаго трудового дня, проведеннаго подъ лучами индійскаго солнца... Густой, душный воздухъ, напоенный тяжелымъ запахомъ туземной толпы, горѣлымъ саломъ плошекъ, слабо освѣщающихъ своимъ дрожащимъ и коптящимъ пламенемъ голыя фигуры индусовъ и наполненный удушливой пылью, стоитъ неподвижно среди тѣсныхъ рядовъ туземныхъ построекъ. Я спѣшу, чтобы скорѣе выбраться изъ этой тягостной атмосферы и облегченно вдыхаю въ себя свѣжій воздухъ, вырвавшись на просторъ широкихъ, пустынныхъ улицъ англійскаго города. А вотъ и огни гостинницы, въ которой я остановился.

Обѣдъ, поздній англійскій обѣдъ, со смокингами и фраками, при 30-ти градусной вечерней температурѣ, приближается. И я не успѣваю привести себя въ порядокъ и переодѣться, какъ раздаются глухіе удары о металлическій щитъ, висящій на верандѣ, удары, возмѣщающіе наступленіе обѣденнаго часа. Обѣдъ въ индійскихъ гостинницахъ въ жаркое время года проходитъ весьма скучно, потому что всѣ томятся отъ духоты и чувствуютъ себя разслабленными послѣ тяжелаго зноя. И тотчасъ же послѣ обѣда всѣ расходятся, чтобы дать истомленному организму отдыхъ на свѣжемъ воздухѣ.

Вернувшись послѣ обѣда къ себѣ, я зову слугу-индуса и приказываю ему вынести мою кровать на дворъ, чтобы избавиться отъ нестерпимой духоты, наполняющей мою комнату. И затѣмъ ложусь спать на открытомъ воздухѣ, подъ темнымъ сводомъ необъятнаго неба. Но еще долго сонъ бѣжитъ отъ моихъ глазъ, устремленныхъ въ таинственную область небесныхъ свѣтилъ, раскинутыхъ природой въ такомъ живописномъ великолѣпіи. Чѣмъ дальше всматриваешься въ темную глубину ночного неба, тѣмъ больше и больше находишь звѣздъ, незамѣтныхъ при поверхностномъ взглядѣ. Онѣ точно выходятъ откуда-то изъ мірового, безпредѣльнаго пространства и зажигаются на небесномъ сводѣ блѣднымъ, таинственнымъ свѣтомъ. Есть что-то тревожное, безпокойное, что-то неудовлетворенное и загадочное въ тихомъ мерцаніи звѣздъ. И съ какимъ-то томительнымъ чувствомъ отрываешься отъ звѣзднаго небосклона, чтобы отдаться во власть благодатнаго сна, уже охватившаго землю...

XII. Въ восточномъ Римѣ.

Дели... Городъ царей, столица падишаховъ, Римъ западной Азіи; сѣдая, величавая древность, полная горделивыхъ воспоминаній, необъятная площадь царственныхъ развалинъ, медленно угасающихъ подъ знойнымъ небомъ Индіи... Тихой, глубокой грустью вѣетъ отъ этихъ старыхъ, забытыхъ, но еще величественныхъ памятниковъ великаго города.

Дели... Кладбище дворцовъ, храмовъ, гробницъ, причудливыхъ созданій архитектурнаго генія Востока; обширный, полуразрушенный временемъ и природой, гигантскій мавзолей въ память продолжительной и славной дѣятельности человѣка.

Дели, это—Индія въ прошломъ, это—былое средоточіе ея славы, могущества и богатства, средоточіе ея власти и обаянія, средоточіе ея силы и національнаго генія. Исторія Дели есть исторія Индіи; Дели возникъ на зарѣ исторической жизни страны и связалъ свое имя со всѣми величайшими событіями исторіи Индіи; поэтому его имя окружено ореоломъ величія и славы, а исторія его жизни—есть исторія судебъ Индостана.

Имя Дели сіяетъ ослѣпительнымъ блескомъ на пространствѣ многихъ столѣтій. Въ немъ, въ его древнихъ стѣнахъ, среди величественныхъ развалинъ, подъ сводами великолѣпныхъ мечетей, въ тѣни густыхъ садовъ, сосредоточилась вся слава и все величіе Индіи. Это та слава и то величіе, которыя въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій возбуждали зависть и алчность европейскаго міра и побуждали Колумба и Васко де-Гаму стремиться въ безпредѣльную, мятежную ширь океана...

Какой городъ въ мірѣ можетъ соперничать въ славѣ съ этимъ городомъ падишаховъ? Римъ, древній, великій

Римъ,—столица западнаго, европейскаго міра. Онъ одинъ, этотъ вѣчный городъ, видавшій у ногъ своихъ разноплеменный Западъ, покорный и колѣнопреклоненный, сіявшій яркимъ свѣточемъ европейской цивилизаціи, онъ одинъ можетъ стать на ряду со столицей Востока.

Уже за двадцать столѣтій до нашей эры Дели, древняя Индропехта, былъ столицей обширной арійской имперіи. И съ того времени почти до нашихъ дней онъ играетъ выдающуюся, исключительную роль въ судьбахъ западной Азіи.

Созданный иноземными завоевателями, онъ постоянно переходилъ отъ одной династіи къ другой, отъ одного побѣдителя къ другому, являясь яблокомъ раздора и предметомъ вожделѣній для всѣхъ, кого привлекали богатства Индіи. И въ народахъ, населяющихъ эту страну, живетъ до сихъ поръ увѣренность, что въ древнихъ стѣнахъ царственнаго Дели хранится ключъ къ обладанію Индіей. Кто не владѣетъ этимъ городомъ, тотъ не владѣетъ Индіей. Дели это—палладіумъ Индостана, съ судьбой котораго связана его собственная судьба. И англичане почувствовали себя хозяевами въ Индіи только тогда, когда въ 1804 году утвердились на развалинахъ азіатской столицы. И на виду у величавыхъ памятниковъ великаго города, по сосѣдству съ гробницами его императоровъ, на развалинахъ былого величія, они дважды подтверждаютъ свое господство надъ Индіей: въ 1877 году въ Дели состоялось всенародное объявленіе королевы Викторіи императрицей Индіи, а въ 1902 г.—объявленіе императоромъ Индіи короля Эдуарда.

Дели неоднократно перемѣщался съ мѣста на мѣсто среди безконечной борьбы династій, среди войнъ, превращавшихъ цвѣтущій городъ въ дымящуюся груду развалинъ. Побѣдитель строилъ новый городъ рядомъ съ разрушеннымъ и создавалъ въ немъ новый центръ могущества и великолѣпія. Особенно бурно текла жизнь великаго города съ тѣхъ поръ, какъ въ 1193 году по Р. Х. въ немъ утвердилась мусульманская династія и исламъ началъ свое побѣдоносное наступленіе съ сѣвера на Индію. Поэтому нигдѣ въ мірѣ нельзя найти такого огромнаго количества историческихъ развалинъ, памятниковъ старины, остатковъ былого величія, какъ въ окрестностяхъ современнаго Дели.

Самый славный періодъ въ исторической судьбѣ великаго города, это царствованіе династіи Великихъ Моголовъ, основателемъ которой явился выходецъ изъ Ферганы, завоеватель Баберъ. Этой династіи, просвѣщенію ея императоровъ, ихъ художественному влеченію и ихъ любви къ роскоши и великолѣпію, обязана Индія своими величайшими архитектурными памятниками, которые возбуждаютъ изумленіе и восторгъ блескомъ воплощеннаго въ нихъ творческаго генія.

Я прибылъ въ Дели на разсвѣтѣ 20 апрѣля. Городъ еще спалъ, объятый сномъ и свѣжестью ранняго утра, и солнце едва показывалось багровымъ дискомъ на горизонтѣ. Было тихо, прохладно и я проѣхалъ по пустыннымъ широкимъ улицамъ въ гостиницу, расположенную на окраинѣ англійскаго города.

Для туриста пріѣхавшаго въ Дели, представляются три главные предмета для обозрѣнія, три групы достопримѣчательностей великаго города. Это—современный Дели, развалины древняго города и памятники возстанія сипаевъ 1857 года.

Современный Дели основанъ въ 1631 году императоромъ Шахъ-Джеганомъ, положившимъ конецъ перемѣщеніямъ столицы; онъ называется Шахджанабадомъ и расположенъ на правомъ берегу широкой, красивой рѣки Джумны, тихо катящей свои нѣжно-голубыя волны въ низкихъ, песчаныхъ берегахъ мимо развалинъ Восточнаго Рима. Онъ заключаетъ въ своихъ предѣлахъ нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ, но имѣетъ интересъ преимущественно современный. Это—огромный, полуиндусскій, полумусульманскій городъ съ двухсотъ тысячнымъ населеніемъ, многочисленными базарами, кривыми, узкими улицами, застроенными старинными, темными домами, со всей сутолокой и пестротой азіатской толпы. Весь онъ находится въ распоряженіи туземцевъ. Англичане, какъ вездѣ въ Индіи, брезгливо сторонятся отъ туземнаго города и образовали за его сѣверо-западной окраинной небольшой, европейскій городокъ, состоящій, преимущественно, изъ правительственныхъ, казенныхъ зданій.

Современному городу я посвятилъ первое же время своего пребыванія въ Дели.

Городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ каменной оградой, имѣющей по сторонамъ, не примыкающимъ къ рѣкѣ, бастіонное начертаніе; съ рѣчной стороны ограда смыкается у обширнаго, стариннаго форта, красиво расположеннаго на берегу Джумны. Въ городской оградѣ имѣется нѣсколько воротъ, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ собой просто проломы въ стѣнѣ, уже утратившей въ настоящее время свое оборонительное значеніе.

Отдохнувши въ гостинницѣ, я прошелъ черезъ Кабульскія ворота въ туземный городъ, уже просыпавшійся и оживавшій. Передо мной широкая, длинная, прямая какъ стрѣла Queen's road, прорѣзающая сѣверную часть города. Это— прямая дорога въ фортъ, мѣсторасположеніе желѣзнодорожнаго вокзала и нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій, полуазіатская, полуевропейская улица, единственная въ туземномъ городѣ, расширенная и обстроенная англичанами. Справа отъ нея раскинулся небольшой, но тѣнистый, красивый садъ, манящій прохожаго своей свѣжей зеленью, прохладной тѣнью, искрящимися на солнцѣ холодными брызгами фонтановъ, бьющихъ среди пестрыхъ яркихъ цвѣтниковъ. Погулявши въ саду, прохожу по нѣсколько пустынному, безлюдному мѣсту мимо форта и направляюсь къ Джама Масжидъ, одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и величественныхъ мечетей Индіи, построенной въ XVII вѣкѣ императоромъ Шахъ-Джеганомъ. Уже одинъ видъ ея высокихъ минаретовъ, издалека выдѣляющихся на темно-голубомъ небѣ и гордо вздымающихся надъ городомъ, указываетъ на господство ислама въ Дели. Индуизмъ съ его храмами, пантеономъ боговъ, идолопоклонствомъ и сожиганіемъ труповъ остался уже сзади и только кое-гдѣ небольшими пятнами попадается въ сплошномъ морѣ ислама, охватившаго сѣверную Индію.

Распространеніе мусульманства въ Индіи представляетъ собой одно изъ любопытнѣйшихъ историческихъ явленій. Занесенный сюда случайно, извнѣ, огнемъ и мечомъ мусульманскихъ завоевателей, не имѣвшій здѣсь ни проповѣдниковъ, ни правъ государственной религіи, исламъ, оказавшись лицомъ къ лицу съ ново-брахманскими религіями, сильными своимъ сектантскимъ духомъ, идеями аскетизма

и строгой организаціей священства, проявилъ поразительную живучесть и силу. И шли вѣка за вѣками, въ Дели одна династія смѣняла другую, Великіе Моголы уступили свое мѣсто завоевателямъ изъ Ирана, послѣ нихъ утвердились мараты, а струи ислама, просочившіяся черезъ Гиндукушскій хребетъ, постепенно заливали сѣверную Индію. И они медленно расползались по обширной поверхности знойныхъ равнинъ Пенджаба, подобно потокамъ лавы, и кристализовались въ дивныхъ архитектурныхъ памятникахъ. Они доползли до Центральной Индіи, достигли древнихъ стѣнъ священнаго Бенареса и даже просочились тонкими струйками въ Деканъ. И спустя нѣсколько столѣтій послѣ своего появленія въ сѣверной Индіи, ученіе Пророка восторжествовало надъ могуществомъ Брамы и Шивы, соединенныя усилія которыхъ не могли одолѣть активной живучести мусульманства. Сѣверная Индія поклонилась Магомету.

Делійская мечеть производитъ сильное впечатлѣніе своими размѣрами, красотой куполовъ и башенъ, изяществомъ минаретовъ. Вся она поставлена на высокомъ основаніи, опоясанномъ высокой оградой, образующей рядъ портиковъ и украшенной по угламъ невысокими башнями. Съ трехъ сторонъ въ оградѣ имѣются высокія, монументальныя ворота, увѣнчанныя галереями и минаретами и ведущія на обширный дворъ, посреди котораго находится четырехугольный басейнъ, предназначенный для омовеній. Сама мечеть стоитъ въ глубинѣ, за басейномъ, увѣнчанная тремя мощными куполами, по сторонамъ которыхъ смѣло тянуться къ небу красивые минареты.

Мечеть сложена изъ краснаго песчаника и мрамора и вся, своей оградой, башнями и колосальными каменными ступенями, ведущими къ воротамъ, построена чрезвычайно величественно и изящно.

Преданіе гласитъ, что она строилась 6 лѣтъ пятью тысячами рабочихъ ежедневно.

Въ своихъ стѣнахъ она хранитъ величайшія мусульманскія святыни, привлекающія сюда правовѣрныхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ сѣверной Индіи. Здѣсь хранится коранъ, писанный еще при жизни Али, въ VII вѣкѣ по Р. Х., слѣдъ ноги Пророка, отпечатанный на камнѣ, туфли Магомета, во-

лось изъ его усовъ и небольшой кусокъ надгробнаго камня съ его гробницы.

Какой-то старецъ въ колосальной чалмѣ, босой, молчаливаго, смиреннаго вида, водилъ меня по двору, по минаретамъ, башнямъ, галереямъ и, повидимому, весь былъ проникнутъ глубокой вѣрой въ святость этого мѣста.

Я вошелъ внутрь этой мечети... Подъ высокими сводами царилъ полумракъ, а прохлада пріятно освѣжала послѣ знойнаго воздуха, уже накаленнаго утреннимъ солнцемъ. Подъ потолкомъ хлопотливо летали ласточки, вившія гнѣзда и наполняли тишину полутемной мечети мягкимъ шумомъ своихъ крыльевъ, разсѣкавшихъ прохладный воздухъ. Въ мечети было пусто и лишь человѣкъ пять, снявши у входа свои туфли, сидѣли колѣнопреклоненные на холодныхъ, каменныхъ плитахъ и усердно молились. Кругомъ было тихо, спокойно и вся мечеть какъ-то строго выглядѣла въ таинственномъ полумракѣ.

Осмотрѣвши эту мечеть, я отправился къ южной оконечности города къ другой мечети Калянъ Масжидъ, хотя и менѣе величественной, чѣмъ первая, но болѣе древней и являющейся типичнымъ образчикомъ мусульманской архитектуры XIV вѣка. Она совмѣщаетъ въ себѣ оригинальное смѣшеніе стилей египетскаго и индусскаго съ характерными особенностями арабскаго стиля. Для знатоковъ архитектуры и для археологовъ она представляетъ огромный интересъ, но на обыкновеннаго туриста не производитъ сильнаго впечатлѣнія.

По пути къ этой мечети мнѣ пришлось пройти черезъ нѣсколько густонаселенныхъ кварталовъ туземнаго города. Улицы узкія, немощенныя, пыльныя, сжатыя сплошными рядами двухъ и трехэтажныхъ, то каменныхъ, то деревянныхъ домовъ; тѣснота построекъ и скученность населенія такія же, какъ и во всѣхъ туземныхъ городахъ Индіи. Но Дели поразилъ меня сравнительной чистотой своихъ улицъ и площадей и болѣе спокойнымъ видомъ своей уличной жизни. Толпа, почти исключительно мужская, тихо и медленно подвигалась по улицамъ и только на площадяхъ, возлѣ торговыхъ рядовъ, крики торговцевъ и споры ихъ съ

покупателями придавали уличной жизни болѣе оживленный характеръ.

29. Улица въ туземныхъ кварталахъ г. Дели.

Лучшая улица въ туземномъ Дели—Чандни Чокъ, прорѣзающая весь городъ съ востока на западъ и соединяющая фортъ съ Лагорскими воротами. Она обсажена великолѣпными, тѣнистыми деревьями, придающими ей характеръ бульвара и имѣетъ по серединѣ сплошную крытую галерею, обставленную съ обѣихъ сторонъ туземными лавками. И одна лишь эта улица, торгующая лучшими произведеніями мѣстной промышленности, съ бойкой торговлей, многочисленными туристами, пестрой толпой туземныхъ покупателей, толкающихся по галереѣ, напоминаетъ своимъ оживленіемъ прочіе города Индіи. Остальная часть города производитъ впечатлѣніе чего то молчаливаго и пустыннаго, точно Дели, бурно проживъ столько тысячелѣтій, усталъ и теперь отдыхаетъ въ сладкой дремотѣ.

Оживленная и пестрая Чандни Чокъ привела меня къ форту, расположенному на берегу голубой, красивой Джумны. Пройдя колосальныя ворота, увѣнчанныя различными украшеніями въ видѣ куполовъ и башенъ, вступаешь внутрь форта, охватившаго своими высокими, каменными стѣнами большую площадь низкаго берега. Въ глубинѣ форта, надъ

самой рѣкой, въ гордомъ безмолвіи и безъ признаковъ жизни, стоитъ дворецъ делійскихъ императоровъ, старый, заброшенный, одряхлѣвшій, но еще величественный и красивый... Онъ стоитъ здѣсь одинокій, задумчиво прислушиваясь къ тихому журчанію рѣчной струи и къ плеску голубыхъ волнъ красавицы Джумны. И какъ рѣжутъ глазъ стоящія въ сторонѣ отъ него неуклюжія казармы англійскаго гарнизона! И вотъ мимо нихъ, мимо какихъ-то продовольственныхъ магазиновъ, погребовъ и складовъ, пробираешься къ былой резиденціи делійскихъ падишаховъ. Но вотъ и дворецъ. Огромное, одноэтажное зданіе, сложенное изъ краснаго песчаника. Или вѣрнѣе, цѣлая группа зданій, мѣстами разрушенныхъ, мѣстами обезображенныхъ позднѣйшимъ ремонтомъ. Когда-то соединенныя вмѣстѣ, они составляли одно стройное цѣлое, одинъ дворецъ, одну резиденцію повелителей Азіи. Преданіе гласитъ, что этотъ дворецъ вмѣщалъ въ себѣ ослѣпительную роскошь и считался лучшимъ во всей Индіи. Никто не смѣлъ приближаться къ нему, не преклонившись до земли. А теперь онъ стоитъ обезображенный, расчлененный, забытый... Вотъ, напримѣръ, знаменитая дивань-и-амъ или зала аудіенцій, своды которой опираются на длинные ряды красивыхъ колоннъ изъ розоваго песчаника; когда-то эти колонны имѣли позолоту, но теперь она исчезла безслѣдно. У задней стѣны этой величественной залы, служившей Великимъ Моголамъ для торжественныхъ пріемовъ, имѣется небольшое возвышеніе, на которомъ стоитъ тронъ, осѣненный красивымъ балдахиномъ на четырехъ мраморныхъ столбахъ, украшенныхъ великолѣпной мозаикой. За тропомъ находится дверь, черезъ которую императоры выходили изъ внутреннихъ комнатъ дворца. Вся стѣна по сторонамъ этихъ дверей покрыта живописью и мозаикой изъ драгоцѣнныхъ камней, изображающихъ фигуры звѣрей и птицъ, букеты цвѣтовъ и плоды. Эта художественная работа была выполнена французомъ Аустиномъ де-Бордо, бѣжавшимъ изъ Европы, гдѣ его преслѣдовали за производство фальшивыхъ драгоцѣнностей; онъ поселился въ Индіи, поступилъ на службу къ императору Шахъ-Джегану и скоро своимъ искусствомъ заслужилъ расположеніе падишаха, поручившаго ему украшеніе дворца.

Не менѣе роскошна отдѣлка слѣдующей, нѣсколько меньшей залы—диванъ-и-казъ или залы частныхъ аудіенцій. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе пьедесталъ изъ бѣлаго мрамора, на которомъ стоялъ когда-то знаменитый Павлиній тронъ, увезенный изъ Дели Надиръ-шахомъ въ 1739 году и находящійся нынѣ въ шахскомъ дворцѣ въ Тегеранѣ. Фигуры павлиновъ, стоящихъ за тропомъ, составлены изъ драгоцѣнныхъ камней, подобранныхъ по цвѣтамъ соотвѣтственно окраскѣ перьевъ этой красивой птицы.

И много еще слѣдовъ богатства, остатковъ великолѣпія, памятниковъ былой роскоши разбросано среди старыхъ зданій дворца. И все это медленно разрушается, погибаетъ и исчезаетъ, дѣлая все болѣе и болѣе затруднительнымъ возстановленіе воображеніемъ той величественной и изумительной по блеску картины, которую представлялъ собой когда-то дворецъ делійскихъ императоровъ.

Въ глубокомъ раздумьи, вернулся я по пустынной и чистой Queen's road къ себѣ въ гостиницу. Обозрѣніе древностей всегда навѣваетъ что-то грустное и тоскливое...

Въ тотъ же день вечеромъ я осмотрѣлъ памятники, сохранившіеся въ Дели отъ возстанія сипаевъ. Возстаніе 1857 г. сильно отразилось и на древней столицѣ Индіи, пожелавшей возстановить угасавшую династію своихъ императоровъ. Послѣдній изъ нихъ, Магометъ Бахадуръ, лишенный англичанами престола въ 1804 г., но сохранившій пожизненно титулъ императора, жилъ въ окрестностяхъ Дели на пенсіи и самъ не принималъ никакого участія въ возстаніи. Но туземныя войска, поднявшіе знамя мятежа, объявили его возведеннымъ на престолъ и вели борьбу его именемъ.

Въ Дели памятники возстанія сипаевъ расположены къ сѣверо-западу отъ города, на узкомъ, невысокомъ хребтѣ, который тянется параллельно теченію Джумны. Здѣсь сохранился рядъ старыхъ построекъ, служившихъ англійскимъ войскамъ опорными пунктами, когда они занимали этотъ хребетъ, осаждая Дели, захваченный мятежниками. Между гребнемъ этого хребта и бастіонами, окружающими городъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ происходила борьба, не менѣе ожесточенная, чѣмъ при оборонѣ Люкноу.

14-го сентября 1857 года генералъ Никольсонъ со всѣми наличными силами штурмовалъ Дели и овладѣлъ городомъ, понеся значительныя потери.

Въ память этихъ событій, англичане воздвигли на южной оконечности вышеупомянутаго хребта красивый памятникъ въ формѣ часовни. Со всѣхъ сторонъ онъ испещренъ надписями, передающими въ потомство имена павшихъ героевъ. Внутри памятника имѣется небольшое помѣщеніе, въ которомъ хранится большой, наглядный планъ осады Дели въ 1857 году. По лѣстницѣ можно подняться въ верхнюю часть памятника и любоваться оттуда величественнымъ видомъ древней столицы Индіи.

Крутая, полутемная лѣстница съ прохладными, каменными ступенями привела меня на небольшую площадку въ формѣ бесѣдки. Я сѣлъ на скамью и долго любовался чудной панорамой, развернувшейся у моихъ ногъ.

Къ востоку, среди желто-зеленыхъ равнинъ, извивалась стальная лента рѣки, то терявшаяся въ зарослях, то свободно выбѣгавшая на просторъ тучныхъ полей. Нѣсколько къ югу, между рѣкой и подножіемъ возвышенностей, раскинулся Дели, громадный и грозный, съ бастіонами, башнями, цитаделью, примкнувшей къ рѣкѣ и съ величавыми куполами мечетей. А за нимъ, далеко къ югу, перемежаясь съ красивыми группами лѣса, садовъ и кустарника, неясно выдѣлялись на сѣромъ фонѣ равнины многочисленныя развалины древняго Дели. Сѣвернѣе города, почти подъ самымъ хребтомъ, вытянулись стройными линіями постройки англійскаго городка. А вокругъ всего этого до горизонта залегла необъятная индійская равнина, испещренная темными пятнами селеній, живописными группами лѣса, желтыми квадратами пашенъ. Поразительно много лѣса, садовъ, вообще древесной растительности въ окрестностяхъ Дели.

Солнце склонялось къ западу. Становилось прохладно. Въ бесѣдкѣ слегка продувало и я сидѣлъ, отдыхая отъ зноя, и слѣдилъ, какъ сумерки медленно опускались на землю. Подъ крышей бесѣдки возились какія-то птицы, устраиваясь на ночь и весело щебетали. Снизу, отъ города, доносился неясный гулъ, тихо расплывавшійся въ душномъ

воздухѣ... Вокругъ памятника было пусто и тихо, и пріятно было сидѣть въ этой тишинѣ, предаваясь раздумью. Вечернія тѣни ложились на землю, быстро сгущаясь и окутывая городъ, рѣку и всю окружающую ихъ равнину. Кое-гдѣ въ городѣ показались огни. Кое-гдѣ въ темныхъ небесахъ невидимая рука зажигала яркія звѣзды. Тихо... Лишь изрѣдка тишина нарушалась безпокойнымъ полетомъ летучей мыши, да откуда-то издалека доносился лай собаки. И вдругъ, разрывая безмолвіе этого тихаго вечера, раздались въ воздухѣ протяжные звуки человѣческаго голоса. То муэзинъ, съ высоты одного изъ минаретовъ Дели, призывалъ правовѣрныхъ къ вечерней молитвѣ. Тонкій, звенящій голосъ медленно плылъ въ тихомъ вечернемъ воздухѣ и таялъ гдѣ-то въ вышинѣ, подъ сводомъ звѣзднаго неба.

Весь слѣдующій день былъ посвященъ мною на обозрѣніе многочисленныхъ развалинъ древняго Дели, раскинутыхъ къ югу отъ современнаго города. Здѣсь на пространствѣ, занимающемъ около 100 квадратныхъ верстъ, стоятъ подъ знойнымъ небомъ Индіи, среди безжизненной и унылой равнины, молчаливые памятники прежней славы и былого величія Восточнаго Рима. Остатки когда-то величественныхъ мечетей и роскошныхъ дворцовъ, обвалившіяся стѣны когда-то грозныхъ укрѣпленій, слѣды городскихъ зданій, полуразрушенныя башни, столбы съ надписями древнихъ временъ, забытыя и заброшенныя гробницы... Огромное, необъятное кладбище, гдѣ каждый клочекъ земли и каждый камень говоритъ о величіи прошлаго, о могуществѣ, о великолѣпіи, о богатствѣ тѣхъ городовъ, которые когда-то занимали эту обширную равнину, такъ мощно раскинувшуюся на берегу красивой Джумны, тихо катящей къ югу свои голубыя веселыя волны. Это кладбище не одного, а нѣсколькихъ городовъ, потому что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь порывы знойнаго, удушливаго вѣтра срываютъ съ развалинъ тучи песку и крутятъ ими, гуляя на просторѣ унылой равнины, тамъ процвѣтали послѣдовательно семь великолѣпныхъ городовъ, озарявшихъ лучами своей славы и своего могущества всю сѣверную Индію. Но бурные потоки воинственныхъ полчищъ различныхъ завоевателей, прорываясь чрезъ сѣверную ограду Индіи, поставленную здѣсь

природой въ видѣ мощныхъ, гигантскихъ горныхъ хребтовъ, разрушали все то, что накапливала сѣверная Индія въ своей культурной работѣ и превращали цвѣтущіе города въ груду развалинъ. Особенно разрушительно было для сѣверной Индіи вторженіе монгольскихъ полчищъ Тамерлана, послѣ которыхъ нѣкоторыя мѣстности до сихъ поръ лежатъ заброшенныя и пустынныя, покрытыя мусоромъ и развалинами.

И давно лежатъ, раскинутые на необъятномъ просторѣ обширной индійской равнины, эти семь разрушенныхъ городовъ Индіи, медленно истлѣвая, медленно размываясь дождями, медленно разносясь вѣтрами по знойной землѣ...

Стояло свѣжее, прохладное утро, когда мнѣ подали въ гостинницѣ коляску, запряженную крупной австралійской лошадью, съ кучеромъ-индусомъ на козлахъ. Кучеръ болталъ немного по англійски, а потому служилъ мнѣ и возницей и проводникомъ. Выѣхавши изъ гостинницы, мы поѣхали къ югу, пересѣкли сначала полотно желѣзнодорожной линіи, соединяющей Дели съ Раджпутаной, а затѣмъ— Делійскій каналъ, несущій голубую воду Джумны куда-то къ западу и мимо скученныхъ, бѣдныхъ, невзрачныхъ лачугъ предмѣстья Садаръ-Базаръ, выѣхали на обширную равнину, далеко убѣгавшую къ югу, гдѣ на горизонтѣ кое-гдѣ выдѣлялись на блѣдномъ утреннемъ небѣ странные контуры и формы развалинъ. Въ сосѣднемъ городѣ еще было совершенно тихо. Прохладный утренній воздухъ широкой волной несся навстрѣчу, пріятно освѣжая организмъ, изнуренный душной атмосферой гостинницы и возбуждалъ во всемъ тѣлѣ какое-то веселое и бодрое ощущеніе. Солнце еще не показывалось на горизонтѣ, но на той сторонѣ Джумны, блестѣвшей издалека синеватой лентой среди темно-зеленыхъ кустарныхъ зарослей, заря уже разгоралась, побѣдоносно разливая свой яркій румянецъ по блѣдному, сѣрому небу. И постепенно, по мѣрѣ того, какъ это могучее зарево охватывало все большую и большую часть небосклона, небесный сводъ темнѣлъ и принималъ ту ярко голубую окраску, которая придаетъ столько прелести южной природѣ. Мы быстро ѣхали по пустынной, невоздѣланной равнинѣ, кое-гдѣ покрытой группами деревьевъ и обильно усѣянной различнымъ мусоромъ, черепками, обломками, камнями и ку-

сками кирпичей, которыя лежали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыми кучами. Рослая лошадь съ коротко остриженнымъ хвостомъ и гривой, весело фыркая въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, размашистой рысью катила коляску, звонко ударяя подковами о твердую глинистую почву. Было пріятно и весело ѣхать въ этой тишинѣ, въ прохладѣ, на просторѣ обширной равнины, вдали отъ духоты и суеты азіатскаго города и я съ тревогой глядѣлъ на востокъ, гдѣ изъ-за горизонта выплывало горячее солнце, жгучіе лучи котораго должны были разрушить всю обаятельную прелесть этого прохладнаго утра. Но вотъ уже начинаютъ встрѣчаться развалины: мы въѣзжаемъ въ предѣлы величественнаго историческаго кладбища, на которомъ погребено столько человѣческихъ поколѣній, столько культуры, столько могущества и величія... Кучеръ останавливаетъ коляску около длиннаго неширокаго холма, имѣющаго видъ стараго заплывшаго бруствера, на которомъ раскинуты какія-то развалины. Это—Идга, остатокъ древняго форта временъ индусскихъ королей, управлявшихъ сѣверной Индіей до воцаренія мусульманской династіи Великихъ Моголовъ. Обветшалыя стѣны форта выглядятъ очень уныло и мрачно. Не была ли здѣсь когда-нибудь тюрьма? Мой проводникъ-возница ничего не знаетъ о былomъ этихъ грустныхъ развалинъ и мы продолжаемъ нашъ путь. Немного далѣе, слѣва, опять что то древнее. Гробница принца Фатехъ Хана, построенная въ 1374 году его отцомъ—извѣстнымъ въ исторіи сѣверной Индіи Ферозъ-Шахомъ. Около гробницы стоитъ небольшая мечеть съ школой, обладающая большой мусульманской святыней—отпечаткомъ ноги Пророка на камнѣ, принесенномъ изъ Мекки однимъ изъ воспитателей Фатехъ Хана. А далѣе опять какія-то развалины, за ними другія, третьи... Нѣтъ возможности не только осмотрѣть все это необъятное царство развалинъ, но даже объѣхать его. Для этого пришлось-бы ѣздить по этому обширному кладбищу нѣсколько дней. А потому мы проѣзжаемъ мимо менѣе интереснаго и, огибая современный городъ около предмѣстья Пахарджанъ, направляемся къ востоку, къ берегу р. Джумны, гдѣ раскинуты развалины Ферозобада.

Ферозобадъ—одинъ изъ тѣхъ семи великолѣпныхъ го-

родовъ, которые лежатъ теперь разрушенные и забытые на знойной, сухой равнинѣ праваго берега Джумны. Онъ построенъ Ферозъ-Шахомъ Туглакомъ въ 1354 году и занималъ огромную площадь, превосходившую раза въ четыре площадь современнаго Дели. Отъ всего этого когда-то прекраснаго и оживленнаго города сохранились лишь остатки дворца Фероза, который возвышаетъ свой обнаженный и унылый остовъ среди груды развалинъ и производитъ грустное впечатлѣніе среди мертвой пустыни. Туземцы считаютъ эти развалины остатками древней крѣпости, которая стояла когда-то на берегу Джумны и называютъ ихъ—Ферозъ-Котла. Это—трехэтажное, оригинальное зданіе, имѣющее видъ пирамиды, потому что верхніе этажи по площади меньше нижнихъ; каждый этажъ изобилуетъ арками; по угламъ каждаго этажа возвышались прежде павильоны, увѣнчанные куполами, но теперь изъ нихъ сохранилось только два. На верхнемъ этажѣ этого древняго зданія, красиво и смѣло вздымаясь кверху и господствуя надъ всѣми окружающими Ферозъ-Котлу развалинами, стоитъ великолѣпный монолитъ въ 6 саженей высоты.

Этотъ монолитъ представляетъ собой колонну изъ краснаго песчаника цилиндрической формы, слегка съуживающуюся кверху. Когда-то, прежде, его верхній конецъ былъ вызолоченъ, почему онъ и получилъ названіе Минаръ-Заринъ, что значитъ Золотой Минаретъ. Поверхность монолита покрыта многочисленными надписями, изъ которыхъ нѣкоторыя до сихъ поръ представляютъ загадку для археологовъ. Наиболѣе интересныя изъ разобранныхъ надписей—на палійскомъ языкѣ, заключающія въ себѣ указъ царя Асоки о воспрещеніи лишать людей жизни. Эту надпись относятъ къ III вѣку до Р. Х. и ея письмена представляютъ собой древнѣйшія изъ извѣстныхъ до сихъ поръ въ Индіи. Говорятъ, что Ферозъ Шахъ, желая прочесть эту надпись, собралъ для этой цѣли всѣхъ ученыхъ своего времени, но они не были въ состояніи выполнить эту задачу.

Преданіе гласитъ, что монолитъ былъ доставленъ въ Дели по распоряженію Ферозъ-Шаха изъ мѣстности Тофоръ на р. Джумнѣ, гдѣ послѣдняя выходитъ изъ Сиваликскихъ горъ, образующихъ предгорія Гималаевъ. Тамъ, среди горъ,

онъ былъ найденъ на развалинахъ какого-то языческаго храма. Каменный шпиль дворца Фероза—одинъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ древней Индіи; судя по содержанію и характеру надписей, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ каменныхъ колоннъ, которыя знаменитый покровитель будизма, индійскій императоръ Асока приказалъ поставить въ различныхъ мѣстахъ своего обширнаго государства въ III вѣкѣ до Р. Х. Другой подобный же монолитъ стоитъ къ сѣверо-западу отъ современнаго Дели, на томъ узкомъ хребтѣ, который служилъ позиціей англійскимъ войскамъ при осадѣ Дели въ 1857 году. На немъ тоже имѣются старинныя надписи. Оба камня представляютъ глубокій интересъ для археологовъ вообще, а для индологовъ въ особенности.

Вся мѣстность, окружающая остатки дворца Фероза, покрыта обломками, мусоромъ, камнями, по которымъ приходится пробираться пѣшкомъ, оставивши экипажъ въ сторонѣ. Съ трудомъ подвигаясь къ югу, я достигъ развалинъ другого древняго города, которыя раскинулись непосредственно южнѣе Ферозобада. Это—остатки Индропата, развалины древняго форта, построеннаго императоромъ Гумаюномъ. Туземцы называютъ это мѣсто—Пурана Киля. Кромѣ форта, здѣсь сохранилась колосальныхъ размѣровъ мечеть Киля Кона, представляющая собой, по мнѣнію извѣстнаго англійскаго индолога Фергюсона, величайшій образецъ построекъ этого рода. Она относится археологами къ афганскому періоду исторіи Индіи и считается воплощеніемъ одного изъ совершеннѣйшихъ архитектурныхъ стилей міра. Мечеть построена изъ краснаго песчаника, покрытаго во многихъ мѣстахъ мраморомъ и различными надписями. На южной сторонѣ мечети находится четырехугольный павильонъ, служившій библіотекой императору Гумаюну. Сохранилось преданіе, что въ этомъ павильонѣ Гумаюнъ разбился на смерть, свалившись съ лѣстницы, по которой сталъ подыматься однажды вечеромъ на крышу павильона, чтобы любоваться оттуда восходомъ Венеры.

Прахъ Гумаюна покоится въ великолѣпной гробницѣ, которая находится въ $1^1/_2$ верстахъ къ югу отъ развалинъ Пурана Киля. Этотъ мавзолей представляетъ собой восьми-

угольникъ изъ краснаго песчаника съ куполомъ, вокругъ котораго возвышаются восьмиугольныя башни. Гробница Гумаюна, бѣлаго мрамора, безъ всякихъ надписей, стоитъ въ центрѣ мавзолея подъ куполомъ. Къ мавзолею ведутъ послѣдовательно двое воротъ; на вторыхъ прибиты доски съ надписью, гласящей, что этотъ памятникъ построенъ Хаджи Бегамъ, вдовой Гумаюна, строился 16 лѣтъ и обошелся около $1^1/_2$ милліона рупій. Мавзолей Гумаюна производитъ весьма пріятное впечатлѣніе красивымъ сочетаніемъ бѣлаго цвѣта мрамора съ розовымъ—песчаника и ярко выдѣляется изяществомъ своей архитектуры и свѣтлыми тонами своихъ красокъ среди угрюмаго, сѣраго, безжизненнаго царства развалинъ, нагроможденныхъ на этой унылой, безбрежной равнинѣ. Вокругъ мавзолея разбитъ небольшой садъ, обильный цвѣтами, въ которомъ стоятъ нѣсколько маленькихъ красивыхъ павильоновъ изъ краснаго камня. Одинъ изъ послѣднихъ превращенъ англичанами въ помѣщеніе для отдыха туристовъ, обозрѣвающихъ развалины древняго Дели.

Уже солнце стояло высоко на небѣ и зной своимъ тяжелымъ дыханіемъ охватилъ землю, когда мы добрались до гробницы Гумаюна. Внутри мавзолея было прохладно и тихо, и пріятно было отдыхать здѣсь подъ сводомъ краснаго купола, звонко отзывавшимся на всякій звукъ, оглашавшій эти древнія стѣны.

Мой проводникъ-возница предложилъ мнѣ передохнуть и услужливо разложилъ на тѣнистой терасѣ мавзолея закуску, захваченную мною на этотъ случай изъ гостиницы. Я сѣлъ на прохладные, красные камни террасы, а онъ сидѣлъ на корточкахъ въ сторонѣ, хорошо пріученный англичанами сторониться отъ европейцевъ. И онъ смотрѣлъ съ какимъ-то видомъ благоговѣйнаго уваженія и сожалѣнія на красивый куполъ памятника, на его изящные минареты, на величественныя ворота, стоявшія передъ мавзолеемъ. И видно было, что для него онъ не былъ обыкновеннымъ историческимъ памятникомъ, какъ для меня, какъ для сотенъ и тысячъ различныхъ туристовъ.

Послѣ завтрака, войдя за мной подъ высокіе своды прохладнаго мавзолея, онъ разсказалъ мнѣ со словъ своего

отца, бывшаго свидѣтелемъ этихъ событій, какъ здѣсь, на мраморной гробницѣ одного изъ первыхъ императоровъ могущественной династіи Великихъ Моголовъ, наполнившихъ исторію сѣверной Индіи величіемъ и блескомъ, угасла жизнь послѣдняго императора Дели. Угасла жизнь несчастнаго Магометъ-Бахадура, уже много лѣтъ до возстанія 1857 года лишеннаго англичанами престола, но носившаго титулъ императора,—пустой, безполезный ярлыкъ, не дававшій ему ничего, кромѣ разочарованія и горя. Онъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ возстанія сипаевъ, но его имя необходимо было мятежникамъ, какъ знамя, вокругъ котораго они могли-бы собраться въ своей отчаянной борьбѣ съ англичанами. А потому съ первымъ-же взрывомъ мятежа Магометъ-Бахадуръ былъ объявленъ мятежниками возведеннымъ на престолъ его предковъ. И этого было вполнѣ достаточно для англичанъ, чтобы, подавивши мятежъ, рѣшиться уничтожить того, къ кому обращались всѣ взоры мятежнаго населенія. Узнавъ, что англичане ищутъ его и что его голова оцѣнена ими, старикъ бѣжалъ изъ Делійскаго дворца, но не видя возможности скрыться отъ англійскихъ отрядовъ, вернулся въ Дели и затѣмъ искалъ убѣжища въ мавзолеѣ Гумаюна, точно расчитывая, что тѣнь могущественнаго Тимурида спасетъ его отъ злобы и преслѣдованія людей. Но тѣнь Гумаюна не спасла его. Англійскій отрядъ, подъ начальствомъ капитана Годзона, нашелъ его здѣсь распростертымъ въ отчаяніи на гробницѣ своего славнаго предка. Магометъ-Бахадуръ былъ увезенъ въ Калькуту и присужденъ къ смертной казни, замѣненной ему, однако, пожизненнымъ заточеніемъ. Онъ умеръ въ нищетѣ, всѣми забытый, всѣми оставленный...

Простой, безхитростный разсказъ туземца, проникнутый чувствомъ глубокаго уваженія къ этимъ памятникамъ прошлаго и къ именамъ, съ которыми они связаны въ представленіи населенія, производилъ какое-то грустное впечатлѣніе. Мы стояли оба молчаливо возлѣ гробницы Гумаюна и думали... Я думалъ о превратностяхъ историческихъ судебъ Индіи; объ ея прошломъ, объ этомъ безконечно разнообразномъ калейдоскопѣ событій, чередовавшихся съ феерической быстротой и неожиданностью, точно въ какой-то фантастической сказкѣ Востока.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ этого мы уже ѣхали далѣе къ югу. Было душно и жарко. Горячій воздухъ стоялъ неподвижно надъ сѣрой равниной и мѣстами, накаленный, дрожалъ. Голубая лента Джумны постепенно уходила отъ насъ все далѣе и далѣе и все чаще и чаще терялась въ густыхъ зарослях, окаймлявшихъ ее съ обѣихъ сторонъ. А необъятному, великому кладбищу древнихъ городовъ не было, кажется, и предѣла. Впереди и по сторонамъ, въ строгомъ безмолвіи, задумчивыя, стояли величественныя развалины древнихъ дворцовъ, мечетей и крѣпостей. Но вотъ равнина упирается въ темно-зеленую стѣну лѣса, убѣгающую къ берегу Джумны. Черезъ нѣсколько минутъ мы въѣзжаемъ въ густой, запущенный садъ, зелень котораго представляетъ рѣзкій контрастъ съ красноватымъ фономъ пустыни. Здѣсь, въ тѣни фруктовыхъ деревьевъ, стоитъ небольшая гостинница для туристовъ. Мы оставляемъ здѣсь экипажъ и идемъ пѣшкомъ по узкой тропинкѣ среди густого лѣса къ одному изъ самыхъ красивыхъ и самыхъ величественныхъ памятниковъ прошлаго Дели. Это—развалины древняго Дели.

По другую сторону неглубокаго травянистаго оврага, ограничивающаго лѣсъ, мы увидѣли стройную, высокую, необыкновенно изящную колонну изъ розоваго камня. Это—Кутбъ-Минаръ, пятиэтажная величественная башня, 35 саженей высоты постепенно съуживающаяся кверху. Первые три этажа сложены исключительно изъ розоваго песчаника, а верхніе—облицованы бѣлымъ мраморомъ. Это чудное архитектурное созданіе производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе своей вышиной, простотой и изяществомъ линій. Стѣны ея покрыты почти сплошь скульптурными украшеніями. Когда-то она была увѣнчана куполомъ, но въ началѣ XIX столѣтія землетрясеніе сбросило куполъ, причинивши значительныя поврежденія и всему зданію.

Это мѣсто своей зеленью, разнообразіемъ красокъ, обиліемъ тѣни, прохладой, составляетъ рѣзкій контрастъ съ оставленной нами сзади обширной и унылой равниной. Какъ-то странно было думать, что находишься среди древнихъ развалинъ, на землѣ, покрытой прахомъ мертваго города, среди кладбища многихъ человѣческихъ поколѣній...

Все здѣсь было жизнерадостно и красиво; въ густой зеленой листвѣ чирикали какія-то веселыя птички, отъ фруктовыхъ деревьевъ и кустарника шелъ густой ароматъ, наполнявшій теплый воздухъ сильнымъ запахомъ гранатъ, мандариновъ и жасмина; даже небо, это знойное, сверкающее нестерпимымъ блескомъ индійское небо, казалось здѣсь болѣе нѣжнымъ, болѣе лазурнымъ, чѣмъ надъ прочимъ пространствомъ равнины.

Башня Кутбъ-Минаръ окружена нѣкоторыми замѣчательными развалинами, среди которыхъ выдѣляется старинная мечеть Кутбуль-Исламъ, относящаяся къ XII вѣку. Даже въ развалинахъ она производитъ неотразимое впечатлѣніе своими гигантскими размѣрами, красотой своихъ линій и въ особенности величественными арками, подобныхъ которымъ нѣтъ нигдѣ болѣе въ Индіи. Эта мечеть, какъ свидѣтельствуетъ о томъ преданіе, вмѣстѣ съ башней Кутбъ-Минаръ является памятникомъ торжества ислама надъ браминизмомъ: мусульманскій завоеватель Кутб-удин-Айбекъ, утвердившійся въ концѣ XII столѣтія въ Дели на престолѣ ражпутской династіи, пожелалъ ознаменовать господство ислама возведеніемъ этихъ замѣчательныхъ сооруженій. Кутбъ-Минаръ строился 20 лѣтъ. Для постройки мечети былъ употребленъ матеріалъ отъ 27 разрушенныхъ мусульманами индусскихъ храмовъ. Достопримѣчательностью внутренняго помѣщенія мечети являются многочисленныя, богато украшенныя орнаментами, каменныя колонны въ стиляхъ индусскомъ, буддійскомъ и джайнскомъ и высокій желѣзный столбъ, представляющій собой гигантскій цѣльный кусокъ кованаго желѣза. Этотъ столбъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ относится къ IV вѣку по Р. Х., когда добываніе и обработка желѣза были еще совершенно неизвѣстны въ Европѣ.

Сильное впечатлѣніе производятъ на человѣка колоссальные размѣры всѣхъ этихъ построекъ, вышина этихъ башенъ и колоннъ, грандіозность архитектурныхъ замысловъ, смѣлость стиля, свободный размахъ человѣческаго творчества, воплощеннаго въ этихъ обветшалыхъ, полуразрушенныхъ памятникахъ далекаго прошлаго. Точно здѣсь жили когда-то и строили всѣ эти величественныя зданія

какіе-то гиганты, которымъ тѣсно было въ рамкахъ обычной человѣческой дѣятельности, которыхъ могучій творческій духъ требовалъ гигантскихъ предпріятій, грандіозныхъ созданій, величавыхъ формъ, мощныхъ воплощеній неукротимой и смѣлой фантазіи.

И все это невозвратно отодвинуто временемъ въ темную глубь вѣковъ, покрыто плѣсенью, мохомъ, завалено обломками и пескомъ, и медленно, но неудержимо тлѣетъ подъ вѣчно голубымъ небомъ Индіи.

А современному человѣчеству, кажется, нѣтъ никакого дѣла до той давно угасшей, полной разнообразія и величія, жизни, которая била когда-то могучимъ ключемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ раскинуты грустныя развалины древняго Дели...

XIII. Опять въ Гималаяхъ.

Дели осмотрѣнъ. Осмотрѣнъ бѣгло, поверхностно, неполно, осмотрѣнъ не такъ, какъ заслуживаетъ того древняя столица Индіи, схоронившая подъ пылью и обломками своихъ безконечныхъ развалинъ былое величіе Востока. Но дѣлать нечего, недостатокъ времени лишаетъ меня возможности углубиться въ эту сѣдую древность, обросшую мохомъ, заваленную грудами камней, занесенную пескомъ, изуродованную всесильнымъ временемъ. И, съ сожалѣніемъ въ душѣ, я покидаю эти царственныя развалины, чтобы продолжать свой путь далѣе къ сѣверу.

Отъ Дели недалеко до лѣтней столицы Индіи—Симлы, расположенной въ Западныхъ Гималаяхъ и я пользуюсь этимъ обстоятельствомъ, чтобы хоть на нѣсколько дней отдохнуть отъ индійской жары въ прохладномъ климатѣ горъ.

Въ то время желѣзная дорога еще не доходила до Симлы, а кончалась на станціи Калька, въ 85 верстахъ отъ лѣтней столицы. Далѣе приходилось ѣхать на почтовыхъ. Переѣздъ отъ Дели до Калки черезъ Умбалу занялъ всего лишь одну ночь и совершенъ былъ мною при довольно прохладной погодѣ. Рано утромъ, въ 6-омъ часу, я прибылъ въ Калку. Эта маленькая желѣзнодорожная станція расположена у подножья Гималаевъ, откуда дорога уже съ замѣтнымъ подъемомъ направляется въ горы.

Между Калкой и Симлой сообщеніе поддерживалось въ то время общепринятыми въ Индіи тонгами—двухколеснымъ экипажамъ съ верхомъ, въ родѣ крытой арбы, помѣщеніе которой раздѣлено спинкой, расположенной вдоль оси, на два сидѣнія. Кромѣ кучера, въ тонгѣ могутъ ѣхать трое, изъ коихъ одинъ сидитъ рядомъ съ возницей. Тонга представляетъ собой экипажъ чрезвычайно неудобный для

путешествія, особенно на значительныя разстоянія; двухколесная конструкція обусловливаетъ тряскость повозки, которая въ своихъ движеніяхъ слѣдуетъ за малѣйшими движеніями лошадей и сильно безпокоитъ пассажира. Но со всѣми этими недостатками возможно было бы примириться, если бы этотъ экипажъ былъ хоть сколько-нибудь приспособленъ къ перевозкѣ пассажирскаго багажа. Но, къ сожалѣнію, этого нѣтъ; въ тонгѣ некуда положить даже ручного багажа и для того, чтобы ѣхать съ вещами, необходимо нанимать всю тонгу, уплачивая полную стоимость за всѣ мѣста въ экипажѣ. Для перевозки багажа существуютъ воловьи транспорты, двигающіеся чрезвычайно медленно, а потому совершенно безполезные для туриста, ѣдущаго въ Симлу лишь на 2—3 дня.

Удивительно, какъ могутъ англичане, столь требовательные къ удобствамъ, мириться съ этимъ первобытнымъ экипажемъ, принятымъ на всѣхъ безъ исключенія почтовыхъ дорогахъ Индіи.

Въ 6 час. утра мы выѣхали изъ Кальки. Моими попутчиками въ тонгѣ, кромѣ кучера, оказались—какой-то господинъ, ѣхавшій въ непродолжительный отпускъ въ Симлу и, повидимому, намѣревавшійся поиграть тамъ въ tennis, потому что въ его ручномъ багажѣ имѣлась аккуратно уложенная въ желтый чехолъ ракета,—и пожилой туземный офицеръ индійской арміи изъ свиты вице-короля.

Выѣхавши изъ Кальки, мы покатили по прекрасному шоссе, которое сейчасъ-же за станціей начинаетъ втягиваться въ горы. Итакъ, я опять въ Гималаяхъ. Но какъ непохожи эти Западные Гималаи на тѣ грандіозныя, сказочно-чудныя горы, которыя окружаютъ Дарджилингъ! Все здѣсь совершенно иное. И конфигурація возвышенностей, съ острыми вершинами, разорванныхъ, мѣстами скалистыхъ, обрывистыхъ, каменистыхъ, и лѣсъ, почти исключительно сосновый, рѣдкій, разбросанный отдѣльными группами по склонамъ горъ и вершинамъ, и травянистый покровъ, чахлый, выжженный солнцемъ, своей желтизной мало отличающійся отъ каменисто-песчаныхъ склоновъ, и характеръ горныхъ долинъ, обнаженныхъ отъ лѣса, пустынно-каменистыхъ, съ высохшими руслами горныхъ ручьевъ, и воздухъ,

пыльный, душный, нагрѣтый раскаленными на солнцѣ скалами, вздымающимися надъ дорогой... Все здѣсь не то, все здѣсь бѣднѣе, чѣмъ въ величественныхъ хребтахъ Центральныхъ Гималаевъ.

Несмотря на то, что Симла расположена на высотѣ около 7.000 ф. надъ уровнемъ моря, шоссе нигдѣ не имѣетъ трудныхъ подъемовъ и постепенно поднимается въ гору. Весь переѣздъ до Симлы, съ двумя остановками по пути для отдыха, занимаетъ около 9 часовъ. Смѣна лошадей производится очень часто, черезъ каждые 10—12 верстъ и не на станціяхъ, которыхъ по пути имѣется только три, а на особыхъ подставахъ, расположенныхъ у дороги подъ незатѣйливымъ бамбуковымъ навѣсомъ или просто подъ группой деревьевъ. Съ запряженной въ тонгу парой лошадей ѣдетъ и конюхъ, совершающій переѣздъ стоя на подножкѣ и со слѣдующей подставы уводящій своихъ лошадей обратно. Кучеръ же въ теченіе всего переѣзда до Симлы остается одинъ и тотъ же.

Симла видна съ дороги съ весьма большаго разстоянія, постепенно обозначаясь все яснѣе и яснѣе на лѣсистыхъ возвышенностяхъ, обступившихъ истоки небольшой горной рѣчки Сомали.

По мѣрѣ того, какъ тонга пробѣгала одну за другой частыя извилины горной дороги, открывавшаяся къ сѣверу панорама становилась все разнообразнѣе. Темная громада лѣсистыхъ кряжей Симлы постепенно расчленялась на отдѣльныя возвышенности, лѣсъ обозначался группами, перемежающимся съ пестрыми пятнами построекъ, кое-гдѣ выдѣлялись отдѣльныя зданія. Около трехъ часовъ пополудни мы прибыли въ Симлу.

Съ 1864 года Симла служитъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ вице-короля и всѣхъ центральныхъ управленій Индіи, переселяющихся сюда изъ Калькуты съ наступленіемъ жаркаго времени года. Это въ значительной степени способствовало заселенію этого дачнаго мѣста, и въ настоящее время Симла представляетъ собой лѣтомъ огромный англійскій городъ съ многочисленными гостинницами, магазинами, клубами и прочими принадлежностями городского благоустройства.

Мѣстоположеніе Симлы, несмотря на сравнительную

бѣдность горной природы въ этихъ мѣстностяхъ Гималаевъ,— великолѣпное. Она раскинута по гребню и южному склону мощнаго, длиннаго (7—8 верстъ длиной) горнаго хребта, густо поросшаго хвойнымъ лѣсомъ и ограниченнаго глубокими, дикими ущельями, по которымъ горные ручьи съ ревомъ несутъ свою пѣнистую воду.

Вся Симла, съ одного края до другого, вдоль хребта, прорѣзана двумя длинными улицами: верхней—Mall и нижней—Cart-rood. Mall—главная улица Симлы; вдоль нее расположены лучшіе кварталы города; здѣсь—гостинницы, магазины, клубы, почта и телеграфъ, много дачъ. Cart-rood обозначаетъ собой границу туземнаго города, раскинутаго ниже и застроена многочисленными складами, амбарами, сараями и транспортными конторами. Между этими двумя улицами на довольно обширномъ пространствѣ разбросанъ городокъ правительственныхъ учрежденій, сосредоточенныхъ здѣсь вмѣстѣ и рѣзко выдѣляющихся своей простой архитектурой, своими размѣрами и кирпично-краснымъ цвѣтомъ своихъ построекъ.

Гостинницы въ Симлѣ не хуже, чѣмъ въ любомъ большомъ городѣ Индіи; за шесть рупій въ сутки (около 4 рублей) я имѣлъ великолѣпное помѣщеніе изъ двухъ меблированныхъ комнатъ со столомъ. Режимъ въ гостинницахъ здѣсь точно такой же, какъ и повсемѣстно въ Индіи. Въ этомъ отношеніи у англичанъ отступленіе отъ установленныхъ нормъ недопустимо и вся жизнь ихъ точно вылилась разъ навсегда въ строго опредѣленныя, шаблонныя формы. На равнинахъ Индіи, въ городахъ полныхъ туземнаго населенія, англичане какъ-то мало замѣтны и потому особенности ихъ житейскаго быта не такъ бросаются въ глаза, какъ въ такихъ мѣстахъ какъ Симла и Дарджилингъ, созданныхъ англичанами и населенныхъ почти только ими. Здѣсь, въ массѣ, они болѣе доступны для наблюденія и болѣе рельефно обнаруживаютъ свою приверженность къ однѣмъ и тѣмъ же формамъ общественнаго и домашняго быта. Уже одна внѣшность англичанъ поражаетъ своимъ однообразіемъ: рѣшительно всѣ бритые, всѣ—въ статскомъ, даже такія мелочи, какъ заворачиваніе снизу брюкъ для предохраненія ихъ отъ пыли и грязи, составляютъ осо-

бенность почти каждаго англичанина; днемъ еще можно наблюдать нѣкоторое разнообразіе въ головныхъ уборахъ, но съ заходомъ солнца всѣ, точно по командѣ, одѣваютъ соломенныя шляпы съ прямыми, горизонтальными полями и я ни разу, не только въ Симлѣ, но вообще въ Индіи, не видѣлъ англичанина вечеромъ въ какой-либо другой шляпѣ.

Среди англичанокъ, по весьма понятнымъ причинамъ, наблюдается большее разнообразіе въ костюмахъ, но нѣкоторыя характерныя особенности послѣднихъ встрѣчаются почти у всѣхъ одинаковыя. Это—короткія юбки, шляпы весьма приближающіяся по фасону къ мужскимъ и довольно грубая и некрасивая обувь. Эти особенности, взятыя вмѣстѣ съ рѣзкостью манеръ, тяжеловатостью походки и грубоватымъ голосомъ, лишаютъ англійскихъ женщинъ значительной доли женственности и изящества.

Едва-ли въ какомъ-нибудь другомъ европейскомъ общественномъ быту женщина принимаетъ столь дѣятельное участіе въ общественной жизни, какъ у англичанъ. Въ то время, какъ у другихъ народовъ, участіе женщины въ общественныхъ развлеченіяхъ ограничивается лишь танцами, въ англійскомъ обществѣ онѣ раздѣляютъ съ мужчинами рѣшительно всѣ развлеченія. Верховая ѣзда, tennis, игры въ мячъ, поло, джимканна и проч. и проч., повсюду англичанка стоитъ рядомъ съ мужчиной. Такого огромнаго количества амазонокъ, какъ въ Симлѣ, я нигдѣ больше не видѣлъ. Можетъ быть именно отъ этого, отъ увлеченія спортомъ и различными играми, свойственными мужскому полу, отъ такого сближенія съ мужской средой, англичанки утрачиваютъ въ значительной степени свои женственныя черты и пріобрѣтаютъ своеобразную грубоватую внѣшность.

Симла не имѣетъ никакихъ достопримѣчательностей, а потому человѣку, пріѣхавшему сюда, остается только бродить по горамъ, совершать верховыя прогулки въ окрестности и любоваться природой. Два наиболѣе интересныхъ мѣста въ Симлѣ, по странной случайности, занимаютъ: одно—самое возвышенное, а другое—самое низкое положеніе въ этой дачной мѣстности. Самое возвышенное—гора Жако (8.048 ф. надъ ур. моря), ограничивающая возвышенности Симлы съ востока, самое низкое—долина Анандаль на сѣверномъ склонѣ

этихъ возвышенностей. Гора Жако красиво возвышается надъ сосѣдними ущельями и покрыта до самой вершины великолѣпнымъ хвойнымъ лѣсомъ, въ густой чащѣ котораго проложена дорога, поднимающаяся винтомъ, но не достигающая вершины. На вершину ведетъ далѣе широкая, но крутая тропа, съ различныхъ мѣстъ которой часто открываются чудные виды на Симлу и окрестныя горы. Я любилъ въ жаркіе часы дня уходить изъ шумныхъ и пыльныхъ кварталовъ Симлы въ тишину и прохладу этого дремучаго лѣса и отдыхать здѣсь подъ сѣнью могучихъ сосенъ, обвитыхъ плющемъ, въ воздухѣ, напоенномъ смолистымъ запахомъ хвои, густо покрывавшей песокъ. На вершинѣ Жако стоитъ небольшая индуская молельня, невзрачная, одинокая, всегда пустая, единственными обитателями которой были нѣсколько обезьянъ, задумчиво лазившихъ по сосѣднимъ деревьямъ.

Гора Жако—мѣсто для отшельниковъ, для ищущихъ уединенія, одиночества, тишины, широкихъ горизонтовъ, мѣсто раздумья и тихихъ мечтаній. Поднимаясь на ея вершину, превышающую всѣ возвышенности Симлы, какъ будто бы поднимаешься въ своихъ помыслахъ и ощущеніяхъ надъ будничной суетной жизнью, наполняющей эти безконечные ряды дачъ, вытянутыхъ длинными линіями по лѣсистымъ извилистымъ гребнямъ... Анандаль — совершенно другое мѣсто. Онъ ниже по своему топографическому положенію и какъ бы въ соотвѣтствіе съ этимъ низменнѣе по назначенію. Это—красивая, глубокая долина, окруженная крутыми лѣсистыми горами и служащая жителямъ Симлы мѣстомъ для общественныхъ развлеченій. Дно долины, очень ровное само по себѣ, превращено въ обширный тщательно выровненный плацъ, въ предѣлахъ котораго находятся скаковой кругъ, общественный садъ и мѣсто для различныхъ игръ, безъ которыхъ немыслимо времяпрепровожденіе англичанина.

Въ предѣлахъ этой лѣсистой, красивой долины ежедневно къ вечеру закипаетъ общественная жизнь Симлы и сосредоточивается почти весь интересъ ея общественныхъ развлеченій.

Анандаль, это—большой, раскинутый подъ открытымъ небомъ, многолюдный клубъ, собирающій въ себѣ всѣхъ,

кто ищетъ общества и развлеченій. Сюда приходятъ потолкаться въ толпѣ, посмотрѣть на скачки, на поло, на крокетъ, самому поиграть, повидать знакомыхъ, поболтать съ ними. И своимъ оживленіемъ въ извѣстные часы дня, своимъ многолюдствомъ, шумомъ и пестротой Анандаль составляетъ рѣзкій контрастъ съ тишиной и пустынностью Жако, оглашаемаго лишь глухимъ гуломъ стройныхъ, высокихъ сосенъ, колеблемыхъ вѣтромъ и единственными обитателями котораго являются обезьяны...

Въ Симлѣ я провелъ цѣлую недѣлю съ 23 по 30 Апрѣля, потому что здѣсь мнѣ необходимо было устроить свои дѣла съ обратнымъ возвращеніемъ въ Росію сухимъ путемъ.

Для слѣдованія этимъ путемъ необходимо особое разрѣшеніе англо-индійскаго правительства, а потому, заручившись въ Секундерабадѣ рекомендательными письмами въ индійское министерство иностранныхъ дѣлъ, я хлопоталъ здѣсь о свободномъ пропускѣ черезъ Читралъ и Гильгитъ на наши Памиры. Но хлопоты мои не увѣнчались успѣхомъ. Къ моимъ намѣреніямъ англичане отнеслись, вѣроятно, съ нѣкоторой подозрительностью и отказали мнѣ въ пропускѣ на Гильгитъ, имѣющій важное стратегическое значеніе на передовомъ оборонительномъ фронтѣ Индіи. Взамѣнъ же этого направленія мнѣ было предложено вернуться въ Россію черезъ Кашмиръ, Ладакъ, Коракорамское нагорье и Кашгарію въ нашу Ферганскую область, чѣмъ я и воспользовался за невозможностью ѣхать болѣе интереснымъ путемъ *).

Лишь окончивши эти хлопоты и запасшись рекомендательными письмами къ англійскимъ политическимъ агентамъ Кашмира, я могъ покинуть лѣтнюю столицу Индіи. Прохлада горъ, особенно ночью, здоровый, ароматный воздухъ хвойныхъ лѣсовъ, а главное благодатный, освѣжающій дождь, пронесшійся надъ Симлой съ сильной грозой наканунѣ моего отъѣзда, совершенно возстановили мои силы, изнуренныя тяжелымъ, сухимъ зноемъ индійскихъ равнинъ.

Особенно хорошо помню этотъ вечеръ съ дождемъ, послѣ продолжительнаго бездождья. Вмѣстѣ съ сумерками,

---

*) Описаніе этой поѣздки см. «Изъ Индіи въ Фергану», изданіе Имп. Рус. Геогр. Общества, 1903 года.

изъ за горъ, со стороны снѣгового хребта, показались темныя, мрачныя тучи, мало по малу заволокивавшія небо, уже искрившееся міріадами звѣздъ. Въ тучахъ что-то сверкало, вздрагивало и отдаленный тяжелый грохотъ зарождался гдѣ то въ горахъ и глухо разбѣгался во всѣ стороны. Въ воздухѣ было тихо. Высокія сосны, обвитыя плющемъ, красиво свисавшимъ съ вѣтвей, стояли стройныя и неподвижныя, точно прислушиваясь къ этимъ зловѣщимъ звукамъ, приближавшимся издалека. Но по мѣрѣ того, какъ надвигалась на небѣ темная пелена, быстро тушившая одну за другой ярко-горѣвшія звѣзды, воздухъ наполнялся какимъ то сдавленнымъ гуломъ, точно шуршала эта туча, расползаясь по небу... И дрогнулъ воздухъ отъ порыва внезапно зародившагося вѣтра, и закачались сосны, медленно шелестя своей пахучей хвоей и наполняя воздухъ мягкимъ шумомъ, незамѣтно слившимся съ шумомъ дождя. И спустя нѣсколько минутъ ослѣпительный блескъ молніи, сухіе, рѣзкіе раскаты грома и шумъ тропическаго ливня смѣшались воедино и наполнили своимъ свѣтомъ и звуками и лѣсъ, и горы, и притихшій городъ, мерцавшій во мракѣ тысячами огней...

Гроза ушла такъ же скоро, какъ и пришла. Дождь пересталъ, но въ небесахъ еще грохотало. Я вышелъ на веранду гостинницы подышать прохладнымъ, влажнымъ воздухомъ, освѣженнымъ грозой. По небу еще медленно ползли разорванныя облака, среди которыхъ проглядывали яркія звѣзды, а вдали, на горизонтѣ, тамъ, куда унеслись тучи, еще что то вспыхивало, на мгновеніе озаряя темное небо. Сосны еще лѣниво качали своими густыми верхушками, кое гдѣ обозначавшимися на фонѣ звѣзднаго неба, но лѣсъ уже утихалъ, облитый прохладнымъ дождемъ, освѣженный, обмытый...

А Симла постепенно гасила огни и тихо засыпала подъ замирающій въ отдаленіи рокотъ ушедшей грозы.

XIV. Въ Лагорѣ.

30 апрѣля, утромъ, я покинулъ Симлу и въ тотъ же день вечеромъ, въ прохладную погоду, столь необычную для пенджабскихъ равнинъ, сѣлъ въ поѣздъ на ст. Калька и уѣхалъ въ Лагоръ, куда прибылъ рано утромъ на слѣдующій день. Ливень, разразившійся въ Гималайскихъ горахъ, пронесся и надъ жаркими равнинами Пенджаба, смочивши изстрадавшуюся отъ зноя землю и освѣживши растительность, уже погибавшую отъ палящихъ лучей индійскаго солнца. А потому въ Лагорѣ, къ моему великому удовольствію, было прохладно и смоченныя живительнымъ дождемъ широкія улицы города, обсаженныя вѣковыми деревьями, стояли еще влажныя, сырыя, обильно выдѣляя испаренія, наполнявшія воздухъ.

Я остановился въ Charing Crôss Hotel'ѣ гдѣ за 5 рупій въ сутки мнѣ отвели великолѣпное помѣщеніе изъ двухъ хорошо меблированныхъ большихъ комнатъ и ванной. Въ гостинницѣ жильцовъ было мало и тихій отель, окруженный тѣнистыми деревьями, послѣ шумныхъ гостинницъ Симлы, казался мнѣ молчаливымъ, точно погруженнымъ въ дремоту.

Лагоръ—столица Пенджаба, мѣстопребываніе пенджабскаго губернатора и крупный военный центръ англо-индійскихъ войскъ, расквартированныхъ въ обширномъ постоянномъ лагерѣ Міанъ-Миръ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города.

Прошлое Лагора не представляетъ собой ничего оригинальнаго, ничего великаго, ничего поучительнаго. Стѣны этого города, стараго какъ многіе индійскіе города, не видали ни возсѣдавшихъ на тронахъ могущественныхъ императоровъ, ни завоевателей съ ихъ разноплеменными, шумными полчищами... Отдаленное прошлое Лагора тонетъ гдѣ

то во мракѣ былыхъ вѣковъ, въ пучинѣ неясныхъ, противорѣчивыхъ преданій, въ полумистическихъ легендахъ о раджпутанскихъ вождяхъ, управлявшихъ городомъ въ VII вѣкѣ по Р. Х. До воцаренія въ Индіи династіи Моголовъ городъ развивался весьма медленно и Акбаръ, первый изъ Делійскихъ императоровъ, проводившій иногда время въ Лагорѣ, обратилъ на него свое вниманіе и способствовалъ его украшенію. Впослѣдствіи, Шахъ-Джеганъ и Аурангзебъ создали здѣсь нѣсколько архитектурныхъ памятниковъ, сохранившихся по настоящее время и заслуживающихъ вниманія туриста.

Лучшій изъ нихъ—красивая мечеть Вазиръ-Ханъ, расположенная въ туземномъ городѣ, въ одномъ изъ его самыхъ оживленныхъ кварталовъ. Эта мечеть построена въ 1634 году въ царствованіе императора Шахъ-Джегана, и сложена изъ кирпича, покрытаго великолѣпной мозаикой изъ глазированной черепицы различныхъ цвѣтовъ. Съ верхней галереи, опоясывающей ея минаретъ, открывается очаровательный видъ на городъ и его ближайшія окрестности.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ этой мечети стоитъ другая, Золотая мечеть, съ ея тремя позолоченными куполами, красиво выдѣляющимися надъ темной громадой туземныхъ домовъ, разсѣкаемой здѣсь тремя узкими, шумными улицами.

Кромѣ этихъ памятниковъ древности, здѣсь есть еще Жемчужная мечеть, вся изъ бѣлаго мрамора, съ тремя бѣлыми, величественными куполами, дворецъ императора Акбара, въ которомъ онъ жилъ во время своего пребыванія въ Лагорѣ, Зеркальный дворецъ Шахъ-Джегана, въ которомъ послѣдній изъ правителей Лагора Ранжитъ—передалъ въ 1849 году англичанамъ власть надъ Пенджабомъ. Но послѣ Дели, послѣ его величественныхъ, дивныхъ образцовъ индійской архитектуры, эти памятники мусульманскаго зодчества не производятъ на туриста сильнаго впечатлѣнія. И не они интересовали меня въ этомъ пенджабскомъ городѣ. Меня манило изъ этихъ молчаливыхъ, полутемныхъ мечетей, изъ ихъ обширныхъ, пустынныхъ оградъ, изъ ихъ уединенныхъ галерей и балконовъ—въ шумныя, оживленныя улицы туземнаго города, на площади, къ своеобразной, уличной жизни туземца...

Старый, туземный городъ расположенъ на лѣвомъ берегу р. Рави, въ 1 верстѣ отъ рѣки; онъ окруженъ высокой кирпичной стѣной, въ которой имѣется 13 воротъ, связывающихъ его съ англійскимъ городомъ, широко разбросаннымъ между рѣкой и линіей желѣзной дороги. Все въ этомъ старомъ городѣ напоминаетъ Востокъ, дышетъ Востокомъ. Узкія, тѣсныя улицы, обставленныя 2-хъ или 3-хъ этажными старыми, обветшалыми домами, съ причудливыми балконами, галереями, темными, грязными дворами, обиліе мечетей съ ихъ куполами и минаретами, шумная, пестрая толпа, безпрестанно снующая взадъ и впередъ, бойкая уличная торговля на площадяхъ, пыль и духота, тяжелый запахъ чего-то жирнаго и одуряющаго—обычный запахъ индійскаго города...

30. Улица въ туземныхъ кварталахъ г. Лагора.

Есть что то непостижимо привлекательное въ этой обстановкѣ азіатскаго города, въ пестротѣ и оживленіи толпы, въ переливахъ красокъ, такихъ яркихъ и сочныхъ подъ этимъ жгучимъ солнцемъ юга.

Лагоръ—городъ уже совершенно мусульманскій; индуизмъ представленъ здѣсь настолько слабо, что забываешь о немъ, глядя на многочисленные купола и на стройные минареты мечетей.

И чѣмъ дальше отсюда на сѣверъ, тѣмъ онъ стано-

вится все слабѣе и слабѣе, утопая и растворяясь въ необъятномъ морѣ ислама, покорившаго сѣверную Индію.

Индуизмъ въ Пенджабѣ принялъ уже съ давнихъ поръ своеобразный характеръ религіозной секты, послѣдователи которой извѣстны подъ именемъ сейковъ (или сиковъ) и образуютъ воинственную, тѣсно сплоченую касту, сохраняющую свою поразительную живучесть среди многомилліоннаго иновѣрнаго населенія Индіи. Основателемъ этой секты былъ нѣкто Кабиръ, начавшій свою проповѣдь въ 1574 году, въ царствованіе императора Акбара; его энергичный послѣдователь Нанакъ-шахъ дѣятельно распространялъ въ Пенджабѣ новое вѣроученіе, заключающее въ себѣ попытку примирить нѣкоторые догматы ново-брахманскихъ религій съ исламомъ.

Послѣдователи новой секты образовали въ скоромъ времени самостоятельную общину, поселившуюся въ 48 вер. отъ Лагора, на мѣстѣ, пожалованномъ имъ императоромъ Акбаромъ. Здѣсь, въ 1574 году, первымъ предводителемъ сейковъ Рамъ-Дасомъ былъ заложенъ городъ Амрицаръ, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ религіознымъ центромъ сектантовъ. Городъ образовался и развился вокругъ величественнаго храма, построеннаго въ центрѣ пруда, чистая вода котораго служила сейкамъ эмблемой безсмертія.

Съ теченіемъ времени сейки распространяли свое вѣроученіе, пріобрѣтали все больше и больше послѣдователей и расширяли свои владѣнія, управлявшіяся собственными наслѣдственными правителями. Уже съ 1764 года сейки владѣли всѣмъ Пенджабомъ, ведя успѣшно борьбу съ афганцами, не разъ вторгавшимися сюда съ сѣвера. Историческая роль сейковъ въ судьбахъ Индостана завершилась въ 1849 году съ переходомъ Пенджаба къ англичанамъ, послѣ ихъ продолжительной и ожесточенной борьбы за независимость. Съ тѣхъ поръ сейки потеряли значеніе политическаго фактора и превратились изъ воинственной въ мирную религіозную секту, бережно хранящую свое возвышенное, полумистическое ученіе подъ красивыми куполами Золотого храма въ Амрицарѣ.

Во время своего пребыванія въ Лагорѣ я посѣтилъ Амрицаръ чтобы ознакомиться съ его достопримѣчатель-

ностями, побывать на родинѣ одной изъ самыхъ оригинальныхъ, одной изъ самыхъ живучихъ сектъ современной Индіи.

Я поѣхалъ туда по желѣзной дорогѣ съ однимъ изъ моихъ соотечественниковъ, русскимъ врачемъ В. П. Кашкадамовымъ, находившимся въ Лагорѣ съ цѣлью изученія чумы, свирѣпствовавшей въ то время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пенджаба.

Отъ вокзала въ Амрицарѣ, мы проѣхали часть туземнаго города, такого-же тѣснаго, шумнаго и грязнаго, какъ и всѣ туземные города Индіи, поминутно задерживаемые по пути въ узкихъ переулкахъ неуклюжими индійскими арбами, запряженными медлительными буйволами. Былъ третій часъ дня и жара стояла ужасная. Душный, знойный воздухъ наполнялъ узкія улицы города и горячій вѣтеръ, дувшій сильными, внезапными порывами, поднималъ тучи ѣдкой пыли, дѣлавшей эту жару еще нестерпимѣе.

Главная достопримѣчательность Амрицара — Золотой храмъ—расположенъ въ центрѣ города и стоитъ въ серединѣ четырехугольнаго водянаго бассейна, соединенный съ его набережной широкимъ мостомъ. Основаніе стѣнъ храма, набережная вокругъ бассейна и мостъ сложены изъ бѣлыхъ мраморныхъ плитъ; остальная часть храма выложена позолоченной мѣдью, на которой чрезвычайно отчетливо вырѣзаны изреченія и молитвы на языкѣ Пенджаба. Въ храмъ ведутъ четверо дверей, соотвѣтственно четыремъ странамъ свѣта, но европейцы впускаются во внутрь храма только черезъ сѣверный ходъ. Раньше чѣмъ впустить насъ въ храмъ привратникъ предложилъ намъ снять сапоги и одѣть туфли изъ мягкой матеріи, завязываемые шнурками.

Внутренность храма представляется весьма оригинальной: нигдѣ нѣтъ никакихъ божественныхъ изображеній, ни внутри храма, ни въ стѣнной живописи, изображающей лишь птицъ и цвѣты.

У восточной стѣны храма, на полу, сидѣлъ священнослужитель съ большой сѣдой бородой и густой метелкой медленно помахивалъ надъ небольшимъ возвышеніемъ, на которомъ лежала священная книга Грантъ, заключающая въ себѣ всю сущность сейкскаго богословія. Сѣдой старикъ

лѣниво помахивалъ метелкой и гнусавымъ, однообразнымъ голосомъ тихо напѣвалъ молитвы, подъ акомпаниментъ нестройной музыки, извлекавшейся нѣсколькими музыкантами изъ какихъ-то странныхъ инструментовъ, въ родѣ гитары и барабана. Старикъ пѣлъ, музыканты играли, и глухой, старческій голосъ сливался временами съ дробью барабана, или рѣзкимъ визжаніемъ гитары, и вся эта нестройная масса звуковъ тихо расползалась и замирала на верху, подъ плоской крышей обширнаго храма.

Приходили богомольцы и клали свои приношенія на край четырехугольника, обозначеннаго на полу, посрединѣ храма; священнослужитель бралъ ихъ къ себѣ, а взамѣнъ ихъ подавалъ богомольцамъ по щепоткѣ цвѣточныхъ лепестковъ, которые онъ снималъ со стоявшаго передъ нимъ возвышенія, на которомъ лежала священная книга. Богомольцы принимали цвѣточные лепестки, клали нѣсколько поклоновъ, не опускаясь на колѣни и, либо уходили, либо, усѣвшись на полу нѣсколько въ сторонѣ, напѣвали вслѣдъ за священникомъ молитвенныя слова.

И было что-то таинственное и строгое въ этой пустотѣ огромнаго храма, въ отсутствіи божественныхъ изображеній, въ молчаливомъ общеніи вѣрующихъ съ священнослужителемъ, въ тихомъ пѣніи молитвъ...

Всѣмъ осматривающимъ храмъ вручаютъ на память небольшую чашку, грубо сдѣланную изъ сахара-леденца, за которую полагается уплатить одну рупію.

Насъ повели въ верхній этажъ храма, образуемый хорами, надъ которыми находится плоская крыша съ богаторазукрашеннымъ павильономъ по серединѣ и нѣсколькими золочеными куполами по угламъ. Существуетъ преданіе, что въ этомъ павильонѣ, любуясь окрестностями, вдали отъ суеты и шума городскихъ улицъ, часто отдыхали предводители сейковъ.

Въ сущности, кромѣ этого храма, въ Амрицарѣ осматривать было нечего, а потому въ тотъ-же день вечеромъ мы вернулись въ Лагоръ.

XV. Послѣдніе дни.

Описаніемъ своихъ впечатлѣній въ Лагорѣ я заканчиваю свои путевые очерки. Правда, посѣщеніемъ Лагора не кончаются мои странствованія по Индіи, но все, что я видѣлъ дальше—носитъ уже совершенно иной характеръ и описано мною въ другомъ мѣстѣ и въ другой формѣ.

Изъ Лагора я предпринялъ поѣздку въ Британскій Белуджистанъ, гдѣ видѣлъ безотрадную индійскую пустыню между Джакобобадомъ и Сиби, унылые, безплодные хребты белуджистанскихъ горъ, прорѣзанныхъ поразительнымъ въ строительномъ отношеніи желѣзнодорожнымъ путемъ, англійскія укрѣпленія Кветы, Чамана и ихъ окрестностей. Затѣмъ, вернувшись въ Лагоръ, я посѣтилъ Равальпинди и Пешаверъ, побывалъ на границѣ Афганистана, съѣздилъ въ Хайберскій проходъ, ознакомился съ англійской системой укрѣпленій на сѣверо-западной границѣ и осмотрѣлъ тамъ болѣе крупные англійскіе гарнизоны. Всѣ эти поѣздки дали мнѣ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ, военно-географическихъ и военно-политическихъ впечатлѣній, но имѣли, въ общемъ, спеціальный интересъ, не имѣющій ничего общаго съ тѣмъ который возбуждаютъ индійскіе города съ ихъ храмами, дворцами, архитектурными памятниками, и пестрой, оригинальной толпой, столь необычной для европейскаго глаза.

Къ тому же мои поѣздки по индо-афганской границѣ описаны мною въ книгѣ „Военные очерки Индіи*), въ которой интересующіеся этими впечатлѣніями найдутъ подробное описаніе моихъ скитаній по сѣверной окраинѣ Индійской Имперіи.

*) См. 2-ое изданіе, 1901 года, стр. 109—174.